

По материалам конференции
молодых ученых
Москва, 22 – 24 декабря 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**Антропология города
глазами молодых
исследователей**

По материалам конференции молодых ученых
Москва, 22–24 декабря 2014 г.

Москва 2015

ББК 63.3+63.4+63.5+63.6
УДК 39+9+316
А 72

**Опубликовано в рамках программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историческая память и российская идентичность»**

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук *Н.И. Халдеева*
кандидат исторических наук *Е.Б. Баринаова*

А 72 Антропология города глазами молодых исследователей.
По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24
декабря 2014 г. / отв. ред. Н.И. Халдеева, Е.Б. Баринаова. – М.:
ИЭА РАН, 2015. – 240 с.

ISBN 978-5-4211-0142-0

Сборник включает в себя статьи молодых ученых (этнологов, археологов, антропологов, социологов, философов), участвовавших в научно-практической конференции «Антропология города: молодежный аспект», которая проходила 22–24 декабря 2014 г. в Институте этнологии и антропологии РАН.

Содержание статей в разной форме посвящено вопросам адаптации горожан к городской жизни, ее динамике, многофакторности, агрессивности или комфортности, адаптогенности его территории. В сущности, речь идет об идентификации самого города, проявляющейся как система его презентации, структура которой в общих чертах выстраивается в форме реализации разных сфер.

Книга предназначена для этнологов, антропологов, историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4211-0142-0

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	6
Раздел I. Мигранты в городе. Проблемы лингвокультурной адаптации	
<i>Е.О. Абрамова</i> Лингвокультурные аспекты адаптации мигрантов	14
<i>А.В. Алексеева</i> Конструирование образа традиционной культуры в памирской диаспоре в Санкт-Петербурге	21
<i>Р.А. Старченко</i> Восприятие языковой политики Украины населением Крыма (по материалам этносоциологического исследования 2013 г.)	28
<i>Д.Г. Чубукова</i> Референдум в Крыму 16 марта 2014 года. Реакция крымско-татарского населения	40
Раздел II. Проблемы адаптации в городе и город для адаптации	
<i>А.Н. Куликова</i> Проблемы адаптации эвенкийской молодежи в городской среде на примере Нерюнгринского и Алданского районов Республики Якутия	49
<i>Р.Ш. Зельницкая (Шларба)</i> Абхазская молодежь между городом и деревней	56
<i>Н.А. Белова</i> Проблемы молодежи русской провинции (на примере г. Нерехты Костромской области)	64
<i>Е.А. Коптяева</i> Молодежь и межнациональные браки: на примере населения городов Омска и Екатеринбурга	74
<i>А.И. Илюхина</i> Локальные сообщества и движения в наукоградах	81
<i>Н.С. Александрова, И.А. Миронова, Д.А. Самылина</i> Неофициальная эпиграфика современного города как социально-политический и лингвистический феномен	89
<i>Е.С. Кочухова, Е.И. Рабинович</i> Как в парке Горького? Ориентиры развития ЦПКиО Свердловска/Екатеринбурга	97

<i>Д.Ю. Доронин</i>	
«Пятьдесят оттенков Тойоты»: жизнь машины в алтайском городе	105
<i>К.А. Темирёва</i>	
«Этнический» и «религиозный» аспекты в российской модной индустрии	117
<i>Т.М. Гланская</i>	
Сравнительная специфика этнической рекламы в центральной России и в регионах	124
Раздел III. «Идеальная» игровая идентичность.	
Поиск идентичности и игры	
<i>Д.Е. Амирханова</i>	
Религиозность города и деревни в дискурсе участников волонтерских реставрационных отрядов	131
<i>А.Е. Балашова</i>	
Образ копателя в быличках, анекдотах и паремиях	138
<i>О.В. Воробьева</i>	
Конструирование групповой идентичности в процессе ролевой игры ...	146
Раздел IV. Традиционные и новые модели идентичности	
<i>М.В. Васеха</i>	
Конструирование новых поведенческих моделей сибирячек под влиянием всесоюзной и сибирской прессы 1920-х годов	155
<i>О.И. Лисицына</i>	
Представления о «женской чести» в российской придворной среде конца XVIII – первой половины XIX века	164
<i>А.С. Зувеев</i>	
Репрезентация советского городского быта в музейном пространстве	172
<i>М.В. Коськина</i>	
Язык самопонимания и самоописания горожанина в контексте местной, региональной и федеральной власти	179
<i>Н.А. Мицюк</i>	
Среда большого города и феномен бездетности в России на рубеже XIX–XX веков	188
<i>М.А. Перова</i>	
Дети советской провинции 1920-х годов как субъекты исторического процесса. Проблемы изучения (на примере Курганского округа Уральской области)	197

<i>Д.А. Анзель-Стойчевич</i>	
Трансформация традиционной похоронной обрядности у городской молодежи Белграда (Сербия)	205
<i>П.В. Лиходкин</i>	
О результатах изучения физического развития учащихся в разных городах России в изданиях «Русского антропологического журнала»	212
Раздел V. Конфликт идентичностей. Ксенофобия, сепаратизм	
<i>В.И. Мальшева</i>	
Уровень ксенофобии в среде московской молодежи	225
<i>А.А. Плеханов</i>	
Понятие сепаратизма: генезис и бытование	231

Вступление

Очередная конференция молодых ученых **«Антропология города: молодежный аспект»** проходила в ИЭА РАН 22–24 декабря 2014 года. По материалам этой конференции был подготовлен данный сборник. Большинство его статей базируется на разработках представлений об идентичности как одного из инструментов адаптации индивидуума в разных и динамичных городских средах.

Город как тип поселения известен более пяти тысяч лет. И сегодня он остается наиболее адекватной формой для проживания и различных видов деятельности большого числа людей, обеспечивая динамичный ход цивилизационных, этнокультурных, социоисторических, коммуникационных, микрореволюционных процессов, решая проблемы жизнеустройства, жизнеобеспечения и повседневности его жителей. О городе и многообразных аспектах его реализации как поликультурного центра, об адаптации людей в городском пространстве, об идентификации города и его жителей говорили участники молодежной конференции в ИЭА РАН в декабре 2014 года. В большинстве докладов в разной форме затрагивались вопросы адаптации горожан к городской жизни, к ее динамике, многофакторности, уровнях агрессивности или комфортности. В сущности, речь шла об идентификации самого города, проявляющейся как способ его презентации, структура которой, в общих чертах, выстраивается в форме реализации следующих сфер: реклама, СМИ; деловая и индустриально-промышленная части городской территории; гостевой и рекреационный кластеры (зоны отдыха и развлечения, сеть ресторанов и гостиничных услуг, парковые и зеленые ансамбли); медицинские, научные, учебные и культурные заведения (университеты, музеи, библиотеки, клубы, кино/театры, выставочные центры, спортивные комплексы), жилые/спальные районы. В этой системе городского устройства каждый из его жителей и приезжих определяет свое место, идентифицируя себя в динамичных и многофакторных городских условиях.

Многообразие идентификационных и адаптационных стратегий человека в контексте антропологии города посвящено большинство докладов молодых ученых. В сфере обсуждаемых проблем выделяются несколько аспектов.

В первом разделе **«Мигранты в городе. Проблемы лингвокультурной адаптации»** рассматриваются первоочередные проблемы адаптации мигрантов в принимающих городах и пути их достижения. Для решения задач лингвокультурной, правовой и социальной адаптации/компетенции действуют школы по языковому обучению и другим вопросам, обеспечивающие, как минимум, эффективные формы интеграции в принимающее общество и идентификации в его границах. Например, на территории Крыма в условиях полиэтничности и в ситуации возвращения к предшествующей модели адаптации – сохраняется лингвокультурная идентичность в отношении русского языка.

Миграция в городе – мигранты в иноэтничной/инолингвистической среде и опыт решения задач их языковой компетенции рассматриваются в статьях Е.О. Абрамовой «Лингвокультурные аспекты адаптации мигрантов» и А.В. Алексеевой «Конструирование образа традиционной культуры в памирской диаспоре в Санкт-Петербурге». Проблема сохранения русского языка как формата лингвокультурной идентичности населения Крыма находится в центре внимания Р.А. Старченко в статье «Восприятие языковой политики Украины населением Крыма (по материалам этносоциологического исследования 2013 г.)». А проявлению стратегии идентичности на более высоком таксономическом уровне (толерантные взаимоотношения и лояльность государству) посвящена статья Д.Г. Чубуковой «Референдум в Крыму 16 марта 2014 года. Реакция крымско-татарского населения».

Второй раздел **«Проблемы адаптации в городе и город для адаптации»** посвящен обзору факторов и способов адаптации в городских условиях и результатов их изучения. В частности, в ряде наукоградов (Жуковский, Обнинск и др.) ученые и инициативные жители объединяются в движения/группы с широкими экологическими задачами и соответствующей групповой идентификацией в контексте решений региональных и федеральных экологических проблем силами общественности. Одновременно представлены данные изучения трудностей адаптации местной молодежи в провинциальных городах, обсуждаются примеры адаптации в городах в ситуации переселения из села в город, в процессе идентификации метисов, в отношениях к межэтническим бракам в городах с пестрым этническим составом. Объяснение некоторых вопросов адаптации и идентификации в городских средах реализуется в подходах эпиграфики, позволяющих выделить информационный аспект адаптационных действий со стороны города для комфорта жителей

(реклама, названия улиц, торговых центров, остановок, транспортных указателей, зон отдыха и пр.). Аспект активных мероприятий со стороны города (город для адаптации населения) освещается на примере истории планирования и строительства ЦПКиО в Свердловске (ныне Екатеринбурге).

Статья А.Н. Куликовой посвящена исследованию проблемы адаптации эвенкийской молодежи при переселении в городские условия и обретению молодыми эвенками новой идентичности горожанина при ослаблении позиции этнической идентичности в связи с утратой ряда компонентов традиционной культурно-хозяйственной среды. Результатом такой программы, к сожалению, стал высокий уровень асоциальных тенденций. Сегодня реализуется новый проект для адаптации эвенкийской молодежи, исключающий стрессогенные последствия его программ.

В статье Р.Ш. Зельницкой (Шларба) «Абхазская молодежь между городом и деревней» анализируется феномен переезда «из села – в город», обуславливающий появление ряда новых идентичностей в среде абхазской молодежи.

Проблемы адаптации на фоне нерешенных трудностей повседневности и жизнеустройства молодежи в провинциальных городах рассматривает Н.А. Белова в статье «Проблемы молодежи русской провинции (на примере г. Нерехты Костромской области)».

Сложности в формировании моделей идентификации у детей от межнациональных браков (метисов) исследуются в статье Е.А. Коптяевой «Молодежь и межнациональные браки: на примере населения городов Омска и Екатеринбурга». Так, в Омске, пограничном с Казахстаном регионе, в ситуации высокого уровня межэтнической метисации и пестрого этнического состава городского населения, неопределенная модель, идентифицирующая город (идентификация города), вызывает категоричное отношение к межнациональным бракам. Можно предположить потребность в определенности варианта самоидентичности, очевидной и для окружающего населения, и в рамках идентификации города.

В статье А.И. Илюхиной рассматривается групповая идентичность у членов различных общественных движений в наукоградах. Такая форма идентичности объединяет участников дискуссионного клуба, общественного фонда и других инициативных граждан в наукоградах, создавая основу для личной и групповой идентичности и идентичности городов. Групповая идентичность эффективна в ходе процессов защи-

ты природы, животных, лесных/зеленых комплексов, для экологических движений. Она определяет «повышающий» вариант идентичности людей, выполняющих задачи высокой науки, экологических движений по охране здоровья окружающей среды на региональном, федеральном и государственном уровнях.

Опыт горожан по идентификации/обозначению своего города и себя как его жителей, с очевидной демонстрацией права маркировать его в контексте эпиграфики, представлен в статье Н.С. Александровой, И.А. Мироновой и Д.А. Самылиной «Неофициальная эпиграфика современного города как социально-политический и лингвистический феномен». Роль эпиграфики значима в системе самоидентификации индивидуума посредством частных надписей, граффити. В эпиграфике, то есть в особенностях рекламы, дорожных щитов, указателей, официальных объявлений, названий улиц, магазинов читается идентичность города по шкале презентации информационного и комфортного пространства для жителей, как одна из форм его жизнедеятельности по обеспечению населения городским комфортом.

В статье Е.С. Кочуховой и Е.И. Рабинович «Как в парке Горького? Ориентиры развития ЦПКиО Свердловска/Екатеринбурга» исследуются причины неудачи первого варианта реконструкции и благоустройства ЦПКиО в Свердловске/Екатеринбурге по схеме полного дублирования парковой архитектуры Московского ЦПКиО им. Горького. Авторы обнаруживают эту причину в том, что в новом проекте не были адаптированы местные парковые компоненты и особенности традиционной системы идентичности населения.

Д.Ю. Доронин в статье «“Пятьдесят оттенков” Тойоты: жизнь машины в алтайском городе» обращается к популярному для современной социальной антропологии сюжету – значению технологических новаций в сообществах коренных народов, на полевом материале, собранном им в экспедициях 2011–2014 гг. среди алтайцев в Республике Алтай. Автором показаны некоторые специфические аспекты их восприятия и практик относительно автомобилей, современных бытовых приборов и электронных гаджетов.

«Этнический» и «религиозный» аспекты в российской модной индустрии рассматривает К.А. Темирёва. Изучая и анализируя различные аспекты модной индустрии, автор рассматривает моду как социокультурный феномен. По мнению автора, если для культуры в целом исторические традиции и культурные образцы – это ядро, несущее некое

«охранительное» значение, то в моде наблюдается абсолютно противоположный процесс – вся ценность образов определяется обязательной сменой модных стандартов, в которых присутствуют как базовые не изменяющиеся, так и подвижные, постоянно меняющиеся элементы. Данный факт позволяет автору рассматривать моду как отличительный признак этнической культуры.

Статья Т.М. Гланской «Сравнительная специфика этнической рекламы в центральной России и в регионах» посвящена рассмотрению рекламы как источника создания и передачи общественных ценностей, культурной идентичности и культурной ориентации.

В третьем разделе **«“Идеальная” игровая идентичность. Поиск идентичности и игры»** показаны примеры игрового конструирования (ролевые игры, движения волонтерских реставрационных отрядов с задачами сохранения памятников русской духовной культуры, а также копателей с их героическими ролями Совести и исторической памяти). По мнению авторов статей этого раздела, разнообразие игровых форм идентификации свидетельствует о дефиците виртуальной/мифологической «реальности» в системе окружающих реалий и о запросе молодежи на усиление и усложнение круга личной идентификации и креативности.

В статье Д.Е. Амирхановой «Религиозность города и деревни в дискурсе участников волонтерских реставрационных отрядов» представлена смена краеведческой/ролевой/игровой идентичности на волонтерский вариант идентичности (с высоким прикладным позитивным результатом).

Статья А.Е. Балашовой «Образ копателя в быличках, анекдотах и паремиях» посвящена изучению модели самоидентификации с акцентированием личной героической значимости, в частности как Совести, человека долга, преодолевающего опасности в условиях риска, участвующего в поисковом движении следопытов. Образ копателя положен в основу жанровых анекдотов, быличек, паремий, свидетельствуя о высокой степени вживания в образ/судьбу погибших на войне солдат, и продолжая страницы военной истории. В данном случае осуществляется «идеальная» игровая модель, позволяющая идентифицировать копателей как героические типы.

Формирование мифологизированной игровой идентичности или адаптация к игровым реальностям рассмотрены в статье О.В. Воробьевой «Конструирование групповой идентичности в процессе ролевой игры».

В четвертом разделе **«Традиционные и новые модели идентичности»** собраны факты идеологических подходов к формированию новых образов, динамичных тенденций, активности женщин, готовых отказаться от материнской роли и функции во имя личной свободы и самосовершенствования, конструирование идеальных моделей детей-героев, отвергающих традиции и сложившиеся семейные стереотипы. С другой стороны, представлены работы, показывающие роль традиционных (социально-сословных) установок кодекса «женской чести» для высокой аристократии в XVIII–XIX вв., акцентирующих абсолютно жесткие правила соответствия этим условиям на фамильном, сословном уровнях. Приводятся данные о результатах антропологического изучения физического развития населения в разных городах/регионах России, задающих эталоны антропометрических шкал (как сравнительных форм «биологической» идентичности), традиционно разрабатываемых в исследованиях по физической антропологии.

Переход от традиционных поведенческих моделей адаптации сибирячек к новым идентификационным социокультурным вариантамкрепощенной женщины с учетом формирования нового образа семьи и брака в контексте информационной линии государственных СМИ рассмотрен в статье М.В. Васехи «Конструирование новых поведенческих моделей сибирячек под влиянием всесоюзной и сибирской прессы 1920-х годов».

Формы применения свода правил по нормативному поведению в контексте гендерной специфики в среде российского нобилитета, утверждающих взгляд на женщин этого круга с позиций понятия «женской чести», ассоциируемой представителями высокой российской аристократии с соответствующей идентификацией семьи и рода «честной женщины» исследованы О.И. Лисицыной в работе «Представления о “женской чести” в российской придворной среде конца XVIII – первой половины XIX века».

В статье А.С. Зуевой «Репрезентация советского городского быта в музеем пространстве» освещается концепция «город в пространстве музея», реализующая форму идентификации городского советского быта как некоего музейного пространства в непосредственном пространстве музея. При этом демонстрируемая современная бытовая модель идентифицируется посетителями как более комфортная. В связи с переходом советской эпохи в ранг настоящей истории, посетители

(их много) идентифицируют себя именно в этом историческом контексте, обнаруживая второй пласт идентификации.

М.В. Коськина исследует особенности самоидентификации рядовых жителей в рамках категории «подчиненной части» населения, как вторичной по отношению к властным структурам в социальной модели общества.

Статья Н.А. Мицюк «Среда большого города и феномен бездетности в России на рубеже XIX–XX веков» посвящена исследованию тенденции отказа некоторых женщин от традиционного образа женщины-матери и принятия новой практики личного самосовершенствования и общественной/социальной публичности.

Привнесение в сферу советской провинциальной детской идентичности новой составляющей – образов пионеров-героев для государственных задач воспитания социально и политически активных детских типажей рассмотрено в статье М.А. Перовой «Дети советской провинции 1920-х годов как субъекты исторического процесса. Проблемы изучения (на примере Курганского округа Уральской области)».

В статье Д.А. Анзель-Стойчевич показаны варианты преломления в системе обрядовой похоронной традиции у городской молодежи и наименее консервативных жителей Белграда (Сербия) новых поведенческих правил. Ряд ритуальных действий можно объяснить как попытку вернуть усопшему функции «живой реальности», которые они не успели осуществить при жизни. Такого рода действия важны для идентификации усопших как живых людей в кругу оставшихся родственников и друзей с помощью некоторых обрядовых нововведений.

Антропологическая идентификация в параметрах антропологической диагностики физического развития детей в разных городах России с целью создания базы для медицинской профилактики населения и перспектив антропологической/биологической идентификации по материалам публикаций Русского антропологического журнала /РАЖ/ представлена в статье П.В. Лиходкина.

В пятом разделе **«Конфликт идентичностей. Ксенофобия, сепаратизм»** рассмотрены факты роста этнической и религиозной нетерпимости, экстремальных форм охранения собственной идентичности, перерастающих в определенных ситуациях в конфликт идентичностей и проявления жесткой ксенофобии. Все эти моменты обсуждаются в статьях данного раздела и свидетельствуют об актуальности принимаемых мер по предотвращению подобных явлений. Обсуждаются теорети-

ческие аспекты одной из новых форм этнического сепаратизма в связи с переходом из под юрисдикции отдельной страны в юрисдикцию глобального масштаба с возможным проявлением в скрытой/латентной форме.

В.И. Малышева исследует «Уровень ксенофобии в среде московской молодежи» и приходит к заключению, что, поскольку объектом демонстрации и реализации ксенофобии являются преимущественно мигранты, то это явление сформировалось как попытка сохранения собственной идентичности (личной и в перспективе для потомков).

А.А. Плеханов рассматривает конфликт идентичностей и тенденции сохранения старого варианта этнического сепаратизма на примере выхода из сферы локальной юрисдикции на более высокий уровень глобального масштаба.

В целом, в тематике докладов на конференции были акцентированы структурные и функциональные векторы городского жизнеустройства и особенности жизнедеятельности его населения, привычные формы повседневности, и поиск новых форм – иногда с элементами мифотворчества или актуальной героизации военного периода и поиск новой идентичности в его постистории. Получили разработку следующие направления: меры по адаптации мигрантов, создание максимально возможного комфорта для ориентации и активной деятельности во внутригородских средах, рекреационно-культурно-спортивно-учебно/образовательные сегменты, новые модели уличной торговли, комфортный дизайн транспортных остановок, развязок, информационные указатели и др. В ряде текстов представлен не рутинный взгляд на город своего проживания и на опыт адаптации в системе его динамичной повседневности, а пристальное наблюдение с перспективой его трансформации в нормативно/функциональную модель будущего городской территории. Основным признаком данного сборника – умение молодых авторов работать со сложными фактами, видеть проблемные узлы, находить их объяснения и моделировать систему идентификации в разных и неоднозначных адаптационных городских средах/условиях.

Раздел I

Мигранты в городе. Проблемы лингвокультурной адаптации

Е.О. Абрамова

Лингвокультурные аспекты адаптации мигрантов

В настоящее время все более актуальным становится вопрос социальной, культурной, правовой и языковой адаптации мигрантов. Незнание правовых норм, языка принимающей страны, ее культурных особенностей сразу же ставят труднопреодолимый барьер между мигрантами и принимающим населением. В новых независимых государствах после распада СССР русский язык стал вытесняться из всех сфер жизни, а в некоторых из них приобрел статус иностранного. Полный отказ от русского языка не только отрицательно влияет на экономические отношения между странами, но также снижает конкурентоспособность на рынке услуг в процессе миграции.

В статье внимание сосредоточено на языковой и культурной адаптации мигрантов, которая, в свою очередь, способствует социальной и правовой адаптации.

В России с 1 января 2015 года введен закон об обязательном экзамене по русскому языку как иностранному (РКИ). До 2015 г. по всей России проводились пробные тестирования, но желающих его пройти было крайне мало. Проблема языковой адаптации мигрантов уже озвучивалась экспертами ранее, но конструктивные шаги были приняты и сформулированы в виде законодательного акта только в мае 2014 г. Поэтому наиболее актуален анализ системы, механизмов тестирования знаний иностранных граждан, а также взаимодействия различных структур УФМС – НКО (сообществ, общин) мигрантов.

В данном исследовании был использован метод глубинного полуструктурированного интервью: мигрантов, экспертов, занимающихся данной проблемой (представителей УФМС, сотрудников НКО). Также проводилось анкетирование мигрантов, куда были включены вопросы,

касающиеся самооценки уровня владения русским языком, частоты использования, успешности или неуспешности межкультурной коммуникации.

Стоит отметить, что вопрос сдачи экзамена по русскому языку как иностранному возник давно, еще в 2006 г. У экспертов нет единого мнения насчет проведения тестирования. Однако введение обязательного тестирования является актуальной задачей на данный момент в плане лингвокультурной адаптации и интеграции мигрантов. Согласно данным УФМС России, сейчас уже действует 160 центров тестирования, имеются курсы по русскому языку на платной и на бесплатной основе, разработаны программы с учетом подготовки и уровня языковой компетенции приезжающих иностранных специалистов¹. Конечно, стоит отметить, что эффективность прохождения тестирования зависит от многих факторов: ответственность мигрантов, адекватный языковой материал для подготовки к тестированию, контроль со стороны представителей государственных структур.

Тест по русскому языку как иностранному имеет трехчастную структуру: русский язык, который включает три части (чтение, письмо, аудирование), история Российской Федерации, и основы правового законодательства. Для иностранных граждан установлен минимальный уровень знаний для сдачи экзамена. Тест считается пройденным, если испытуемый дал не менее 60 % правильных ответов. При успешном прохождении тестирования иностранный гражданин получает сертификат о владении русским языком, о знании истории и основ российского законодательства. Стоит заметить, что сертификат выдается сроком на пять лет. По окончании срока действия иностранному гражданину нужно подтвердить данный сертификат. У тех, кто не справился с тестированием по вышеперечисленным дисциплинам, будут аннулированы разрешительные документы.

На примере книги А.В. Голубевой «Мы живем и работаем в России»³, которая официально рекомендуется в качестве материала для подготовки к тестированию, экспертами было выделено несколько важных моментов. Во-первых, слишком простой материал, который подается таким образом, как будто все мигранты имеют очень упрощенное сознание. Во-вторых, вся информация посвящена тому, как нужно заполнять основные документы (миграционная карта, бланк уведомления о регистрации и т.д.). Отсутствует хороший грамматический и лексический материал для выполнений упражнений. Нельзя

научить человека понимать, говорить, писать и читать на русском языке, используя только примеры из жизни. Поэтому многие преподаватели используют учебники по русскому языку для школьников, т.к. в них находится более полная информация и интересные задания.

В ходе исследования проводилось интервью с экспертами, занимающимися проблемой лингвокультурной адаптации и интеграции мигрантов. В интервью приняли участие 5 человек: 3 представителя НКО (Межрегиональный центр помощи мигрантам), 2 сотрудника УФМС в Сорновском районе. Анкетирование прошло 10 человек: 8 граждан Узбекистана, 2 гражданина Кыргызстана, мужчины до 25 лет, имеющие среднее или незаконченное среднее образование. Вопросы анкеты можно условно поделить на несколько блоков. Общие вопросы раскрывали информацию следующего характера: личные данные, профессия, национальность, причина переезда, семейное положение. Вопросы, касающиеся языковой компетенции, основывались на оценке мигрантами своих знаний русского языка, частоты использования русского/родного языка в семье, на работе, с друзьями. Блок вопросов о культурной адаптации мигрантов – вопросы, связанные с потерей/защитой своей национальной идентичности, принятием/непринятием традиций и обычаев принимающей стороны.

Согласно данным экспертного сообщества (представителей НКО и УФМС), в качестве главной проблемы мигрантов выделяется незнание основ правового законодательства, которое в свою очередь, складывается из-за низкой языковой компетенции (мигранты не могут прочитать документы). Временно приезжающие мигранты прибывают на ограниченный срок с целью зарабатывания денег, поэтому необходимость использования русского языка ограничена. Однако сезонные рабочие могут остаться и на более длительный период. Тогда им необходима адаптация и интеграция в принимающее общество. Представители НКО говорят, что существует два типа мигрантов: одни, у кого есть деньги, и они сами легко адаптируются, и те, у кого очень низкий уровень социальной защищенности, низкий уровень образования, слабая языковая подготовка и низкий доход семьи. В школах у детей мигрантов очень низкий языковой уровень. К ним предъявляются очень низкие требования. Не проводится внеклассная работа с детьми-мигрантами, не прорабатываются проблемы в классе, что приводит к образованию в классах определенных группировок. Более того, обозначаются такие проблемы, как коррумпированность некоторых пред-

ставителей УФМС. В свою очередь, сотрудники УФМС говорят о том, что выросло количество фирм-посредников, оказывающих некомпетентную помощь на платной основе. Также увеличилось число нелегальных мигрантов.

Как решение проблемы, эксперты предлагают ввести усиленный контроль за проведением тестирования мигрантов, а также предъявление жестких и справедливых требований к самим мигрантам. Только наличие этих двух факторов позволит избежать коррупции и будет способствовать высокой мотивации мигрантов.

Есть и другие недостаточно проработанные вопросы. По словам экспертов, часть теста, касающаяся истории и основ законодательства РФ, не продумана и сделана без учета специфики приезжающих иностранных специалистов. Авторы теста не имеют представления о мигрантах, для них важно формальное наполнение теста. Временным трудовым мигрантам необходимо знать русский язык на уровне начальной школы: они должны уметь писать, читать, разговаривать. Мигранты, которые собираются остаться на длительный период, должны обладать более широкими знаниями. Для эффективного прохождения тестирования экспертами подчеркивается не только жесткий контроль, но и наличие информации для мигрантов в более доступной форме. В качестве инициатив предлагается разработка сервера при УФМС, где будет размещена информация не только по тестам, аккредитованным центрам, а также правовая информация и консультация. Это положительно скажется на общении УФМС и мигрантов.

Проведенный анализ анкетирования 2014 г. показал, что большую часть мигрантов составляют мужчины до 25 лет. Все участники анкетирования исповедуют ислам, и те, кто состоит в браке, женились на представителях своей национальности. На вопрос, рассматривают ли они возможность брака с представителем другой национальности, все респонденты ответили – «нет». Образование у опрошенных мигрантов среднее, или незаконченное среднее, и как специалисты они могут претендовать на работы, не требующие высокой квалификации (сезонные рабочие). Мигранты, прибывшие в Россию несколько лет назад (около пяти лет), более адаптированы, чем мигранты, прибывшие один или два года назад. Подтверждением этого могут служить ответы респондентов по языковой компетенции и отношений с местным населением. Те, кто находятся в России около пяти лет, больше используют русский язык на работе и с друзьями, имеют большее количество дру-

зей, как своей национальности, так и среди местного населения. Мигранты, проживающие менее двух лет, больше используют свой родной язык на работе, в семье, с друзьями, и имеют больше друзей своей национальности. Наблюдается некоторая закрытость и образование группировок. Все опрошенные мигранты оценивают свои языковые компетенции как удовлетворительные, могут читать, говорить, но пишут с ошибками. Уровень безопасности мигранты оценивают как средний. Самым сложным для них остается межкультурная коммуникация, которая выражается в трудности общения с чиновниками, использовании общественного транспорта, а также понимании шуток и юмора принимающего населения. Все респонденты чувствуют дискриминацию, которая есть не только в повседневной жизни, но присутствует на работе и при аренде жилья. Практически все респонденты выразили желание остаться в России, поэтому задача адаптации и интеграции стоит для них наиболее остро.

Сравнивая миграционную политику европейских стран – Германии и Франции, можно найти много схожих черт и проблем (пребывание инокультурных мигрантов из разных стран, исповедующих разные религии, нелегальная миграция, создание анклавов и сепаратизм мигрантов). В качестве усиления политики интеграции и адаптации мигрантов были введены обязательные тесты на знание языка принимающей страны. Как отмечают эксперты НКО, в Германии есть курсы для мигрантов на бесплатной основе, однако там осуществляется жесткий контроль за их обучением. Тестирование мигрантов включает в себя интеграционный курс и ориентационный курс, содержащий лингвострановедческую информацию, общую информацию по культуре, социальным и правовым аспектам жизни в Германии. Выпускной экзамен состоит из языкового теста, в котором имеются два блока: задания на проверку устной и письменной речи. Если мигрант хочет получить сертификат, он должен посетить все занятия. Если мигрант не проходит тестирование, или по каким-то причинам отказывается от него, то он не может продлить право на проживание и получения пособий. Проверяющая организация следит за тестированием, после чего делает экспертное заключение, по итогам которого оплачивается труд работников центра. В итоге наблюдается высокая мотивация обеих сторон: преподавателя и самого мигранта.

Лингвокультурная адаптация и интеграция мигрантов проходит намного успешнее, если есть образовательная площадка для детей и

взрослых. В Германии существует программа «Мама учит немецкий», когда матери учат немецкий язык, пока ребенок в школе. В Нижнем Новгороде при поддержке Межрегионального центра помощи мигрантам открылись бесплатные курсы для мигрантов, в которых есть две группы, где обучаются взрослые и дети одновременно. Если взрослые пришли с детьми, они могут отдать детей в детскую группу, а сами заниматься во взрослой группе. Родители могут также заниматься вместе с детьми – это с одной стороны, контроль за выполнением заданий, а с другой стороны – возможность подтянуть свои знания. В целом, стоит отметить, что существуют бесплатные курсы русского языка для мигрантов, но их очень мало. Дети мигрантов недостаточно усваивают материал в школе и практически не тренируют свои знания дома.

По мнению экспертов, нам нужно перенимать опыт Германии в плане ужесточения контроля за проведением тестирования. Также не стоит забывать, что должна быть заинтересованность работодателя в повышении языковой компетенции мигрантов. Но без поддержки государства, а именно, снижения налогов или предоставления льгот такое невозможно. В настоящий момент*, по данным интервью с представителем НКО, уже есть корпоративные заявки, заказы на обучение своих специалистов русскому языку. Также работодатели стараются контролировать своих работников.

Благоприятная адаптация и интеграция возможны, если открыт доступ в социальную, экономическую, правовую и культурную сферы принимающей страны. Доступность правовой сферы рассматривается тогда, когда имеется четко сформулированная миграционная политика, постоянно действуют и понятны правила регистрации, получения разрешений. Доступность социальной сферы однозначна и понятна при условии доступности сферы социальной помощи, четко прописанных правил в законодательстве и фактическом исполнении международных документов. Экономическая сфера доступна в том случае, когда есть возможность легально получить работу (мигрант не оказывается вне правового поля). Доступность культурной сферы обеспечивается, если соблюдаются культурные и религиозные традиции и доступна культурная и образовательная среда принимающей стороны⁴. Пока вопрос доступности культурной сферы остается открытым.

* До декабря 2014 г. – примеч. ред.

¹ Лузикова С.Н. Тестирование мигрантов по русскому языку как показатель реализации миграционной политики России // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2014. № 1. С. 217–221.

² Там же.

³ Голубева А.В. Мы живем и работаем в России. Златоуст, 2011. С. 128–130.

⁴ Соснина И.В. Социальные аспекты интеграции трудовых мигрантов // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2012. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2012/3/367.pdf> (дата обращения 10.11.2014).

Конструирование образа традиционной культуры в памирской диаспоре в Санкт-Петербурге*

В современных российских исследованиях миграции мало внимания уделяется представлению традиционной культуры в городе. Только в последнее время исследователи обратились к этой теме. В фокус попала репрезентация традиционной культуры в этнических кафе. Однако, репрезентация культуры вовне – это только одна сторона, другой стороной является конструирование образа для «внутреннего пользования». На него влияет эссенциалистский дискурс советской этнографической науки, под влиянием которого происходит музеефикация представления культуры. Музеефикации пространства способствует также и дискурс толерантности, транслируемый официальными инстанциями. Рассмотрим такое конструирование на примере памирской диаспоры в Санкт-Петербурге, исследование которой проводится с декабря 2013 г., а также варианты визуальной репрезентации пространства родины в помещении Дома национальностей, которое является местом сбора общины и которое оформлено в стиле памирского дома.

Эссенциалистский взгляд и по сей день достаточно распространен, издаются учебники для вузов, которые преподносят культурное разнообразие через призму этносов. В связи с доминированием эссенциалистского дискурса в России, Оксана Карпенко говорит о культурном расизме¹. Последний, по ее словам, пришел на смену традиционному «биологическому» расизму. Культурный расизм предполагает существование иерархии, во главе которой стоит культура принимающего сообщества. «Расизм может быть использован как способ утверждения легитимности существующей власти, и одновременно создает те разнообразные иерархии, благодаря которым происходит неравномерное распределение экономических, социальных, культурных и символических ресурсов» – пишет С.Н. Абашин. «Рупоры» культурного расизма – это разного рода государственные организации (например,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02149)

школы и музеи), которые призваны распространять иерархию ценностей, которая бы легитимировала существующую власть, и иерархию идентичностей, которые индивид должен ранжировать так, как это выгодно власти. Концепция культурного расизма предполагает наличие «своего» и «чужого», при этом, в качестве «чужого» может быть не только этнокультурная принадлежность, но и любые другие социальные различия².

Говоря об образе традиционной культуры стран Центральной Азии, который бы «вписался» в культурную иерархию, можно сказать, что в качестве «другого» здесь выступает «восточное». Например, как «ориенталистский» может быть осмыслен подход к формированию визуальной составляющей в этнических кафе. Частотны названия заведений, которые характеризуют кухню именно как восточную, в оформлении интерьера используется «микс» из того, что принято считать «восточным». Культуру «чужого» представляют также этнографические музеи, например, задача Кунсткамеры – представлять «мирового» чужого, а РЭМ – «чужого» на территории России³.

Памирские таджики в Петербурге являются достаточно сплоченной группой. Памирцы раньше многих других групп стали приезжать в Россию, и часто – для того, чтобы получить высшее образование. Стремление к образованию связывается с исмаилизмом, принадлежность к которому определяет специфику памирцев в качестве более открытой, мобильной, менее ортодоксально настроенной общины мусульман. Среди памирцев много граждан России, но много и тех, кто собирается вернуться домой, а есть и такие, которые собираются повторно уехать из своей страны. В общине, наряду со взрослыми, много детей и молодежи. В общину вхожи люди, чьи социальные статусы различны. Члены общины собираются по воскресеньям в Доме национальностей, где у них есть специальное помещение, оборудованное в стиле дома на Памире. В рамках общины функционирует студенческое объединение, родительский комитет, воскресная школа, коллектив музыкантов. Там же, в Доме национальностей, проводятся концерты и праздники. Другие собрания группы проходят в рамках работы студенческой организации, нередки и внеплановые встречи.

Миграция памирцев в Россию имеет большую историю и насчитывает несколько волн⁴. Миграционные настроения населения данного региона неудивительны, так как регион является труднодоступным, имеет плохо развитую индустрию, мало пахотных земель для ведения

эффективного сельского хозяйства. Миграция, которая происходила в еще в советское время, прежде всего была связана со стремлением получить в России высшее образование. Другую волну миграции можно связать с гражданской войной в Таджикистане (1992–1997). В это время именно те люди, которые приехали до падения советской власти, становились организаторами общинных организаций. Представляется важным акцентировать, во-первых, наличие высшего образования у организаторов, в частности этнографического этноцентрического знания, а, во-вторых, групповую необходимость встроиться в существующую систему ценностей. Одним из возможных модусов существования диаспоры становится оформление общественных организаций, конвенциональной задачей которых видится сохранение традиционной культуры. Для того, чтобы встроиться в иерархию культурных ценностей принимающего сообщества, памирцы создают «Межрегиональную общественную организацию “Памир”». «Играть по правилам» не представляет большой трудности, так как «эссенциалистский» дискурс знаком недавним мигрантам по школьным учебникам, а «старейшинам» общин – по книгам, посвященным истории Памира. Таким образом, люди, усвоившие эссенциалистскую парадигму задолго до миграции, находят себе место в предлагаемой иерархии, и это место «культурного другого», «чужого». Следовательно, любые возможные различия подчеркиваются, на основе книг и сконструированных в советское время стереотипов народной культуры строится репрезентация сообщества, идентичности внутри него.

Роль «старейшины» и организатора в общине играет Б. Он приехал в Россию после армии (службу он проходил в Самаре, в авиационных войсках), в 1984 г. он поступил в ПТУ в Санкт-Петербурге, затем закончил Педагогический институт им. Герцена. С 1993 г. он является главой общины. *«Люди начали обращаться, начали помогать им, занялись общественными делами»*, говорит Б.⁵ Первоначально община собиралась на территории профессионально-технического училища, в котором Б. был учителем физического воспитания. Сейчас Б. является заместителем директора по производству на базе училища, состоит в общественном совете УФС, является заместителем председателя общественного совета Дома национальностей. Как человек не чуждый образованности, Б. интересуется историей, с гордостью говорит о лекции исторических и этнографических книг, посвященных Памиру. Кажется естественным, что его амбиции продвижения по служебной

лестнице предполагают некритическую рецепцию существующей в обществе иерархии ценностей. Эта иерархия ценностей передается и ученикам Б.

Под влиянием эссенциалистского дискурса возникает необходимость конструировать свою культуру как «другую». Интересным на этом фоне кажется трансформация значения понятия «толерантность», которое является одним из ключевых для исмаилизма. Изначальное одобрение множественности культур на российской почве осмысливается именно как необходимость выделения «чужого». Эссенциалистский дискурс побуждает упорядочить культурную множественность, придать ей узнаваемость. «Толерантность» как приветствие множественности превращается в «толерантность» как «культурный расизм». При этом представление «другого» носит конвенциональный характер. Задачу представления другого выполняют этнографические музеи.

Памирцы музеефицируют пространство вокруг себя. Кажется, что построение именно музейного нарратива для внутриобщинного пользования является внутренним «подтверждением» вписанности в систему и становится гарантом психологического спокойствия. Пространство, выделенное для джамоатхоны Домом национальностей, оформляется в стиле памирского дома, с характерной отделкой (например, это специфическая имитация окна в потолке, как в домах на Памире). Интересно то, что пространство не оформляется в точности, как дом на Памире, а оформляется, как было бы представлено в этнографическом музее, более того, пространство «дома» часто называется музеем. Отличие также заметно в способах организации пространства: пространство дома на Памире формируется под влиянием повседневных практик (я имею в виду наличие фотографий умерших родственников на стенах, религиозные практики также обуславливают присутствие портретов Ага-Хана). Пространство музея оформляется в соответствии с музейными канонами: здесь вывешены этнические музыкальные инструменты, тибетейки, плетеные горшки и проч. При этом, происхождение всех этих вещей не всегда специфически-памирское, часто эти вещи характеризуются как таджикские, афганские, туркменские (здесь просматривается «ориенталистский» взгляд на вещи). Памирцы собираются в этом музеефицированном пространстве, проводят там занятия воскресной школы, записывают музыку.

В контексте сказанного кажется неудивительным, что национальные костюмы и экспозиция предметов из «музея» перекочевала в 2010 г. на временную выставку в ДК «Рыбацкий» практически без изменений. Музейный нарратив воспроизводит и сайт общины, обращаясь к истории народа (которая подробно описана с начала присутствия советских пограничников), к описанию конструкции памирского дома, к описанию свадебного ритуала и традиционной музыки. Часть статей написана самими памирцами, часть позаимствована, судя по стилю, из советских энциклопедий.

Политика Дома национальностей приветствует такой конвенциональный способ существования общины, всячески подчеркивая необходимость светскости и отсутствия на территории Дома национальностей всего религиозного. Так, памирцам предоставляется актовый зал для организации таких праздников, как День толерантности и 23 февраля, для проведения концертов этнической музыки. Однако «музей», который по совместительству является джамоатхоной, то есть, местом сбора общины, не является местом религиозных практик, каковым должна быть джамоатхона в стандартном ее понимании. Замечу, что до этого, когда община собиралась в училище, в джамоатхоне проводились молитвы.

Удивительно, что при такой строгости политики относительно религии, памирцам удается проводить занятия воскресной школы, на которых, в частности, детей обучают основам исмаилизма. Кажется, это становится возможным потому, что «религиозная» информация, передаваемая ученикам, включает в себя набор ценностей (в частности, толерантности), которые являются в общем понимании светскими. Основное направление работы школы – привить подросткам такие ценности, как уважение к различным культурам, важность знания о месте пребывания, при этом, ценности «цивилизации» априори позиционируются как чужие, даже если большинство обучающихся родились и всю жизнь жили на территории России. Школьникам рассказывается, что они находятся в гостях, и что в гостях необходимо вести себя уважительно по отношению к хозяевам (*«Пришел в город одноголазых – обязан выколоть себе один глаз»*. М., 24, учитель)⁶, причем метафора «гостей» кажется заимствованной именно из культурно-расистского дискурса.

Конструирование себя как «другого» предполагает также и создание образа, который можно было бы считать «своим» в культуре при-

нимающего сообщества. Поэтому много внимания в общине уделяется изучению истории России, истории Петербурга, изучению ценностей «образованного», «культурного», «европейского» общества. Знание о «принимающей культуре» становится необходимым атрибутом успешного школьника, становится статусообразующим: мной было замечено, как в процессе диалога школьники, выясняя, кто «круче», прибегали именно к поочередной экспозиции своих знаний об истории России, о русской литературе, и тот, кто не мог ответить на вопрос, заданный товарищем, в каком году родился А.С. Пушкин, оставался в невыигрышном положении.

Нормы общины и представления о том, как необходимо воспитывать подрастающее поколение, являются достаточно жесткими. Мной был зафиксирован инцидент, когда участники правозащитной организации (в числе которых имеются памирцы) в День защиты детей решили организовать образовательное мероприятие для детей общины. Провести его не удалось, так как программа правозащитников была воспринята как неконвенциональная, в течение часа последние пытались доказать то, что их мероприятие не принесет вреда, но так как ресурс воспитания детей является властным ресурсом, попытка проведения мероприятия была воспринята как попытка посягательства на монополизированный ресурс. Замечу, что политику общины как регламентированную строгим образом описывают «аутсайдеры» общины, которые именно по этой причине отказались от сотрудничества с ней.

Таким образом, существование общинной организации возможно в большой степени только в модусе «воспроизводства этнической культуры» как образца культурного другого. Так как авторитетным образом представления традиционной культуры является музейная экспозиция, конструирование культуры у памирцев происходит именно в музейном формате. Те, кто принимают такую модель, лояльны к властным структурам, те же, кто не приемлет существующие в обществе иерархии, остаются вне общины.

¹ Карпенко О. Ты – гость, тебе не должно сметь свое суждение иметь // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 212–255.

- ² *Абашин С.Н.* Расизм, этнография и образование: вопросы и сомнения // *Расизм в языке образования* / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 26–43.
- ³ *Беззубова О.В.* Проблема репрезентации «национального» в современном этнографическом музее // *Вопросы музеологии*. 2010. № 1. С. 3–8.
- ⁴ *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН*. № 178. М.: ИЭА, 2005.
- ⁵ ПМА – Полевые материалы автора. 2013.
- ⁶ ПМА. 2013.

**Восприятие языковой политики Украины
населением Крыма (по материалам
этносоциологического исследования 2013 г.)***

После распада СССР в независимых постсоветских государствах языковая ситуация стала претерпевать кардинальные изменения, что в первую очередь было связано со сменой правового статуса языков титульных наций, которые были провозглашены местными элитами государственными языками. На протяжении более чем двух десятилетий, как в Крыму, так и на всей территории Украины, государственная власть проводила языковую политику, направленную на укрепление статуса государственного украинского языка в ущерб, в первую очередь, русскому, который является вторым по численности граждан Украины его использующих. Политика вытеснения русского языка и создания украиноязычной среды воспринимается населением Украины и жителями Крыма неоднозначно. Часть граждан считает, что меры по укреплению украинского языка в ущерб русскому правильны. Другая часть воспринимает данную политику как враждебную, лишаящую их права использовать в равной мере с украинским свой родной язык. Общество поделилось на два лагеря – опасующихся украинизации и защищающих дерусификацию. Жители Юго-Востока Украины и Крыма являются преимущественно сторонниками первого лагеря, а большинство населения Западной и Центральной Украины – второго. Крым существенно отличался от остальных территорий Украины численным преобладанием русских в этнической структуре. Наряду с русскими в регионе по данным Всеукраинской переписи населения 2001 г. проживают представители 124 национальностей. 95% населения полуострова (включая Севастополь) составляют три группы – русские (60,1%), украинцы (23,9%), крымские татары (10,2%). Этим и определяется кар-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099; публикуется в рамках проекта РГНФ «Разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России» № 15-37-14017.

тина демографических и этносоциальных процессов и, не в последнюю очередь, языковая ситуация на полуострове.

Примечательны слова одного из инициаторов политики украинизации экс-президента Л. Кучмы, раскрывающие суть этой политики: «Украина – государство, которое по ряду параметров вынуждено воссоздавать себя. <...> Одним из важнейших параметров является государственный язык», «Украинизация – это восстановление справедливости <...> Если уравнивать украинский и русский языки уже сегодня (как нам порой рекомендуют в Европе), десятки, а то и сотни тысяч сразу и с облегчением перейдут на русский. На практике это будет политика узаконенной русификации Украины»¹. Для «восстановления справедливости» властями были подготовлены программы перевода на украинский язык обучения учреждений в сфере образования, сокращения вещания теле- и радиоканалов на русском языке, ряда других мер по ограничению функционирования русского языка в органах государственного управления и в сфере досуга. Политика украинизации наиболее успешной оказалась в сфере образования, благодаря переводу с русского на украинский язык обучения в среднеобразовательных школах. Если в 1991 г. доля учеников, обучающихся на русском, составляла 51,4%, то к 2011 г. она уменьшилась до 16,5% (табл. 1).

Таблица 1

**Темпы украинизации сферы среднего школьного образования
в Украине (%)²**

Языки обучения	Обучавшиеся на русском и украинских языках в общеобразовательных учебных учреждениях Украины в 1991–2011 учебных годах (в %)					
	1991 ³	1996	1999	2002	2007	2011
	Вся Украина					
Украинский	47,9	60,0	67,5	73,8	79,0	82,2
Русский	51,4	39,2	31,8	25,3	20,0	16,5

В Юго-Восточных регионах с 1996 по 2007 г. доля обучающихся на русском языке сократилась с 70,5% до 46,1%. Наиболее впечатляющими были темпы вытеснения русского языка из школьного образования в Киеве (с 22,0% до 3,0%) и в 17 регионах Запада и Центра Украины (с 11% до 1,2%). Даже в 10 регионах Юго-Востока Украины со значительным числом русского и другого русскоязычного населения, удельный вес школ с русским языком обучения сократился за указанный период с 70,5% до 53,5%, а доля украинских школ возросла с 29,2% до 46,5%. Только на Крымском полуострове русский язык в сфере школьного образования сохранил свои позиции – в 2007 г. доля обучающихся на нем в г. Севастополь составила – 96%, в АРК – 90%⁴ (табл. 2).

Таблица 2

Темпы украинизации сферы образования в Украине (%)⁵

	Численность школьников с русским и украинским языком обучения (%)		
	1996	1999	2002
	Вся Украина		
Украинский	60,0	67,5	73,8
Русский	39,2	31,8	25,3
Баланс	+20,8	+37,7	+48
Киев			
Украинский	78,0	91,0	95,0
Русский	22,0	9,0	5,0
Баланс	+56,0	+82,0	+90,0
Запад–Центр (17 регионов)			
Украинский	88,0	93,6	96,5
Русский	11,0	5,6	3,4
Баланс	+77,0	+88,0	+93,1
Юго-Восток Украины (10 регионов)			
Украинский	29,2	37,0	46,5
Русский	70,5	63,0	53,5
Баланс	–41,3	–26,0	–7,0

Согласно данным переписи населения Украины 2001 г., во всех регионах Украины с долей русскоязычных граждан свыше одной трети населения, доля учащихся, получающих среднее образование на рус-

ском языке, было значительно меньше доли самих русскоязычных граждан. Особенно велика эта разница в столице Украины, в Харьковской, Одесской, Запорожской и Днепропетровской областях. Исключение составляли Крым и Севастополь, в которых на русском языке получали среднее образование не только русскоязычные граждане, но и представители других национальностей (табл. 3).

Таблица 3

**Доля русскоязычных граждан (по данным переписи 2001 г.)
и доля обучающихся на русском языке в среднеобразовательных
школах и вузах разной степени аккредитации
в 2006/2007 учебном году (%)⁶**

Регион ⁷	Доля русскоязычных граждан	Доля учащихся, получающих среднее образование на русском языке	Баланс
г. Севастополь	90	96	+6
АР Крым	77	92	+25
Донецкая обл.	75	67	-8
г. Киев	70	3	-67
Луганская обл.	69	61	-8
Запорожская обл.	48	37	-11
Харьковская обл.	44	27	-17
Одесская обл.	42	30	-12
Днепропетровская обл.	32	21	-11
Николаевская обл.	29	11	-18
Херсонская обл.	25	17	-9

Проблема статуса русского языка на протяжении более чем двадцатилетней истории независимой Украины становилась инструментом в политической борьбе. Политики, которые были ориентированы на электорат Юго-Востока Украины, в ходе избирательных кампаний обещали в случае победы придать русскому языку статус государственного⁸. Когда же эти политические силы пришли к власти («Партия

Регионов»), свое предвыборное обещание они так и не исполнили, ограничившись принятием закона «Об основах государственной языковой политики», гарантирующего использование «региональных языков»⁹, т.е. языков, которые, согласно данным переписи населения, считают родными более 10% населения соответствующего региона Украины. Этот закон давал право использовать региональный язык в законодательно установленных сферах наравне с государственным украинским языком.

На следующий день после смены власти в Украине (21–22 февраля 2014 г.) на повестку дня заседания Верховной Рады был внесен законопроект № 1190 «О признании утратившим силу Закона Украины “Об основах государственной языковой политики”», в этот же день без обсуждения законопроект был принят в парламенте. 28 февраля 2014 г. после многочисленной критики и нарастания протестных настроений в Крыму и Юго-Востоке Украины А. Турчинов, назначенный Верховной Радой исполняющим обязанности президента, обещал наложить вето на закон об отмене закона «Об основах государственной языковой политики», который ранее сам же и подписал в статусе спикера Верховной Рады Украины¹⁰. Средства массовой информации широко распространили эту новость, но на самом деле оказалось, что законопроект об отмене закона не ветирован президентом и его текущий статус – «готовится на подпись». Попытка отмены закона была негативно расценена крымчанами и стала дополнительным поводом для организации антиправительственных выступлений.

Этносоциологическое исследование языкового поведения и языковых компетенций населения Крыма было проведено нами в мае 2013 г. Выборка исследования сформирована по квотному принципу на основе данных Всеукраинской переписи населения 2001 г., при ее составлении учтено распределение населения административного центра полуострова по национальной принадлежности, полу и возрасту. В связи с тем, что доля крымских татар в Симферополе составляет лишь 7%, была сформирована дополнительная квота, позволившая довести число респондентов крымскотатарской национальности до приемлемого для корректного анализа уровня. Общий объем выборочной совокупности опроса в мае 2013 г. составил 547 человек. Сравнение параметров выборочной и генеральной совокупности по национальности и половозрастному составу показало, что отклонения не превышают нормы. Надо отметить, предложение ответить на вопросы анкеты за-

частую вызывало негативную реакцию у местного населения. Так, в отчетах интервьюеров указано, что их принимали за представителей сект, не открывали двери квартир, нецензурно выражались, отказывались от участия в опросе, говоря – «от нас ничего не зависит», «пустым делом занимаетесь». Но также анкетеры отмечают, что респонденты старшего поколения более открыты и доброжелательны.

Согласно данным исследования почти 90% русских респондентов, три четверти крымских татар и треть украинцев учились в школе с русским языком обучения. Школа, наряду с другими факторами, формировала убежденность о востребованности русского языка в повседневной и официальной жизни, а также особое отношение к государственному украинскому языку (табл. 4, 5).

Таблица 4

Языки обучения в школе и отношение к украинскому языку (%)¹¹

Национальность	Обучение в школе проходило на русском языке	Не согласны с утверждением, что все граждане Украины должны владеть украинским языком	Украинский язык не должен быть единственным государственным языком на Украине	Не испытывают необходимости улучшать знания украинского языка
Русские	87,7	50,6	86,5	78,5
Украинцы	34,5	25,0	61,9	71,2
Крымские татары	77,7	35,0	61,8	53,4

В ходе опроса 2013 г. респондентам было предложено оценить закон «Об основах государственной языковой политики». На вопрос анкеты «Знаете ли Вы о принятии закона, гарантирующего использование региональных языков в Украине, например, свободное использование русского языка?» более 65% опрошенных ответили утвердительно, а 74,5% оценили его положительно. Среди представителей трех этнических групп, принявших участие в опросе, русские имели наиболее благопри-

ятное отношение к закону – 83,2% респондентов оценили его положительно, украинцы – 67,0% и крымские татары – 57,4%. В целом респонденты отнеслись положительно к возможности придания регионального статуса русскому и крымско-татарскому языкам, но встречались мнения русских респондентов, что данного статуса для русского языка недостаточно или, что он в Крыму повсеместен и дополнительного статуса не требуется. А крымские татары справедливо указывали на то, что этот закон на территории республики не действует¹².

В Крыму существует неприятие тех политических сил Украины, которые поддерживают восстановление украиноязычной среды, за счет сужения сферы функционирования русского языка. В ходе проведения опроса 2013 г. респондентам было предложено оценить утверждение «Украинский язык должен быть единственным государственным языком в Украине», 87% русских ответило «не согласен», даже среди украинцев таких оказалось – 62%, так же, как и среди крымских татар – 62% (табл. 5). По этому вопросу анкеты представители разных этнических общностей Крыма проявили небывалое единодушие в отличие от многих других важных социально-политических и культурных вопросов.

Таблица 5

Отношение к украинскому языку (%)¹³

Национальность	Украинский язык должен быть единственным государственным языком в Украине			Все граждане Украины должны владеть украинским языком		
	согласен	не согласен	затрудняюсь ответить	согласен	не согласен	затрудняюсь ответить
русские	9,8	86,5	3,7	44,2	50,6	5,2
украинцы	26,3	61,9	11,9	63,4%	25,0	11,6
крымские татары	16,7	61,8	21,6	42,7	35,0	22,3

В 2013 г. респонденты высказывали следующие мнения по поводу украинского языка: «Только русский язык, украинский не учил и учить не буду»¹⁴ – русский, 52 года; «Вот мне 72 [года], я украинка, но не знаю

языка! И не хочу уже знать, а вот молодежь уже должна знать язык и не один, старикам уже не нужно»¹⁵ – украинка, 72 года; «Вводите украинский язык в Крыму только тогда, когда умрет все русское население Крыма»¹⁶ – русский, 60 лет; «Зачем нам нужен украинский язык? Мы живем в Крыму, а здесь все на русском»¹⁷ – крымский татарин, 43 года.; «Я свободно говорю как на украинском, так и на русском, но здесь [Прим. – в Крыму] все говорят на русском и на украинском говорю только с родственниками из Херсона». Встречались и другие мнения (украинец, 31 год): «Мы граждане какой страны? – Украины. А значит и государственным языком должен быть украинский. Не нравится Украина? – Живите там, где нравится»¹⁸.

На вопрос: «Если Вы считаете, что знание украинского языка необходимо именно Вам, то по какой причине?», респонденты, главным образом, указывали на факторы, связанные с деятельностью органов государственной власти. Так, например, наибольшее количество ответов пришлось на вариант – «Без знания украинского языка трудно найти хорошую работу», его выбрало 55,5% опрошенных русских, 36,7% украинцев и 29,2% крымских татар. Вопрос предусматривал возможность выбрать респонденту другой вариант ответа, не указанный в анкете, и 29,2% крымских татар ответили, что т.к. они живут в Украине, то государственный язык они должны знать. Это самый высокий процент среди трех представленных в опросе этнических групп, лишь 15,6% украинцев и 3,2% русских указали тот же ответ (табл. 6). При интервьюировании в татарском поселении многие респонденты, преимущественно из числа лиц старшего и среднего поколения, отмечали, что «чем больше знаешь языков, тем лучше, и украинский надо знать, потому что мы живем в Украине».

Таблица 6

**Личные мотивы осознания необходимости
владения украинским языком (%)¹⁹**

Варианты ответов	русские	украинцы	крымские татары
Без знания украинского языка трудно получить образование	16,8%	8,9%	16,9%
Без знания украинского языка трудно найти хорошую работу	19,9%	6,7%	7,7%

Без знания украинского языка трудно взаимодействовать с государственными чиновниками	55,5%	36,7%	29,2%
Другое	1,1%	20,0%	7,0%
Потому что живу на Украине	3,2%	15,6%	29,2%
Отказ от ответа	2,6	12,2	6,8

Несмотря на широкое распространение в Крыму русского языка, тем не менее, в некоторых случаях, людям, не знающим украинский язык, приходится испытывать определенные неудобства из-за недостаточного знания украинского языка. Треть крымскотатарских респондентов, четверть русских и 15% украинцев указали на обстоятельства, при которых они их испытывали. 45,5% ответов пришлось на вариант «заполнение документов», 16,7 % – «взаимодействие с государственными органами», 9,8% – «на работе», 8,3% – «на учебе», 7,6% – «инструкции к лекарствам», 1,5% – «трудности общения», 0,8% – другое и каждый десятый респондент отказался от ответа (см. табл. 7).

Таблица 7

Признаки протестного отношения к политике украинизации (%)²⁰

Национальность	Испытывают неудобства из-за недостаточного знания украинского языка			
	При заполнении документов	При взаимодействии с государственными чиновниками	На работе	При чтении инструкции к лекарствам
Русские	45,7	13,6	11,1	9,9
Украинцы	38,9	22,2	11,1	–
Крымские татары	48,6	20,0	5,7	5,7

Основные неудобства из-за недостаточного знания языка опрошенные испытывают в результате прямого действия государственной

языковой политики. Так, при анкетировании крымский татарин, который родился в Крыму еще до массовой депортации, сказал, что столкнулся с большими трудностями на судебном процессе из-за того, что судопроизводство велось на украинском и переводчика он нанять не имел возможности. Также большие затруднения испытывают респонденты старшего поколения, многие из них указывали на то, что не понимают инструкции к лекарствам.

С очевидным неприятием украинского языка в качестве единственного государственного вполне логично корреспондируют языковые установки граждан Крыма в отношении русского языка. Едва ли не поголовно используя язык в сфере домашних, производственных и прочих коммуникаций, представители русской национальности, естественно, хотят, чтобы в их языковой жизни была установлена надежная правовая основа, в качестве которой едва ли не все русские хотели, чтобы русскому языку в Украине был придан статус второго государственного языка (табл. 8).

Таблица 8

**Отношение к владению украинским языком
и статусу русского языка (%)²¹**

Национальность	Все граждане Украины должны владеть украинским языком		Русский язык должен быть вторым государственным языком на всей территории Украины	
	Согласны	Не согласны	Согласны	Не согласны
Русские	44,2	50,6	91,4	4,6
Украинцы	63,4	25,0	61,9	28,0
Крымские татары	42,7	35,0	44,7	20,3

Таким образом, исследование языковой жизни крымчан дало основание для вывода о провале стратегии киевских властей по украинизации Крыма. Русский язык использует абсолютное большинство населения, чуть менее 80% считают его родным²². По данным опроса 2013 г. три четверти крымчан выступали против украинского языка как единственного государственного и за придание русскому языку статуса

второго государственного на всей территории Украины. Стремление значительной части населения Украины защитить свой родной язык сталкивалось с упорным противодействием властей, что не могло не послужить дополнительным поводом для нарастания в Крыму протестных настроений.

- ¹ Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. С. 264–392.
- ² Таблица 1 разработана по источнику: Колесниченко В. Отчет о исполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств на Украине. URL: <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html> (дата обращения 10.11.2013); Он же. Второй периодический общественный отчет об исполнении Украиной положений Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств: тенденции нарушения прав человека усилились. Киев: Золотые ворота, 2012; Правозащитное общественное движение «Русскоязычная Украина». Киев: Золотые Ворота, 2012.
- ³ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 50–51.
- ⁴ Старченко Р.А. Языковые компетенции и предпочтения населения Крыма // Вестник РГНФ. 2014. № 6. С. 64–76.
- ⁵ Таблица 2 разработана по источнику: Колесниченко В. Отчет о исполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств на Украине. URL: <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html> (дата обращения 10.11.2013); Он же. Второй периодический общественный отчет об исполнении Украиной положений Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств: тенденции нарушения прав человека усилились. Киев: Золотые ворота, 2012; Правозащитное общественное движение «Русскоязычная Украина». Киев: Золотые Ворота, 2012. Табл.: Права человека.
- ⁶ Таблица 3 разработана по источнику: Колесниченко В. Отчет о исполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств на Украине. URL: <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html> (дата обращения 11.11.2013).
- ⁷ Регионы Украины расположены по степени убывания доли русскоязычных граждан.
- ⁸ См.: Предвыборная программа В. Януковича. URL: <http://vibori.in.ua/kandidaty/predvibornie-programy/427-p> (дата обращения 13.11.2013).
- ⁹ Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» от 10 августа 2012 г. (с внесенными поправками от 6 ноября 2012 г.)

¹⁰ См.: Турчинов ветоє рішення ВР про скасування закону про мови. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/02/28/7016703/?attempt=1> (дата обращения 10.11.2013).

¹¹ Таблица 4 составлена по итогам этносоциологического опроса 2013 г.

¹² *Старченко Р.А.* Положение русского языка в Крыму: текущая ситуация // Вестник Российской нации. 2013. Т. 6 (32). С.130–145.

¹³ Таблица 5 разработана по итогам этносоциологического опроса 2013 г.

¹⁴ ПМА. Украина, г. Симферополь. 13.05.2013 г. Ю.Б., 1961 г.р.

¹⁵ ПМА. Украина, г. Симферополь. 14.05.2013 г. Н.В., 1941 г.р.

¹⁶ ПМА. Украина, г. Симферополь. 14.05.2013 г. Н.А., 1953 г.р.

¹⁷ ПМА. Украина, г. Симферополь. 13.05.2013 г. Ю.А., 1970 г.р.

¹⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Симферополь, Украина, 13.05.2013 г. Р.С., 1980 г.р.

¹⁹ Таблица 6 составлена по итогам этносоциологического опроса 2013 г.

²⁰ Таблица 7 составлена по итогам этносоциологического опроса 2013 г.

²¹ Таблица 8 составлена по итогам этносоциологического опроса 2013 г.

²² *Старченко Р.А.* Положение русского языка в Крыму: текущая ситуация // Вестник Российской нации. 2013. Т. 6 (32). С.130–145.

Референдум в Крыму 16 марта 2014 года. Реакция крымско-татарского населения

В современном мире, где все более открытыми становятся национальные границы и практически не осталось моноэтнических государств, одновременно усиливается национальное обособление и межнациональное противостояние. Причины этих противоречивых процессов, несомненно, связаны с историко-политическими и этнокультурными проблемами во взаимоотношениях народов и государств.

В начале XXI в. во многих регионах и странах мира наиболее остро обозначились этнополитические и религиозные противоречия, в том числе и на территории бывших республик СССР, что подтверждают события в Украине последних полутора лет.

С конца ноября 2013 г. в Украине проходили акции (центром которых стал Майдан Независимости в Киеве), спровоцированные отказом правительства подписывать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. В Крыму, однако, антиправительственные выступления не нашли широкой поддержки среди населения.

21–23 февраля 2014 г. в Киеве сменилась власть, президент В.Ф. Янукович покинул страну, а Верховная Рада возложила обязанности президента Украины на своего председателя А.В. Турчинова.

23–27 февраля 2014 г. в одностороннем порядке была осуществлена смена исполнительных органов власти Севастополя и Автономной Республики Крым, которые отказались признать легитимность нового украинского правительства и обратились за содействием и помощью к руководству России.

16 марта 2014 г. местные власти Крыма организовали и провели референдум, предложив крымчанам выбрать один из двух вариантов ответа на вопрос: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?»¹.

Согласно официальным данным, 96,6% жителей Автономной Республики (явка составила 83,1%) проголосовали за воссоединение с Россией. 17 марта на основании результатов референдума и Декларации о независимости, принятой 11 марта 2014 г., была в одностороннем

порядке провозглашена суверенная Республика Крым, в состав которой вошел Севастополь в качестве города с особым статусом. 18 марта был подписан договор между Российской Федерацией и независимой Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России.

Республика Украина до настоящего времени не признает выхода Автономной Республики Крым из ее состава, считая присоединение Крыма к России «оккупацией территории своей страны».

Против референдума выступили и представители крымско-татарских общественных организаций. В частности, 15 марта Меджлис крымско-татарского народа обратился к Верховной Раде и ко всему народу Украины, подтверждая свое признание Украины как суверенного и независимого государства в существующих границах, осуждая акт агрессии со стороны Российской Федерации и план по аннексии Крыма, рассматривая эти действия как грубое нарушение международного права, дестабилизирующее существующую систему межгосударственных отношений и заявляя о непризнании референдума 16 марта, «проводимого с целью изменить территориальную принадлежность Крыма». Меджлис «категорически отвергает любые попытки определить будущее Крыма без свободного волеизъявления крымско-татарского народа – коренного народа Крыма», считая, что «право решать, в каком государстве жить крымско-татарскому народу, принадлежит исключительно самим крымским татарам». Меджлис уверен: «восстановление прав крымско-татарского народа и реализация им права на самоопределение на своей исторической Родине должны осуществляться в составе суверенного и независимого Украинского государства», а «любая власть в Крыму должна формироваться и осуществлять свою деятельность лишь при условии свободно выраженной воли и согласия крымско-татарского народа»².

Лидер крымских татар М.А. Джемилев заявил: «В псевдореферендуме 16 марта на самом деле приняли участие 34,2% крымчан. Меджлис располагает данными, которые направляли в ФСБ России, где нужно знать точную картину, а не ту пропагандистскую, которую они распространяют»³. Однако лидеры Меджлиса рекомендовали крымско-татарскому народу принять российское гражданство, при этом сохраняя и украинские паспорта. «Вы не выбираете эту реальность, а живете в ней, но украинское государство, поскольку вы не выходили из гражданства, будет считать вас своими гражданами», – заявил Р.А. Чубаров⁴.

Лидеры Меджлиса также намеревались организовать и провести собственный референдум о статусе Крыма. Об этом заявлял Мустафа Джемилев, выступая с докладом в Совете Европы 27 марта 2014 г.: «Наш референдум, в отличие от российского, не будет фальшивым»⁵.

Рефат Чубаров сообщил в интервью RFI, что число беженцев из Крыма, переселившихся в Украину после присоединения региона к России, достигает 18 000 человек. По его данным, люди покидали полуостров по разным причинам. Особое внимание акцентируется на религиозном вопросе, так как «известна внутренняя политика России в отношении верующих, особенно мусульман... их внешний вид связан с какими-то отличительными моментами. Скажем, женщины носят хиджабы, и такая группа людей выехала даже в первые дни. Уже во вхождении российских войск они увидели потенциальную опасность для себя, для своих детей, для своих семей»⁶.

На волне вышеупомянутых событий в апреле 2014 г. автором статьи был проведен пилотный Интернет-опрос жителей Крыма, целью которого было узнать мнение респондентов:

- об участии в референдуме 16 марта;
- о том, как и почему проголосовали на референдуме о статусе Крыма;
- о том, как респонденты относятся к тому, что Крым вошел в состав РФ;
- о том, изменилось ли положение их этнической группы, если «да», то как.

Большинство русских респондентов рады присоединению к России, в частности, отвечая⁷: *«Счастлива! Вернулась на Родину»; «Это устранение ошибки сначала Хрущева, потом – Ельцина. Украина сделала больше плохого, чем хорошего для экономики Крыма, а украинцы крымчан не любят, не давали нам гарантированную Конституцией автономию, к тому же хотели ее вообще ликвидировать»; «Если бы мы остались в Украине, я бы мог остаться без работы, мои дети – без еды, а моя семья и еще большое количество семей – без материальной поддержки, в России нас уважают, зарплаты повысились на 50%, стоимость коммунальных услуг стала значительно дешевле, а значит, стало легче жить»; «Крым был, есть и будет российским всегда»; «останься Крым частью Украины, русских бы ущемляли в правах»; «Россия – Родина для Крыма, во всяком случае, пока мы избежали военных действий и гонений, которые сейчас испытыва-*

ют русские Украины»; «Россия более развитая страна, есть надежда, что власти России услышат голос жителей Крыма, чего упорно не хотели делать власти Украины»; «Крым добивался этого присоединения на протяжении 22 лет»; «Россия получила назад Крым, который по глупости Хрущева был отдан на поругание Украине; что горе-руководители Украины сделали для нашего Крыма? Ничего! И, Слава Богу, что правда восторжествовала! Да здравствует Российская Федерация!».

Респонденты крымско-татарского и украинского происхождения в целом негативно относятся к присоединению, в частности, отвечая⁸: «Это оккупация!!!»; «Россия показала свою однобокость и неспособность решать вопросы мирным путем; украинцев Москва потеряла окончательно»; «В РФ нет свободы в любых ее проявлениях»; «все мы с истории знаем, что ничего хорошего от русских ждать не стоит, да и в РФ ущемляют права национальных меньшинств, да и мы, крымские татары, прежде всего мусульмане, мы все прекрасно знаем, какую борьбу правительство российское ведет с Исламом»; «Мечтайте, Крым не вошел и никогда не войдет в состав России; результаты референдума нарисовали от начала и до конца, Крым оккупирован, но это поправимо со временем»; «Нарушены все правовые нормы и обязательства»; «Крым – Украина, по версии всего мира и на законном основании; присоединение Крыма к России незаконно и выльется в тяжкие последствия»; «Ни к чему хорошему присоединение не приведет»; «Россия не является примером демократического государства»; «Резко ухудшились русско-украинские отношения»; «Считаю своей родиной Украину».

Респонденты русского происхождения отмечают, что их положение в Крыму улучшилось, а русский язык стал государственным, в то время как представители крымско-татарского народа считают: положение их этнической группы фактически не изменилось, хотя некоторые респонденты отметили, что и вовсе ухудшилось («потеряли последние надежды на перспективы»⁹).

По основным вопросам политической и социально-экономической жизни в Крыму руководство Меджлиса всегда широко озвучивало свое мнение не в пользу русского большинства, осуждая любое вмешательство РФ в дела Автономной Республики. Характерно, что президиум Меджлиса полностью поддержал отмену Верховной Радой Конституции Крыма (от 1992 г.), хотя за нее проголосовало абсолютное боль-

шинство населения полуострова. Более того, в апреле 1999 г. состоялась Всекрымская акция протеста крымских татар, приуроченная к 216-й годовщине подписания Манифеста о присоединении Крыма к Российской империи. Крымские татары считают, что в результате подписания этого документа они потеряли свою государственность и были колонизированы. Кульминацией митинга стало сожжение текстов Конституции Крыма и Манифеста о присоединении Крыма к России¹⁰. Очередным проявлением конфликта стал разразившийся в 2008 г. скандал вокруг памятника Екатерине Великой, установленного в Севастополе. Монумент в честь пребывания царицы крымские татары приняли в штыки¹¹.

Так почему же большая часть крымских татар не хотят присоединения Крыма к России? Основываясь на высказываниях респондентов, привожу некоторые выводы по исследуемой проблеме. Вполне вероятно, что они могут быть спорными, однако полагаю возможным высказать свою позицию.

Главная причина, на мой взгляд, заключается в том, что крымские татары ассоциируют современную Россию с наследницей СССР и Российской империи, перекадывая, тем самым, вину за депортацию и завоевание Крыма на современное российское государство и власть (далее приводятся цитаты респондентов): *«Вторая оккупация Крыма Российской Федерацией, осуществленная 27 февраля 2014 года, является незаконной и никогда не будет признана»; «Россия – наследница Советского Союза. Весь тот ужас, через который прошел крымскотатарский народ, по вине советских властей»; «Россия нас завоевала и почти истребила»; «Вы уже однажды забрали у нас все! 18 мая мы никогда не забудем! Никогда!»; «Исторически Россия всегда была врагом крымских татар»; «Где Россия – там мира не будет»; «Вы забыли? Так я напому: 18 мая 1944 года СССР депортировал Крымских татар из их Родины! Мы не хотим, чтобы второе 18 мая повторилось. Всем известно, что Путин против распространения Ислама, а мы в первую очередь Мусульмане»¹².*

Вторая причина связана с влиянием СМИ и пропагандой Меджлиса, в которых крымские татары видят отрицательный образ России, образ государства-агрессора, образ государства-диктатора, в котором не соблюдаются даже первичные человеческие права, в то время как Украина ассоциируется со светлым европейским будущим: *«За какие это заслуги мы должны искренне желать присоединения Крыма к*

РФ? Наши деды и прадеды были ни за что высланы из собственных домов. Если придет Россия, мы снова потеряем все»; «Россия ведет себя как захватчик: приходит и берет то, что ей нужно»; «Не хочу в Россию! Хочу без проблем путешествовать/работать/учиться в Европе, хочу праздновать свои национальные праздники, хочу изучать свою культуру. В Украине это все доступно»; «Права крымских татар не просто будут ущемляться, прав вообще никаких не будет! На долю нашего народа и так выпало много испытаний, горя и слез – и все из-за России!»; «Россия постоянно с кем-то воюет и сует свой нос в чужие проблемы. Украина же живет спокойно, нигде не воюет»; «в Украине я могу спокойно выйти на площадь и высказать свою точку зрения, не переживая, что за это посадят на 15 суток!»; «Нам, крымским татарам, очень близки по духу украинцы, потому что они тоже свободные, готовы бороться за свою свободу до конца, а не рабы!»; «Для меня самая главная причина нежелания вступления в Россию, это отношение России к Исламу. Я мусульманин!!! Хочу спокойно делать намаз. А в России над мусульманами издеваются, называют террористами, не разрешают молиться. В Украине же я спокойно могу исповедовать Ислам, никто здесь не трогает мусульман. Все живут дружно и мирно: украинцы, русские, крымские татары. Никакого фашизма и исламофобии нет. А в России есть»; «Хочу жить в стране, где уровень жизни будет хоть немножечко близок к европейскому. Разве это возможно в России???»; «Я крымский татарин. И одновременно украинец, потому что я живу на Украине. У меня синий украинский паспорт. Украина – моя Родина, мне некуда больше идти. У крымских татар нет другой Родины, кроме Украины. Потому что Крым – это Украина!»; «Не хочу жить в ДИКТАТОРСКОЙ стране, как Россия»; «Путин – второй Сталин! Даже не так. Путин – это Сталин и Гитлер в одном лице. Сталин депортировал наш народ и все это было из-за Гитлера. Вот так вот!»¹³. Похожие объяснения встречаются на страницах многих социальных сообществ в сети Интернет.

Важно отметить: для сторонников присоединения Крыма к России, судя по их комментариям, важнее экономическая помощь от России в сравнении с поступающей из Украины; для противников Референдума экономическая составляющая не так важна, как политическая, их скорее волнуют базовые права и свободы человека.

Причин негативного отношения крымских татар к присоединению Крыма к РФ очень много. Здесь свою организующую роль играет Меджлис, и трагедия депортации 1944 г., и нерешенный до сих пор земельный вопрос, и память об утрате национальной государственности еще в XVIII в., и усиленное муссирование вопроса в СМИ – все эти факторы переплетаются.

Безусловно, корни современных межэтнических проблем в Крыму уходят в далекое прошлое, по-разному объясняемое различными этнокультурными сообществами, проживающими на полуострове, что и порождает проявления межэтнической напряженности. В особенности это касается крымских татар, в сознании которых глубоко укоренилась обида на государство, подвергшее их жестоким испытаниям¹⁴. В свою очередь, политико-правовые, социальные, экономические и этнокультурные ошибки в проведении репатриации сразу после распада СССР лишь обострили этнополитическую обстановку в регионе, подливая масло в огонь. Однако как бы ни складывались обстоятельства, важен политически грамотный подход к решению всех проблем, в том числе и вопроса о присоединении Крыма. Необходимо этически корректное с учетом многонационального характера решение этнокультурных вопросов в данном регионе. Вместе с тем сохранение этнополитического равновесия в Крыму зависит не только от разумной политики государства, усилий властей по сохранению мира, но и от желания самих этнокультурных групп полуострова по формированию толерантного отношения друг к другу и проявлению лояльности к государству.

Нельзя не отметить, что не все крымско-татарские организации поддерживают позицию Меджлиса.

По данным ИТАР-ТАСС, представитель общины крымских татар Севастополя Ленур Усманов сообщает: «более 50% крымских татар Севастополя пришли на избирательные участки, большинство из них высказались за вступление в состав России»; «есть сведения, что представители Меджлиса останавливали людей перед входом в участки и уговаривали не принимать участие в референдуме»¹⁵.

Лидер крымскотатарской партии «Милли Фирка» (существующей с 2006 г.) Васви Эннанович Абдураимов заявляет: «Крымские татары с конца XVIII в. являются гражданами России, за исключением короткого периода нахождения в составе независимой Украины с 1991 по 2014 г. Крымские татары – часть единого российского народа, и этим все сказано... несмотря на угрозы физической расправы над теми, кто придет

на выборы и не поддержит бойкот референдума, объявленный лидерами Меджлиса, большая часть крымских татар проявила гражданскую стойкость и солидарность с другими народами полуострова и пришли на референдум и проголосовали за воссоединение Крыма с Россией... после Референдума сохраняется душевный подъем и праздничное настроение у подавляющей части населения полуострова. Произошло восстановление исторической закономерности и справедливости – воссоединение искусственно оторванной части единой страны с альма-матер»¹⁶.

Общественная крымскотатарская организация «Себат» выступает с резкой критикой оппозиционной деятельности руководителей Меджлиса Мустафы Джемилева и Рефата Чубарова. Члены правления общественной организации «Себат» («Стойкость»), объединяющей более 50000 крымских татар, заявляют о том, что Меджлис не выражает волю крымскотатарского народа: Р.А. Чубаров и М.А. Джемилев «послушно и последовательно исполняют заказ оппозиции» под руководством Запада, провоцируют в Крыму кровавый межнациональный конфликт, «привели к опасному противостоянию двух народов, живущих в Крыму – крымских татар и русских», а «цель и стремления крымскотатарского народа – мирная жизнь и добрососедство в Крыму»¹⁷.

Автор прекрасно понимает невозможность охватить одну из самых актуальных проблем, поэтому не претендует на исчерпывающий анализ ситуации. Однако даже малая попытка объяснить происходящие в Крыму события может способствовать снижению уровня напряженности.

¹ Андреев Е. Парламент Крыма принял решение о вхождении в состав России и назначил референдум на 16 марта // Навигатор 06.03.2014. URL: <http://www.politnavigator.net/parlament-kryma-naznachil-referendum-ovkhozhdenii-v-rossiyu-na-16-marta.html> (дата обращения 12.05.2014).

² Меджлис выступил с обращением, поддерживающим Украину и осуждающим агрессию РФ // Новости УНИАН. 15.03.2014. URL: <http://www.unian.net/politics/896933-medjlis-vyistupil-s-obrascheniem-podderjivayuschim-ukrainu-i-osujdayuschim-agressiyu-rf.html> (дата обращения 12.05.2014).

³ Джемилев: В крымском «референдуме» участвовало всего 34% крымчан // Гордон. 25.03.2014. URL: <http://gordonua.com/news/crimea/Dzhemilev-V->

- krymskom-referendume-uchastvovali-vsego-34-krymchan-15264.html (дата обращения 12.05.2014).
- ⁴ Меджлис посоветовал крымчанам не отказываться от паспортов РФ // Гордон. 26.03.2014. URL: <http://gordonua.com/news/crimea/Medzhilis-posovetoval-krymchanam-ne-otkazyvatsya-ot-pasportov-RF-15391.html> (дата обращения 12.05.2014).
- ⁵ Мустафа Джемилев: «Крымские татары проведут свой референдум по определению будущего Крыма» // Мустафа Джемилев. Официальный сайт народного депутата Украины. 27.03.2014. URL: <http://www.dzemiliev-rada.org.ua/news/25.html> (дата обращения 14.05.2014).
- ⁶ Рефат Чубаров: «Крым покинули 18000 человек» // Голос Ислама.Ру Информационно-аналитический портал. 27.10.2014. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=25238> (дата обращения 14.12.2014).
- ⁷ ПМА. Интернет-опрос, апрель–май 2014 г.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Сенюшкина Т.А.* Управление местными сообществами в Крыму // Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / под ред. В.А. Тишкова и Е. Филипповой. М.: Авиаиздат, 2001. С. 378–379.
- ¹¹ *Железнов К. В* Севастополе осквернили памятник Екатерине II // Комсомольская правда в Екатеринбурге. 29.10.2008. URL: <http://ural.kp.ru/daily/24189/396496/?cp=0> (дата обращения 12.05.2014).
- ¹² ПМА. 2014 г.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Сенюшкина Т.А.* Указ. соч. С. 353.
- ¹⁵ Представитель общины: более 50% крымских татар Севастополя проголосовали на референдуме // ИТАР-ТАСС. 16.03.2014. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1051446> (дата обращения 12.05.2014).
- ¹⁶ *Кофнер Ю.* Васви Абдураимов: Почему крымские татары проголосовали за воссоединение с Россией // Украинский выбор. 7.04.2014. URL: <http://vybor.ua/article/vzaimootnosheniya/vasvi-abduraimov-pochemu-krymskie-tatary-progolosovali-za-vozsoedinenie-s-rossiei.html> (дата обращения 12.05.2014).
- ¹⁷ Крымские татары не хотят воевать // Крымский информационно-аналитический портал общественной организации «СЕБАТ». 01.03.2014. URL: <http://sebat.org.ua/?p=1274> (дата обращения 12.05.2014).

Раздел II

Проблемы адаптации в городе и город для адаптации

А.Н. Куликова

Проблемы адаптации эвенкийской молодежи в городской среде на примере Нерюнгринского и Алданского районов Республики Якутия

В городе очень скучает Уйбачи. Он вспоминает поселок рыбацкий, лед океанский и говор долганский. Уйбачи берет апельсинные корки, кладет на столе апельсинные горки. За рыбой уходит по скатерти синей на лодке из корочки апельсинной. Рыжая лодка по скатерти скачет, и улыбается мальчик Уйбачи, будто бы видит свой дом вдалеке и говорит на родном языке¹. Долганская писательница Огдо Аксёнова очень точно обозначила психологическую составляющую одиночества и тоски северного ребенка, находящегося в школе-интернате, по родному окружению. Говоря другими словами – проблему адаптации. Проблемы адаптации детей и молодежи эвенкийских национальных поселений в городской среде являются важными по своей социальной остроте, и, при кажущейся простоте, требуют новых подходов в изучении и дальнейшем решении². Это связано, прежде всего, с тем, что большой процент молодых людей эвенкийской национальности южной Якутии, проживая как в городе, так и в национальном поселении, демонстрирует высокий уровень асоциальности (не учатся, не работают, злоупотребляют алкоголем, часто агрессивны и др.). При этом эвенки имеют значительное преимущество благодаря государству в социальном плане перед сверстниками других национальностей – квоты на поступление в вуз, большую стипендию и др.

Данная работа основывается на материалах полевых исследований автора, проведенных в с. Хатыстыр (средняя школа № 20), с. Угоян (средняя школа № 37) Алданского района и с. Иенгра (Золотинская школа-интернат им. Г.М. Василевич) Нерюнгринского района Якутии в

2014 г. Также предметом исследования выступили студенты ТИ (ф) СВФУ г. Нерюнгри.

При углубленном изучении социальной жизни национальных поселений проблема адаптации молодежи четко детерминирована и имеет определенную структуру. Во-первых, это отрыв ребенка от семьи в связи с традиционным типом хозяйствования родителей (оленоводством). Во-вторых, это основные возрастные этапы и связанные с ними необходимые социальные действия – поступление в школу/учебное заведение и переезд из национального наслега в связи с ним.

Первый этап адаптационного периода связан с поступлением детей в школу (в поселках национального наслега сельского типа работает школа-интернат). Учащиеся школы-интерната представлены двумя основными категориями: это дети таежников-оленоводов и дети из неблагополучных и неполных семей поселковых жителей, родители которых предпочитают, чтобы «их воспитывало и обеспечивало государство»³. Как правило, поколение родителей и опекунов поселковых жителей также воспитывалось в интернате, среди них бытует общераспространенное мнение: *«Мы выросли, и они вырастут. Ничего плохого в этом нет, всегда будут сыты»*⁴. Почему-то для них интернат является единственным безальтернативным способом вырастить детей. Позиция таких родителей и опекунов поражает своим равнодушным единомыслием – государство, школа, учителя и воспитатели должны сделать так, чтобы их дети были воспитанными, хорошо учились, были образцом для сверстников. В случае, если это не так, а это, по понятным причинам, очень далеко от идеала – обвиняются школа и учителя. Показательно то, что таких детей родители даже не забирают на каникулы, в отличие от родителей оленоводов, специально приезжающих в каникулярные дни за своими детьми из тайги на оленях или «Буране» за десятки, а порой и сотни километров в морозное время года.

В данный период адаптации происходит привыкание и социализация детей оленоводов и охотников, выросших в тайге, к новым бытовым и социальным условиям в национальном поселке. Оторванность на продолжительное время от родителей и семейных традиций, привычного уклада таежной жизни во многом трудно переносится не только маленькими детьми, но и подростками. Для своего рода компенсации/замены традиционного культурного окружения и естественной, натуральной среды в школах большое внимание уделяется этни-

ческой составляющей образования как доминирующей. Подобный подход к образованию в национальных школах-интернатах регламентируется рядом концепций и программ республиканского законодательства. Образование ведется в соответствии с «Концепцией обновления и развития национальных школ Республики Саха (Якутия)», где основополагающим принципом положений Концепции является предоставление права на обучение и воспитание учащихся на их родном языке с учетом следования этнопсихологической и культурной принадлежности⁵. Документом регламентируется введение культурного и национально-регионального компонента, функциональным значением которого является закрепление позиций развития коренных этносов.

Концепция обновления и развития национальных школ Якутии обеспечивает реализацию культурных интересов коренных народов Якутии в образовании, которые выражены в необходимости сохранения языка, расширении сферы его применения, а также в обучении основам национальной культуры и традиционного природопользования. Несмотря на стремление педагогов к синтезу поликультурного подхода и этнопедагогики, на практике акцентируется этнонациональная сторона ряда предметов – все факультативные часы посвящены только национальным предметам – национальным видам борьбы, национальному шитью, бисероплетению, национальной эвенкийской культуре, национальному эвенкийскому танцу и др. Подобный подход формирует этноцентричное культурное самосознание учащихся.

В качестве достовернейшего заключения, как нельзя лучше характеризующего образовательный и воспитательный процесс национальных эвенкийских наслегов в Алданском и Нерюнгринском районах в Якутии, можно привести выводы В.А. Тишкова: «в разных местах в России создавались этнопедагогические центры. При этом сама этнопедагогика как целостная и продуманная часть образовательного процесса в России не сложилась, так как она во многом исходила из ограниченной методологии изначальной приоритетности этничности и поощрения этнической эксклюзивности <...>. В представлениях современных последователей этнопедагогики нередко царит эклектика и оторванность от современной жизни. Довольно часто так называемое этнокультурное образование ограничивается попытками привить учащимся навыки традиционных ремесел: плетение корзин, изготовление туесов и т.д. Порой педагоги пытаются сопровождать эти практические занятия культурно-просветительской работой на тему “Как хороши бы-

ли традиции наших предков до того, как их стала вытеснять чуждая нашему народу космополитичная городская (русская) культура”. Наряду с этой информацией, ребенок усваивает и предубеждения, имеющие место в сознании взрослых членов группы, причем усвоение предубеждений начинается рано. При этом уровень предубеждений у детей может быть даже выше, чем у взрослых. Такая “этнопедагогика” превращается в своеобразный факультатив по этноцентризму, противоречит интересам общественного развития полиэтничных и поликультурных сообществ»⁶. В южной Якутии в ряду национальных школ этноцентричный консервативный и изоляционный подход имеет место быть. Подобное этновоспитание играет, к сожалению, отрицательную роль в жизни многих молодых людей эвенкийской национальности для их дальнейшей социальной интеграции, создавая национальные предубеждения и искусственные сложности.

Отличительной особенностью национальных школьных учреждений является то, что для всех детей национальных школ (интернатов) от младшего школьного возраста до юношества созданы все необходимые, порой «инкубаторские» условия целым штатом сотрудников, учителей, воспитателей. С завидной частотой проводятся самые разные увеселительные мероприятия – концерты, смотры, конкурсы, игры и состязания (финансируемые из регионального бюджета). Подобные действия нацелены на сглаживание психологического дискомфорта воспитанников. Несмотря на положительные эмоции детей, подростков и взрослых, это создает ряд проблем по окончании школы, когда повзрослевшие дети уезжают в город учиться. Проблема освоения нового социально-культурного пространства в ином этничном окружении, отличном от традиционно моноэтнического поселкового или таежного общественного устройства является сложной для эвенкийской молодежи⁷.

Респонденты отмечают, что трудно привыкать к другому менталитету, укладу жизни, особенно городскому, где живут разные люди⁸. Резкое изменение условий жизни приводит к дезадаптации: больше 70% молодых людей оказываются к жизни в городе не готовы. Молодые люди сталкиваются с тем, что их никто не ждет, не развлекает, не заинтересован в них так, как дома, *в наслеге*, потому что он «эвенк» (подобная установка часто муссируется в национальных поселениях – эвенки, малый коренной народ, носители традиционной национальной культуры и языка, о котором необходимо всячески заботиться и помо-

гать). Это влечет за собой вначале удивление, а затем глубокое разочарование в городской и студенческой жизни, а в худшем случае – в жизни вообще, с последующими рисками. Причины – молодежь не подготовлена к реальностям, полиэтническому окружению и урбанизированному устройству, а также смене традиционного мировоззрения на «цивилизацию». Традиция, свойственная эвенкам, где основополагающим принципом отношений является принцип *нимата* (обычай дара-дележа), усвоенный с младенчества и дающий своего рода «чувство локтя», противоречит современной городской культуре.

Подобное глубинное непонимание городских межличностных коммуникаций и неприятие отношений, руководимых зачастую только корыстью и выгодой, играет порой роковую роль для молодых людей эвенкийской национальности, уезжающих учиться. Пребывание в иноэтничном обществе характеризуется рефлексией *«в городе – ты один, ты чужой»*. «Другая» социокультурная среда противопоставляется «своей», где *«в общине тебя все знают, все помогут»*. Подобное понимание пребывания в городе усиливает мотивацию возврата обратно. Результатом является то, что до второго курса доучиваются лишь 50%, а заканчивают ВУЗ – 20%⁹. Наиболее уязвимыми в данном положении являются дети, родители которых не проявляли должного попечения в воспитании. Как правило, у таких молодых людей больше претензий к разного рода социальным и образовательным учреждениям. Доминирующая установка, на которую опираются маргинально настроенные студенты индигенной группы – *«ко мне должны относиться протекционно, потому что я эвенк/эвенкийка»*. Как правило, подобная вызывающая позиция, по объективным причинам, не имеет обратной связи, что влечет за собой непонимание со стороны «претендующих». Отчасти поэтому большой процент эвенкийской молодежи подвержен депрессивным настроениям, алкоголизму.

Вместе с тем, значимость воспитания и образования детей в духе национальных традиций в натуральной, а не искусственной среде школы-интерната понимает каждый представитель эвенкийского этноса национальных районов южной Якутии. Неформализованная, практическая, а не теоретическая национальная культура в естественной образовательной форме формирует эвенкийскую идентичность без претензии на исключительность, что значительно облегчает дальнейшую адаптацию и профессиональный выбор молодежи, как правило, связанный с традиционным хозяйствованием. Как показывает практи-

ка, степень маргинальности молодых людей намного ниже, если они воспитываются в естественном семейно-общинном окружении и весь период их взросления связан с традиционным природопользованием – охотой, оленеводством, рыболовством. Подобная образовательная деятельность осуществляется в кочевых школах пилотного проекта: в Алданском районе на территории Беллетского наслега созданы две кочевые школы – это малокомплектные кочевые школы при общинах «Верхняя Амма» и «Угут»¹⁰.

Школы располагаются в местах производственного поселения оленеводов и охотников в стационарных базах родовых общин и направлены на решение проблемы сочетания школьной подготовки учащихся с их последующей деятельностью, связанной с традиционным природопользованием. В таких школах обучение и воспитание детей ведется в условиях кочевого образа жизни, без отрыва от родителей. Приоритетными задачами такой школы является воспитание учеников с учетом главных этносоциальных вопросов, таких как сохранение этноса, традиционного образа жизни, характерных отраслей хозяйствования и культуры в новых социально-экономических условиях. Учащиеся кочевых школ значительно меньше подвержены социальным трансформациям, так как большинство таких детей, по свидетельствам педагогов, остается продолжать дело своих родителей, минуя сложности «цивилизационного» профессионального выбора. Показателен такой пример: сын одного из учителей школы «Амма», окончив кочевую школу и поступив в университет в город, на зимних каникулах, чтобы подработать, едет в тайгу ставить капканы на соболя. Практическая целевая установка юноши – не пойти работать официантом, продавцом в МТС или мерчендайзером, что быстрее, легче, безопаснее, а идти и заниматься близким ремеслом, чему научен дедами и отцами. Достойный пример достойного ученика достойной школы¹¹.

Трудно переоценить важность кочевых школ для самоопределения, самодостаточности и развития подрастающего поколения эвенкийского этноса. Обучение и воспитание детей фактически в семейном кругу снимает ряд проблем, возникающих у детей, специально проживающих с родственниками в поселке или интернате для того, чтобы учиться. К таким проблемам относятся: зависимость от государственной протекции, социальная отчужденность и проблема адаптации, утрата материальной и духовной национальной культуры и важнейших навыков жизни в тайге. Конечно, школу-интернат невозможно упразднить

как институцированное учреждение, но необходимо увеличить количество кочевых малокомплектных школ.

По результатам полевых материалов автора, собранных в с. Хатыстыр, с. Угоян и с. Иенгра в 2014 г., можно прийти к заключению, что адаптация к реальной жизни посредством расширения социальных связей и поликультурного диалога, крайне важна. Необходимо пересмотреть «этноцентричные» школьные образовательные стандарты. Это позволит не травмировать психику и снизить деградацию и асоциальность молодых людей эвенкийской национальности.

¹ Аксёнова О. Игра // Долганская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Лит. Россия, 2009. С. 152.

² Ноздренко Е.А., Колцева Н.П. Адаптация индигенной молодежи северных территорий к обучению в Северном федеральном университете. URL: www.emissia.org/offline/2012/1716.htm (дата обращения 25.11.2014).

³ В Золотинской школе-интернат с. Иенгра такие дети составляют 40%.

⁴ Здесь и далее ПМА. 2014. Информанты с. Иенгра.

⁵ Концепция обновления и развития национальных школ в Республике Саха (Якутия) // Сборник нормативных документов Республики Саха (Якутия) в области сохранения нематериального культурного наследия. Якутск, 2001. С. 50.

⁶ Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 331.

⁷ Сазонова О.К. Современные подходы в понимании проблем социально-психологической адаптации студентов – представителей коренных и малочисленных народов // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7. С. 132–135.

⁸ ПМА. 2014. Информанты с. Хатыстыр, с. Угоян, с. Иенгра.

⁹ По неопубликованным данным, ТИ (ф) СВФУ, г. Нерюнгри.

¹⁰ Кочевые школы в Якутии курируются ЮНЕСКО. На сегодня статус пилотных школ ЮНЕСКО имеют 2 из 9 кочевых школ республики Якутия в Беллетском наслеге Алданского района.

¹¹ ПМА. 2014. Информанты, с. Хатыстыр; Павлова С.С. – директор малокомплектной кочевой школы «Оленек» № 40.

Абхазская молодежь между городом и деревней

На протяжении десятилетий ценности современной абхазской молодежи значительно изменились. Одной из главных целей большей ее части является получение возможности любым способом жить в городе (для Очамчирской Абхазии – это Сухум, реже, Очамчира, а для Гудаутской – это Гудаута, а лучше, Гагра). Далеко не всем удастся сделать легкий и безболезненный переход от сельской жизни к городской. Многие остаются в маргинальных группах, будучи не в состоянии полностью освоиться в новой жизни.

Освоение городского образа жизни происходит посредством контактов с коренными горожанами или с теми, кто уже давно (10–20 лет назад) перебрался в город. Интересно проследить, как проходит смена места жительства, переход от сельского к городскому образу жизни. По сообщениям информантов, факторов может быть несколько. Самым важным и первым фактором или же причиной, является продолжение учебы после окончания школы. Бывшие ученики, в данном случае, поступают в Университет АГУ (Абхазский Государственный Университет), СОИ (Сухумский открытый институт) или колледжи. Поступление в эти учебные заведения происходит не только на основании того, как школьник учился в школе, но также может зависеть и от того, есть ли возможность у родителей нанять репетиторов, которые его «подготовят» к поступлению. Если же у родителей не хватило средств или знакомых для того, чтобы устроить ребенка в ВУЗ, то в таких случаях дети поступают в местные колледжи. Престижнее, конечно, поступить в медицинский колледж, а если нет, то в культпросветучилище, но здесь нужен талант, так как в этом училище обучаются будущие хореографы и музыканты. Также есть музыкальное училище. Сюда тем более не попадешь, если нет соответствующего школьного музыкального образования. Остается индустриальный или, хотя бы, экологический колледж.

При выборе учебного заведения на будущего студента воздействует не только мнение родителей, но также мнение друзей и знакомых. Есть, конечно, молодежь, чаще всего мужского пола, которая никуда не поступает, это те, у кого нет никакого желания учиться. Но тут встает

вопрос, что они будут делать дальше. В первую очередь, если они никуда не поступили, придется отслужить в армии, куда ребятам не особенно хочется. Одной из причин, почему юноши поступают именно в АГУ, это, как раз, перспектива службы в армии, потому что именно учеба на дневном отделении в АГУ дает возможность избежать ее. Остальные же учебные заведения не предоставляют отсрочки от срочной службы.

Самыми популярными и престижными факультетами среди молодежи и их родителей являются факультет международных отношений и юридический. Вторую строчку в рейтинге составляют факультет иностранных языков, английское отделение. Потом – экономический факультет.

Кроме того, что эти факультеты являются престижными, они дают возможность получить «теплое место» рядом с отцом или каким-нибудь другим родственником. Информанты утверждают, что в Абхазии так называемые «теплые места» передаются по наследству. Кроме того, на хорошую работу можно устроиться только по знакомству¹. Любой специалист извне чаще не может рассчитывать на престижную и хорошо оплачиваемую работу.

Помимо местных учебных заведений, у абхазской молодежи есть еще один способ уехать из того места, где они родились и выросли. Это поступление в зарубежные, чаще российские, реже турецкие, ВУЗы. Но здесь перед родителями встает проблема, которую невозможно решить только умственными способностями их ребенка. По словам информантов, в российские ВУЗы абитуриенты могут поступить по целевому заказу, если у тебя есть родственники в правительстве или лишние несколько сот тысяч, тогда твой ребенок получит именную лимит, а если этих денег нет, то на экзамене абитуриент, чьи родители не обладают такими возможностями, обязательно получит двойку². Так как у большинства нет таких возможностей, остается реализовать свою мечту в местных учебных заведениях

На вопрос: «почему ученик поступает в университет, если он знает, что, скорее всего, не получит хорошую работу?», отвечают: *«чтобы был диплом, а если вдруг повезет, в перспективе, может он получит место работы»*³. Довольно часто, поступив туда, куда посоветовали родители, студенты учатся плохо, прогуливают занятия, и родителям приходится все пять лет оплачивать не сданные их детьми сессии.

Чтобы не возвращаться обратно в деревню, многие, доучиваясь на последних курсах, начинают искать место работы или возможного супруга из городских.

Бывают и такие случаи, когда студенты на последних курсах находят работу в Сухумском районе. Так как многие все еще поступают по целевому заказу, им, в любом случае, приходится возвращаться. Если же будущий специалист к моменту окончания университета уже работает, то он может получить справку о том, что он нужен тому предприятию, где он работает, и что директор ходатайствует о нем.

Следующий фактор, который позволит остаться в городе – это найти супруга в городе. При выборе спутника жизни учитываются характеристики, чаще всего связанные с материальным достатком, причем не самого супруга, а его родителей. Итак, какие критерии учитываются при выборе жениха? Первое – красивый, второе – чтобы всегда не дурно был одет, третье – богатый, четвертое – чтобы была машина не хуже семерки, и чтобы она хорошо ездила. И последний, пятый пункт, это фамильное происхождение⁴. Конечной целью любой девушки является удачное замужество, а для ребят – удачная женитьба. Удачная женитьба для абхазского парня, во многих случаях, это жениться на девочке, у которой родители очень хорошо себя чувствуют. Это, конечно, по абхазским меркам ненормально, но сейчас всякое бывает. *«Тут идет в ход вся боевая комплекция. Кроме внешнего вида, многие прибегают к приворотным зельям или различным видам приворотов. Есть лекарства, которые, подсыпая в еду, приворотным составом наполняют патрон и стреляют из ружья. Считается что это самое мощное приворотное средство, против которого нет «антидота»»*. Другой из информантов привел такой пример: *«когда я служил, с нами контрактником служил лейтенант. Я не знаю, кто из них хорошо постарался, но он женился на девушке из Афона. На что она рассчитывала, может быть на его карьеру военного? Но факт остается фактом. Ее отец будущему зятю купил машину»*⁵.

В большей степени для девушек важным является то, как она выглядит, то есть во что она одета. Особенно тогда, когда она едет в деревню. Девушки в данном случае одеваются в самое лучшее, что у них есть, она же должна показать, какая она «крутая». Ей не важно, что про нее говорят, какое мнение в обществе о ее семье. Самое главное – показать, с какой роскошью она одета. Следует заметить, что некоторые девушки, когда едут из города в деревню, одеваются более

скромно. Например, юбку подлиннее, менее смелый вырез и брюки посвободнее. Ведь многие родители могут поругать. В данном случае они не учитывают то, что Абхазия маленькая и родителям могут рассказать, в чем ходят их дочери в городе. Интересно, что даже те девушки, которые носят траур по усопшим родственникам, стараются одеваться эффектно и элегантно. Она может одевать черную одежду в качестве траура, носить косынку, но обязательно вещи должны подчеркивать ее достоинства и скрывать недостатки. Я наблюдала за сценой, когда женщина лет 36–38, носящая траур по усопшему отцу, выбирала траурную одежду в магазине. После долгих примерок она так ничего и не выбрала, найдя причину: «я в этом буду выглядеть, как тетя какая-нибудь»⁶.

Все это делается для того, чтобы найти жениха, достойного на их взгляд. По словам информантов: *«для определенной группы девушек не важно, чем занимается их будущий муж, наркоман он или подворовывает. Они думают: “сейчас он так себя ведет, потому что не женат, а вот если женится, то перестанет”*. Главное для большинства абхазских девушек, чтобы был красивым и не бедным. В деревню выходить замуж девушкам “западно”. Будет вообще замечательно, если парень не живет с родителями. Некоторые, не очень воспитанные девушки, называют родителей будущего мужа “мусором”»⁷. Причем для нее не важно, кто ее будет впоследствии одевать и кормить, так как многие ребята вообще нигде не работают, хотя многие из них – женихи с дипломом.

Исследуя абхазскую молодежь, нельзя не остановиться на описании поведения той ее категории, которая относится к маргиналам. Это, чаще всего, те, которые по разным причинам никуда не поступили. Они, тем не менее, в деревне жить не хотят, и всячески стараются общаться с «городскими». Зачастую, такие люди даже не имеют постоянного места жительства в городе. Они не хотят работать в деревне, так как гнушаются теми занятиями, которыми занимаются их родители – земледелием, садоводством, скотоводством. Черную крестьянскую работу считают за позор.

Есть группа молодых людей, которые все же выучились, но нигде не работают. За небольшую зарплату, а в Абхазии это не редкость, работать не хотят, объясняя тем, что *«нет достойной работы»*, что означает «высокооплачиваемой», *«я не для этого учился»*. Они иногда даже потешаются над теми, кто работает: *«и ты училась (учился),*

чтобы зарабатывать такие деньги?»⁸. Для многих лучше ждать и просить у родителей, чем работать. Многие родители тех, кто не работает, жалея своих детей, содержат их долгое время.

В основном, те, кто живет ничего не делая, изображают блатных, жуликов и т.д. На рынке, где чаще всего ничем не занятые молодые люди проводят время до обеда, они, зачастую, не смущаются просить у знакомых деньги на сигареты. Или, что еще хуже, воровать на рынке или в общественном транспорте кошельки или барсетки. И что примечательно, они не стесняются рассказывать о содеянном. Более того, они даже гордятся своим поступком, и хвастаются среди своих друзей. Идя на такие поступки, многие стремятся завоевать определенную репутацию в около-криминальном мире, чтобы, возможно, впоследствии вступить в этот мир. *«Есть один парень, он уже взрослый. Он в жизни не отказывал себе ни в чем. Сказать, чтобы ничем не занимался, нет. Он танцевал в одном из местных ансамблей, учился в университете, но осознанно выбрал криминальный мир. Во время очередного, уже вооруженного, грабежа, его ранили, он попал в тюрьму очередной раз. До этого его родители дело до суда не доводили. Выкупали его. Все говорили, что он опозорил своего отца. На его свадьбе из тюрьмы прислали деньги. В списке записали. “Общак, тюрьма. Столько-то денег”. Об этом говорили не только в той деревне, откуда он родом, где собственно и играли свадьбу, но и в соседних селах. Такое событие... Говорят, что он стал смотрящим. Не могу сказать точно. Знаю только то, что его приглашают на различные разговоры, разборки»⁹.*

На вопрос, а как поступают родители, если узнают, что их сын ворует? *«И что? Ну, получит он от них подзатыльник, ты думаешь, он перестанет этим заниматься? Крыса, которая привыкла воровать сыр каждый день, если перестанет воровать, то такие ребята тоже перестанут это делать»¹⁰. У абхазов есть и другая пословица по отношению к ворам: «Собака, которая привыкла воровать, никогда не перестанет». Ребята во многих случаях идут против требований родителей. Как же он перестанет заниматься привычным делом – он же потеряет свою честь среди «своих», то есть среди таких же, как он.*

Те, кто остались маргиналами, оказываются связанными с криминальными группами, занимаясь, как правило, мелким воровством. Кроме того, можно выделить другую группу маргиналов, характер образа жизни которых не включал в себя поиск работы, а заключается в

паразитировании на дружеских и родственных связях. Зачастую, такие люди даже не имеют постоянного места жительства.

Существует еще один способ оставить жизнь в деревне. Им, чаще всего, пользуются те юноши, которые никуда не поступили. Они проходят срочную службу, после чего остаются служить на контрактной основе. Сейчас в Абхазии есть несколько мест, где они служат, а именно: 6-ой отдел – СГБ, 7-ой отдел – охрана президента. В эти отделы тоже просто так невозможно попасть, нужен человек, который составит протекцию. Кроме того, есть еще две военные структуры: это ЦСН – спецназ антитеррор, и ВГВ – спецназ Восточных групп войск. Из вышеперечисленных, проще всего, попасть в последний. Из ВГВ никого не увольняют, но мест никогда не бывает. Почему попасть проще? Потому что нагрузка для ребят более щадящая. К спецназовцам в абхазском обществе отношение положительное, можно сказать, уважительное. Если парень служит в спецназе, это значит, что он не «разгильдяй», занят делом и, что самое важное, хорошо зарабатывает. Когда его сверстники узнают, что парень работает в спецназе, говорят: *«о, ты там работаешь, красава. Еще бы не относились к ним с уважением, они такой большой труд прилагают, чтобы спокойно спали»*¹¹.

В основном обычный деревенский парень, видя, что в городе для него нет места, понимает, что «ловить нечего», возвращается домой. Но, к сожалению, обзавестись семьей такому парню сложно, ведь, как уже было сказано выше, девушки с большой неохотой выходят замуж за деревенского парня. Даже если у него большое хозяйство, и его семья состоятельная. Именно по этой причине в настоящее время в деревнях меньше молодежи, и много неженатых молодых парней. На вопрос «почему не женишься?», ребята чаще отвечают: *«Ой, женишься, много хлопот. Жену надо кормить, одевать, обувать. Да еще ее бесконечные родственники. И самое главное, кто в деревню пойдет? Я уж как-нибудь обойдусь без жены»*¹². Из этих слов можно сделать следующий вывод: проблема мужской половины состоит в том, что они не могут найти девушку, которая согласилась бы жить в деревне, но этому фактору они отводят второстепенную роль.

Что касается девушек, то, чаще всего, девушки находят работу, даже если работа невысокооплачиваемая. Девушке проще в жизни. Для нее не стыдно, если родители помогают. Если сравнивать в соотношении с парнями, то каждая вторая девушка работает. Если предложили одинаковую невысокооплачиваемую работу девушке и парню,

кто из них наверняка согласится?: *«Конечно, девушка. Потому что парень хочет все и сразу. Девушки думают совсем по другому. Девушка может начать с самого меньшего. Допустим, 5000 парня не устроит, он хочет сразу 20000. Он лучше пойдет дальше фигней страдать и стрелять сигареты»*¹³.

Если интересоваться мнением жителей Абхазии, насколько нужно и важно иметь высшее образование, то почти все считают, что образование, конечно, нужно, не обязательно даже высшее. Они также считают, что не хватает специалистов со средним специальным образованием. Даже в первые десятилетия XX в., многие жители абхазских сел были против открытия школ в их селах. Это «сопротивление» они выражали следующим образом: «Население не говорило о том что школы не нужны. Но спустя 10–15 лет, то есть к началу XX в., население высказывает свое мнение о непригодности школы»¹⁴. Они считали, что школы не дают необходимых знаний, русскому языку не обучают, учебного материала и учебников не хватает, более того, большинство вне школы книг не читают. Полученные в школе знания совершенно не умеют применять к жизни. Что самое интересное, считая себя «образованными», выпускники школ с неохотой брались за работу в деревне. В целом, население, выступая на сходе села, выступало не против существования школ, а за то чтобы открывались такие школы, которые давали бы законченное пригодное к жизни образование – «<...> школы должны так воспитывать наших детей, чтобы они не гнушались теми занятиями, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством. Ныне же, получающие русское образование юноши, считают за позор черную крестьянскую работу. Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с хорошо образованными учителями»¹⁵.

Так же, как и современные родители, они не были против открытия школ в абхазских деревнях, не были против того, чтобы их дети учились, но они хотели, чтобы их дети не забывали то, чему их учили их отцы.

Таким образом, исследовав современную абхазскую молодежь, можно сказать, что ее ценности за последние двадцать лет сильно изменились, и ее поведение, в большинстве своем, демонстрирует низкую мотивацию к самостоятельной жизни и привычку к достижению жизненных целей, не прикладывая серьезных усилий. Кроме того, следует отметить, что отношение к образованию все еще остается важ-

ным, в умах молодежи и некоторых их родителей. Проблема, связанная с высшим образованием, не является новым явлением в абхазском обществе. Исследования подтверждают, что еще в начале XX века молодые люди, получившие сначала школьное, а потом высшее образование, ставили себя выше своих сверстников, то есть тех, кто не получил его. Но в прошлом столетии эта проблема не была массовой, так как, во-первых, высшее образование было в некотором роде элитарным, то есть не каждый мог поступить в высшие учебные заведения; во-вторых, в истории абхазского народа был период, когда абхазы не имели права селиться на побережье; в-третьих, в период коллективизации получивший высшее образование специалист должен был обязательно вернуться в свой родной колхоз и работать там.

¹ ПМА. 2014 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Кубанская школа. № 3 1915 г. // Съезд абхазского населения 20 августа 1913 г.

¹⁵ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале: Издание Наркомпроса С.С.Р. Абхазии, 1923. С. 118–119.

Проблемы молодежи русской провинции (на примере г. Нерехты Костромской области)*

Комплекс проблем городской жизни – жилищный вопрос, коммунальные удобства, благоустройство территории, наличие качественной дорожной сети и эффективной работы городского транспорта, традиционно включаемых исследователями в проблематику городской среды, представляет для людей особую значимость и входит в структуру повседневности¹. Ежедневные трудности горожан, например, отсутствие работы, небольшой заработок, высокие коммунальные тарифы и прочее, приводят к росту недовольства людей и миграции в другие регионы страны. Вместе с тем, несмотря на призывы и действия федеральной власти, многие проблемы в субъектах Российской Федерации остаются нерешенными. Так, в современной России, по данным статистики, лишь 44% от общего количества жилья оборудовано всеми видами благоустройства², еще ниже этот показатель в малых городах России. Данное исследование вызвано нарастающим интересом к проблемам молодого поколения России.

Основная задача предлагаемой статьи – проанализировать социально-экономическое состояние, а также основные проблемы молодежи малых городов российской провинции на примере г. Нерехты Костромской области, который является типичным регионом Центральной России, находящимся на практически равном удалении от трех областных центров – Ярославля, Иваново и Костромы, с числом жителей чуть более 20 тыс. чел.

Ученые Института этнологии и антропологии РАН проводили комплексные исследования молодежи. В них рассматривались как общие, так и частные проблемы ее адаптации в современном сообществе³. Однако в них в основном затрагивались проблемы молодежи, проживающей в крупных городах-мегаполисах, а проблемы молодой части населения малых городов России оставались за рамками изучения. Вместе с тем, основная часть населения России проживает в провин-

* Исследование поддержано РГНФ, проект № 14-01-00387 «Социокультурные стратегии молодежи в российской городской провинции (2000–2015)».

ции. Небольшое исследование, затрагивающее положение студентов из Средней Азии в Костроме было рассмотрено Н.А. Беловой в статье «Студенты из Средней Азии в Костроме»⁴. В ней отражены основные проблемы и повседневные трудности приезжей зарубежной молодежи, но трудности россиян в ней не рассматривались.

Именно поэтому представляется важным провести комплексное исследование, которое позволило бы более подробно отразить действительность и выявить актуальные проблемы молодого поколения малых городов России.

В настоящее время **Нерехта** – город, административный центр Нерехтинского района Костромской области, расположенный на реке Нерехта (приток Солоницы), в 46 км от Костромы.

Общий объем доходов бюджета муниципального образования городского поселения города Нерехта составлял в 2014 г. 43 567,6 тыс. руб. Общий объем расходов бюджета муниципального образования города – 46 877,6 тыс. руб. Таким образом, дефицит бюджета Нерехты составлял 3 310,0 тыс. руб. на 2014 г.⁵

Данные Костромской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ГТРК «Кострома») говорят о том, что внеплановая проверка района в 2012 г. выявила массу нарушений: «Из 34-х направлений – по 20-ти директора департаментов поставили властям Нерехты двойку. Вот лишь некоторые цифры. За три года смертность в районе выросла на 21 процент. 92 процента дорог в районе – в неудовлетворительном состоянии. 97 строительных объектов – долгострои. Площадь посевных площадей, поголовье скота и производство молока сокращаются. Уверенными темпами растет только муниципальный долг. Сегодня он составляет 170 миллионов рублей. Но главным критерием оценки деятельности местной администрации стало мнение самих нерехтчан. За три года в администрацию области поступило 1255 жалоб и обращений. Намного больше, чем из других муниципалитетов»⁶.

Эти цифры подтверждают необходимость экономических преобразований в регионе, которые повысят уровень жизни местного населения. Федеральные ассигнования позволили бы возродить или расширить производство, повысить покупательную активность жителей, сделать регион благоприятным для проживания. Пока же в оценках местного населения преобладает «упадническое» настроение.

Интересными представляются данные независимых опросов сообщества «Подслушано в Нерехте. Опросы» социальной сети «ВКонтакте». В этой группе часто проводятся анонимные опросы молодежи Нерехты по различным, в том числе и интересующим нас темам.

В одном из опросов был задан вопрос: «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой регион/страну». В опросе приняло участие 157 человек. Среди подростков 19% – предпочли бы жить и работать за рубежом, 17,5% – хотели бы остаться в Нерехте, 16 % – мечтают уехать в Санкт-Петербург, 11,4 % – в Москву. Молодежь в возрасте от 18 лет в основном мечтает уехать и начать новую жизнь за границей (38,6 %), равные доли опрошенных хотели бы остаться в Нерехте или уехать на постоянное место жительства в Санкт-Петербург и только 8,8 % хотели бы жить в Москве.

Вероятно, основная причина такого настроения молодежи – нерешенные проблемы и отсутствие реальных возможностей изменить свою жизнь к лучшему.

Д.М., 1987 г.р.: *«Я хотела бы жить в Нерехте, мои родители там живут. Но в районе нет достойной работы и зарплаты просто “слезы”, если бы не моя помощь моим родителям, то их долг за ЖКХ превысил бы стоимость их квартиры. [Вы бы вернулись на постоянное место жительства в Нерехту, если бы Вам предложили высокую зарплату? – Н.Б.] Конечно, поехала, там все условия и экология хорошая, не то, что в Москве, опять же жилищный вопрос решен»⁷.*

О.М., 1933 г.р.: *«Я своим знакомым говорю, а что здесь делать, это нам, старикам, надо доживать свой век на старом месте, а молодым надо что-то менять в жизни, а если не получится или не сложится, всегда можно и домой вернуться»⁸.*

По отчетам Костромского статистического органа, уровень доходов населения области нестабилен. В рассматриваемом регионе среднедушевые доходы то незначительно превышают расходы, то снова образуется дефицит семейного бюджета. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Нерехте (по полному кругу предприятий и организаций) за 2013 г. составила 10 461 руб.⁹. Как показывают статистические источники и замечания местного населения, цены в регионе постоянно растут, что в свою очередь отрицательно сказывается на покупательной способности населения и фактическом отсутствии возможности решения, в первую очередь, – жилищных проблем.

Н.П., 53 года: *«Вот я хоть и почти пенсионерка, а все равно буду работать, даже после того, как исполнится 55 лет, если не сократят конечно! А все потому, что жить тяжело. У меня двое сыновей и им постоянно с мужем помогаем! А как иначе? Не сможешь, так им и не прожить... За коммунальные услуги заплати, на проезд, в школу сборы, в садик, иногда и на продукты им не хватает, цены такие же, как и в Костроме! А зарплаты у нас небольшие, особенно у молодых. Это мы уже за выслугу лет и большой опыт, надбавки получаем, а у детей наших этих надбавок нет»*¹⁰.

М.Ю., 44 года: *«Я в Москву постоянно мотаюсь – вахтовым методом работаю, чтобы дочке помочь! С мужем ей не повезло, бросил, одна внучку [свою дочку – Н.Б.] воспитывает»*¹¹.

А.М., 28 лет: *«Я люблю свой город, но зарплаты у нас маленькие! Это хорошо, что у меня жилищный вопрос решен и родители помогают, а так бы тяжело пришлось»*¹².

Для подробного анализа проблем молодежи провинции РФ нами было проведено анкетирование ста человек из Нерехты и Нерехтского района в возрасте от 16 до 35 лет. Среди опрошенных было семьдесят женщин, а мужчин удалось опросить только тридцать. Проблема численного превосходства женщин над мужчинами является одной из самых важных, так как регионы Костромской, Ивановский и Ярославский издавна считались «бабьей стороной»¹³, вследствие того, что большинство мужчин уходило на заработки в города, оставляя свои семьи.

В анкетах были сформулированы основные проблемы, которые волнуют молодое поколение. Как показал опрос, различие в ответах между полами весьма существенно. Поэтому мы считаем необходимым рассматривать полученные данные отдельно, для выявления более значимых и существенных проблем.

Как мы уже отметили выше, среди опрошенных было семьдесят женщин. Эту категорию мы разделили на замужних или разведенных с детьми и на незамужних, бездетных молодых девушек. Это объясняется тем, что проблемы и интересы этих двух групп существенно различаются. Среди незамужних девушек остро стоит проблема трудоустройства и размер заработка. Только 16% знают о программе «материнский капитал», 6,6% знают о социальной программе «Жилье молодым семьям». 10% затруднились ответить на вопрос о том, что такое социальная программа, так как в ответах написали: «строительство дорог», «глобальные проблемы современности» и «выборы».

Эту социальную группу больше интересует вопрос замужества и развлечения, нежели серьезные материальные проблемы.

Вторая группа опрошенных женщин состояла из замужних или разведенных, обязательно с детьми. Таких оказалось 30 человек. В основном у опрошенных было по одному ребенку, только пять женщин воспитывают двоих детей. Самой значительной проблемой этой группы опрошенных стали высокие тарифы ЖКХ. 50% из них указали, что именно этот аспект тревожит их больше всего. Женщины в личных беседах отмечали, что на оплату счетов уходит от 50 до 70% заработной платы, что в свою очередь наносит существенный урон семейному бюджету. Жилищный вопрос интересует только 40% женщин, интересно и то, что пятеро из них, имеющие по двое детей, не получили и даже ничего не слышали о государственной программе «Материнский капитал»¹⁴, который можно реализовать на улучшение или приобретение недвижимости, вместе с тем у двоих из них в приоритете стоит жилищная проблема. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что информированность населения о социальных программах крайне мала, поэтому необходимо организовать горячие линии – консультации по телефону или проводить более активную политику, путем разъяснительных бесед с будущими родителями и с гражданами в целом.

Интересы женщин рассматриваемой категории в целом совпадают с более молодыми, однако времени на отдых у первых существенно меньше. Вместе с тем большинство отметило, что свободное время проводят дома, смотря телевизор, реже общаясь в социальных сетях Интернета.

Б.Д., 29 лет: *«Жилищный вопрос меня мало интересует, так как вначале родители помогли, а теперь живем в бабушкином доме. Да, я считаю, что государство и правительство должны обращать внимание на проблемы молодежи, хотелось бы получать более высокую заработную плату, а то за детский сад заплати, ЖКХ, в магазин два раза сходили и в кошельке пусто. Я патриот, уезжать не собираюсь, но найти достойную работу у нас очень тяжело, поэтому многие и уезжают»*¹⁵.

Т.М., 30 лет: *«Живем как все, главное не хуже других. За одеждой в Ярославль ездим или Иваново, реже в Кострому, там дороже. Проблем в регионе много, меня волнуют низкие зарплаты и высокие ЖКХ, раньше такого не было. Выгодно только в частном доме жить»*¹⁶.

Мужчины объясняют свои проблемы более взвешенно и обоснованно, однако необходимо отметить, что опросить удалось только холостых мужчин, не обремененных детьми. Среди опрошенных респондентов доминировали студенты – 80%. Анкетирование выявило, что 90% мужчин волнует жилищный вопрос. Меньше всего волнуют высокие тарифы ЖКХ, только 26% опрошенных указали, что эта проблема затрагивает их интересы. 47% беспокоит низкая заработная плата и 33% – трудоустройство, в связи с чем многие молодые люди хотели бы переехать в другой город с целью найти хорошую работу.

М.В., 20 лет: *«Я сейчас еще учусь, потом в армию пойду служить. Больше всего волнует меня вопрос жилищный, потому что с нашими зарплатами много не заработаешь. А чтобы семьей обзавестись, надо квартиру иметь, машину и т.д. Наверное, в Москву поеду жить или в Ярик [Ярославль – Н.Б.], там хоть платят больше»*¹⁷.

Отсутствие развлечений и неумение грамотно организовать свой досуг, а также невозможность изменить свою жизнь к лучшему породили новую проблему. В Нерехте и области в целом растет число подростковой наркомании и алкогольной зависимости.

Таблица 1

**Ведете ли Вы здоровый образ жизни?
(анонимное голосование, %)**

А ты за «ЗОЖ»?	Удельный вес
Да	65%
Нет	35%

Данные таблицы 1 говорят нам о том, что большинство молодых нерехтчан – за здоровый образ жизни, однако удельный вес молодежи, не стремящейся к такому образу жизни, остается высоким, именно поэтому местной власти и общественным организациям необходимо и дальше заниматься пропагандой «ЗОЖ»¹⁸.

В группе социальной сети «Подслушано в Нерехте» был проведен анонимный опрос, с целью выявить отношение молодежи к наркотикам. Было опрошено 114 человек.

Таблица 2

**Отношение к людям, употребляющим наркотические вещества
(анонимное голосование, %)**

Как Вы относитесь к людям, употребляющим наркотики?	Удельный вес
Нейтрально	21,1%
Отрицательно	66,7%
Сам(а) употребляю	5,3%
Лечусь от наркотической зависимости	2,6%
Свой вариант	4,4%

Из таблицы видно, что большинство опрошенных отрицательно относятся к наркотикам, вместе с тем, достаточно велика доля тех, кто нейтрально относится к людям, употребляющим наркотики, считая, вероятно, это личным делом каждого. Удельный вес молодежи, употребляющей наркотики, составляет 5,3%, из них 2,6% уже находятся на стадии лечения. Более подробный анализ опроса показал, что подростки в возрасте до 18 лет в целом отрицательно относятся к наркотикам, однако 2,2 % употребляют запрещенные вещества¹⁹.

Помимо наркомании острой проблемой остается употребление алкоголя молодыми людьми. Алкоголизм по праву относят к одной из самых серьезных проблем современного общества, так как темпы распространения этого заболевания увеличиваются с каждым годом.

Таблица 3

Употребление алкоголя (анонимное голосование, %)

Употребляете ли Вы алкоголь?	Удельный вес
Нет	35,6%
Очень редко	36,3%
Да, но знаю меру	20,7%
Часто употребляю	7,4%

Опрос показывает, что большинство молодежи, несмотря на все меры, проводимые государством, все же употребляет алкоголь. Более подробный анализ источника показал, что удельный вес несовершеннолетних, которые выпивают в компании друзей, достигает 41 %, причем 1,5% респондентов делают это часто. Приведенные данные говорят о том, что необходимо проводить беседы с молодыми людьми о вреде алкоголя и тех необратимых последствиях, к которым приводит употребление спиртных напитков²⁰.

Другой, не менее серьезной проблемой остается табакокурение. Независимый опрос в группе «Подслушано в Нерехте. Опросы» показал следующие результаты.

Удельный вес курящей молодежи составляет 24,7%, причем еще 9,6% курят нерегулярно. При этом доля курящей молодежи до 18 лет составляет 9,6%, а 4,6% курят нерегулярно. Из результатов опроса видно, что большинство молодых людей не курят, что говорит о сложившейся положительной тенденции и правильной политике государства, направленной на повышение акцизов и ужесточение ответственности за вовлечение несовершеннолетних в курение, а также большого влияния традиций, сохраняющихся в провинции²¹.

Таким образом, исследование показало, что большинство молодежи Нерехты стремится и придерживается здорового образа жизни, вместе с тем реклама, а также различные трудности толкают молодежь к употреблению вредных для здоровья организма веществ, которые дают мнимое психологическое утешение или успокоение.

Фактическое отсутствие экономического развития и недостаток хороших вакансий на рынке труда приводит к росту миграции, снижению рождаемости и уровня жизни населения. В большинстве случаев молодые семьи и молодежь в целом выживают и находятся на грани бедности. Основной проблемой, наряду с трудоустройством и низким доходом, остается жилищный вопрос. Как показало наше исследование, в большей степени это волнует мужчин, нежели женщин. Вероятнее всего, это связано с традиционным гендерным распределением ролей: мужчина – добытчик и кормилец семьи. Кроме того, крайне мала информированность людей о проводимых государством социальных программах, именно поэтому необходимо расширять не только сами программы, но и размещать подробную информацию о них, в том числе и в социальных сетях. Таким образом, эти действия позволят улучшить и поднять уровень жизни населения, так как многие граждане

даже не подозревают о том, что имеют право на получение той или иной субсидии или социальной льготы.

В исследуемом регионе существует целый комплекс проблем, но очень острой остается употребление вредных для организма веществ (алкоголя, табака и наркотиков). Несмотря на то, что государство постоянно повышает акцизы на табак и алкоголь, количество зависимых от вредных привычек подростков не сокращается, а растет. Вероятно, это связано с психологическим утешением и «мнимым» расслабляющим эффектом, который дает алкоголь или табак. В результате большая часть семейного бюджета тратится на сигареты и алкоголь, хотя сами граждане не всегда понимают, что на потребление сигарет затрачивается немаленькая сумма (около 1 тыс. руб. в месяц), а на пиво или другие алкогольные напитки около 4 тыс. руб. в месяц, что является существенным расходом в бюджете, а иногда составляет в общей сложности 2/3 всего дохода. Именно поэтому реальные примеры суммарных затрат на сигареты и алкоголь, а не только констатация вреда здоровью, могут стать действенной мерой по снижению количества потребляемых табака и алкоголя.

В регионе существует множество проблем, которые требуют срочного решения. Но вместе с тем, большинство молодых нерехтчан любят свой город и не хотят переезжать на постоянное место жительства в другие регионы России.

¹ Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей. М.: ИЗА РАН, 2015.

² Скочин А.В. Городская среда Тюмени во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Автореф. дисс... к.и.н., Тюмень, 2013.

³ Молодежь Москвы. Адаптация к многокультурности // отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева М.: Изд-во РУДН, 2007; Молодые москвичи. Кросскультурное исследование // под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2008; Молодежные субкультуры Москвы // отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЗА РАН, 2008. Мартынова М.Ю. Традиции и инновации в соционормативной культуре. М., 2008.

⁴ Белова Н.А. Студенты из Средней Азии в Костроме // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году: Ежегодный доклад / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЗА РАН, 2013. С. 144–150.

⁵ Бюджет города / Администрация муниципального района г. Нерехта и Нерехтский район Костромской области. URL: <http://www.nerehta.org/> (дата обращения 24.02.2014).

- ⁶ Администрация Нерехты получила за работу «неуд» URL: <http://gtrk-kostroma.ru/news/4396-administratsiya-nerekhty-poluchila-za-rabotu-neud.html> (дата обращения, 13.03.2014).
- ⁷ ПМА 2013.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891.
- ¹⁴ Форма государственной поддержки российских семей, воспитывающих детей. Эта поддержка оказывается с 1 января 2007 года при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего ребенка, имеющего российское гражданство. Размер материнского капитала составлял в 2013 г. 408 960,5 руб.
- ¹⁵ ПМА 2013.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.

Молодежь и межнациональные браки: на примере населения городов Омска и Екатеринбурга

Межнациональные браки чаще встречаются среди городского населения, или на недавно освоенных территориях. Можно предположить, что это связано с тем, что в миграциях задействовано по большей части молодое население, более заинтересованное в расширении территорий и контактов, в то время как старшее и, зачастую, более консервативное в своих взглядах, поколение остается на прежде освоенных территориях. Таким образом, исторически сложилось отношение к межнациональному браку как к возможности выйти из привычной «зоны комфорта», расширить свои территориальные, экономические и социальные рамки.

Но, с точки зрения национальной самоидентификации, межнациональные браки имеют колоссальное влияние. Дети, рожденные в межнациональных браках, вынуждены выбирать, к какой национальности себя относить. Решающим фактором, в данной ситуации, является не генетический набор признаков, а условия формирования личности: национальность кого из родителей имеет более высокий социальный и культурный статус, в какой этнической среде развивается человек. Если межнациональный брак был заключен на территории, к которой ни один из родителей, с этнической точки зрения, никакого отношения не имеет, то варианты выбора еще более увеличиваются. С демографической точки зрения, при появлении ребенка, чьи родители относятся к разным национальностям, учитывается только прирост населения, с этнической же – прирост идет параллельно с убылью: численность одной национальности увеличилась, другой – не изменилась. Когда дело касается многочисленного народа, вопрос, какую национальность для себя выберет ребенок, не является важным. Но если речь идет о малочисленной народности, то выбор ребенка имеет значение.

Вопрос о межнациональных браках также является отражением этнических установок, бытующих в обществе. Под этническими установками принято понимать «готовность личности воспринимать те или иные явления национальной жизни и межэтнических отношений и в

соответствии с этим восприятием действовать определенным образом в конкретной ситуации»¹.

Современный этап характеризуется противостоянием стремлений к объединению и к обособленности. С одной стороны, идут процессы глобализации, установления и укрепления кросскультурных связей. С другой же – идет рост межнациональной напряженности, стремления доказать свою этническую и культурную индивидуальность. Готовность или неготовность общества принять сам факт возможности межэтнического брака в целом, и некоторых членов этого общества в частности, является индикатором межнациональных отношений.

Исследование проводилось на протяжении 2013–2014 гг. Омск и Екатеринбург были выбраны в качестве поля исследования в виду того, что, во-первых, эти два крупных города относятся к разным субъектам Российской Федерации: Екатеринбург является частью Уральского Округа, а Омск – Сибирского. Таким образом, нами были выбраны «типично уральский» и «типично сибирский» города. Во-вторых, они являются своего рода сверстниками: Омск был основан в 1716 г., а Екатеринбург – в 1723 г. Разумеется, нельзя утверждать, что материалы, полученные в рамках одного города, достоверно отражают ситуацию, свойственную региону в целом, однако нам кажется, что на городских материалах, тем более полученных на территории крупных городов, можно проследить тенденции, свойственные большей части административных единиц выбранных регионов.

Были проведены исследования среди молодежи городов Омска и Екатеринбурга. Возраст опрошенных ранжировался от 17 до 23 лет. Преимущественно – это ученики старших классов средних общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений. Собранные данные позволяют рассмотреть картину типичных межнациональных отношений, наиболее распространенных в указанной возрастной группе. Акцент на молодежную группу был сделан по ряду причин. В данный возрастной промежуток наблюдается определенное ориентирование на социальную группу, к которой человек принадлежит. «В процессе социализации под воздействием семьи, школы, малых групп, средств массовых коммуникаций и т. п. у индивида вырабатываются социально-профессиональные ориентации, склонности и установки»².

Позиция молодежи – это в том числе и отражение установок родителей, учителей и т.д. Соответственно, исследование этнических установок молодежи является хорошей возможностью выявить бытующие

в обществе стереотипы, так как «младшие возрастные группы отличается в большей мере, чем зрелых людей, черно-белое восприятие действительности»³.

Для проведения исследования был использован специально разработанный автором опросник. В данной работе нами учитывается анализ ответов на блок вопросов, посвященных межэтническому браку. Отвечающим предлагалось выразить свое отношение к этому явлению. В качестве следующего вопроса респондентам предлагалось ответить, считают ли они для себя возможным вступление в межэтнический брак. В современном мире наблюдается своего рода мода на толерантность, поэтому зачастую респонденты скорее стремятся создать о себе определенное впечатление, нежели дать честный ответ на вопрос. Для того, чтобы избежать подобного рода искажения информации, в анкете были предложены еще два вопроса. В первом из них респонденты должны были ответить, как бы они отнеслись, если бы их (потенциальный) сын женился на представительнице другой национальности. И последний вопрос из блока, посвященного межэтническому браку, предлагал выразить свое мнение о ситуации, если бы в межэтнический брак вступила их (потенциальная) дочь. Как правило, родители более категоричны в вопросах замужества дочери, нежели женитьбы сына, так как исторически практически у всех народов сложилось представление о том, что с замужеством девочка уходит в другую семью. Но и к судьбе своих сыновей мало кто остается равнодушным. Поэтому при помощи вопросов о брачных установках для собственных детей, предполагалось свести к минимуму возможные попытки респондентов соответствовать принятому в обществе образу и повысить правдивость ответов.

Собранные нами данные были дважды разделены на две группы в соответствии:

- 1) с территорией проживания респондентов,
- 2) с гендерной принадлежностью респондентов.

Этническая принадлежность отвечавших не учитывалась. Подобный подход связан с тем, что внимание акцентировалось на брачных установках населения определенного города в целом, а не представителей какого-то конкретно взятого этноса.

Ответы омских мужчин можно разделить на три группы. Первая – это те, кто положительно относятся к межэтническим бракам – таких оказалось 50%. Вторая группа – респонденты, указавшие, что они не-

гativamente относятся к межэтническим бракам – их 25%. В третью группу были включены те, кто отказались давать какой-либо однозначный ответ (в качестве ответов были получены варианты «смотря с кем», «какой человек будет»), либо выразили абсолютное равнодушие к данному явлению – примерно 25% от всех ответов.

В качестве следующего вопроса респондентам предлагалось ответить, считают ли они для себя возможным вступление в межэтнический брак. 50% положительно ответили на данный вопрос, 50% выразили отказ.

При анализе мнений на тему брака собственных потенциальных детей, ответы мужского населения дают одинаковую картину как для брака потенциальных сыновей, так и для брачного союза для потенциальной дочери. 75% от всех опрошенных указали, что для них наиболее приемлемо, чтобы супруг оказался той же национальности, что и они. 25% указали, что не могут дать категоричного ответа на данный вопрос.

Точно такие же вопросы были предложены екатеринбургским мужчинам.

В данном случае блок ответов можно было разделить на пять категорий: положительно относятся к межнациональному браку 19% от общей массы опрошенных. Отрицательное отношение высказали 19%, подавляющее большинство (62%) указали, что «нейтрально», «никак» или «равнодушно» относятся к явлению межнационального брака. 5% от общей массы указали, что могут позитивно или нейтрально охарактеризовать межнациональный брак при соблюдении определенных условий (чаще всего в качестве условия указывалась религиозная принадлежность потенциального брачного партнера). И также 5% указали, что затрудняются дать ответ на поставленный вопрос.

При анализе мнений о возможности межнационального брака относительно самих опрошенных, образовалось разделение на четыре группы. Большинство (71%) указали, что рассматривают для себя возможность вступления в межнациональный брак. Для 19% подобный вид брака оказался неприемлем. 5% указали, что согласились бы заключить подобный брачный союз при соблюдении определенных условий. Ровно то же количество отметили, что затрудняются дать ответ на данный вопрос.

При рассмотрении ответов на вопросы о браке для детей респондентов было выявлено четыре группы. При анализе ответов о браке

потенциальных дочерей был получен следующий спектр мнений: для большинства (48%) подобный брак был бы неприемлем. 19% ответили, что им нет дела до национальной принадлежности потенциального супруга их ребенка. 19% указали, что позволили бы своей дочери заключить подобный брак. 14% указали, что согласились бы на заключение подобного союза при соблюдении определенных условий (все также в роли определяющих факторов выступала религиозная принадлежность потенциального супруга).

Когда был проведен анализ ответов относительно женитьбы сыновей, полученные ответы также были разделены на те же четыре категории, однако изменилось количественное соотношение. Подавляющее большинство (43%) указали, что национальная принадлежность жены сына для них не является решающим фактором. 33% от общей массы ответили, что были бы против женитьбы сына на представительнице другой национальности. 14% согласились бы на такой брак при соблюдении ряда условий. И лишь 10% указали, что безоговорочно бы одобрили подобный брачный союз своего ребенка.

На эти же вопросы было предложено ответить женщинам.

Жительницы Омска в вопросах межнационального брака оказались избирательнее своих земляков. Отвечая на вопрос об отношении к межэтническому браку как таковому, 31% ответили, что относятся к этому положительно. 31% же высказали нейтральное отношение к этому явлению. 19% отметили, что в целом относятся к подобным бракам положительно, но для них имеет значение ряд условий. Также 19% указали, что негативно относятся к такого рода союзам. Отвечая на вопрос о возможности подобных союзов для себя, жительницы Омска предоставили следующие варианты мнений: большинство (50%) указали, что подобный брак для них неприемлем, 44% отметили, что согласились бы на подобный союз, 6% затруднились дать ответ на данный вопрос. Как и респондентам-мужчинам, женщинам было предложено дать свою оценку возможности межнационального брака для их детей. В вопросах брака для дочери, большинство указали, что не одобрили бы подобный союз – 69%. 19% затруднились дать категоричный ответ. И лишь 12% одобрили бы подобный союз. При анализе ответов о сыновьях было выявлено несколько иное соотношение мнений. Большинство (62,5%) сочли бы подобный брак неприемлемым. 25% одобрили бы подобный брак. Меньшинство – 12,5% не смогли дать однозначного ответа на вопрос.

Ответы жительниц Екатеринбурга показали несколько иную картину. Как и у мужчин, было выявлено деление на пять категорий. Большинство – 55% ответили, что нейтрально относятся к межнациональным бракам. 32% одобрительно отозвались о данном явлении. 6% выказали негативное отношение к межнациональным бракам. 4% указали, что одобрили бы подобный брак при соблюдении ряда условий. 3% затруднились дать ответ. Раздумывая о приемлемости подобного брака для себя, большинство (81%) указали, что согласились бы на подобный союз. 6% согласились бы, но с соблюдением ряда условий. 4% отвергли такой вариант. 6% выказали нейтральное или равнодушное отношение к национальной принадлежности потенциального супруга и 3% не дали какого-либо четкого ответа. Отвечая на вопрос о браках для дочерей, большинство (32%) указали, что не одобрили бы подобный брак для своей дочери. 29%, наоборот, положительно бы отнеслись к такой возможности. 10% указали, что одобрили бы такой брак при определенных условиях. 26% декларировали равнодушное отношение к национальности потенциального супруга. 3% четкого ответа не дали. При анализе ответов на вопрос о браке сына с представительницей другой национальности была получена примерно та же картина, что и при ответах на вопрос о браке дочерей. Большинство высказались против – 45%. На втором месте по численности группа, безоговорочно одобряющая подобные браки – 23%. 10% одобрили бы такой брак при соблюдении ряда условий. 19% заявили о равнодушном отношении к национальной принадлежности потенциальной родственницы. 3% четкого ответа не дали. В целом, можно сказать, что в брачных вопросах женщины зачастую внимательнее и щепетильнее мужчин.

Обобщая полученные данные, можно прийти к выводу, что молодое население Омска более категорично в вопросах межнациональных отношений, а именно браков. В то время как молодежь Екатеринбурга создала более разнообразную, но при этом и более единую картину. Можно предположить, что это связано с географическим положением обоих городов. Омск находится непосредственно на границе с Казахстаном. Соответственно, у населения имеется множество примеров межнациональных взаимодействий – начиная с конфликтов на этнической почве, и заканчивая заключением национально-смешанных браков. Наличие большого количества примеров позволяет создать более или менее четкое представление о том, что есть межнациональный

брак, и какие последствия – положительнее или отрицательные – он за собой может повлечь. Екатеринбург же пограничным регионом не является. Соответственно, у населения перед глазами меньше реальных примеров межэтнических взаимодействий, и зачастую мнение о том же национально-смешанном браке складывается не на личном опыте/наблюдении, а из косвенных источников: рассказов знакомых, упоминаний в СМИ, интернете. Это и является причиной того, что ответы жителей Екатеринбурга представляют собой более разрозненную картину.

¹ Этнические установки. Психологический словарь. URL:

<http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1157> (дата обращения 08.02.2015).

² *Чередниченко Г.А.* Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного Института, 2004.

³ *Сикевич В.З.* Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.

Локальные сообщества и движения в наукоградах

В городе Жуковском так много научных центров и институтов, что, казалось бы, в каждом дворе и переулке должны быть слышны разговоры о теории аэродинамики или новых экспериментальных исследованиях. Но не это волнует жителей наукограда. *«Хотим, чтобы у нас в городе был лес, хотим, чтобы в нашем городе действовали законы, а не понятия и не чьи-то “высокие интересы”, хотим, чтобы у нас в городе была честная власть»* – вот основные темы городских разговоров, а вместе с тем и цели *Жуковского народного совета*¹. Из 15 человек, которых жители выбрали в народный совет, треть – инженеры или научные сотрудники, бывшие или настоящие работники ЦАГИ – Центрального аэрогидродинамического института. Это сообщество формировалось параллельно с назревающим в городе общественным недовольством. Все началось в 2004 г., когда в своей предвыборной кампании кандидат в мэры Александр Петрович Бобовников первоочередной задачей объявил строительство объездной дороги для разгрузки транспортных проблем Жуковского. Дальше было предложено четыре варианта проекта, из которых выбрали тот, где трасса проходит через реликтовый Цаговский лес, но в итоге объездная дорога превратилась в подъездную, жители города собрались на пятитысячный митинг против массовых фальсификаций на выборах мэра, а ученые ЦАГИ предложили альтернативное решение. Затем – отставка мэра за утратой доверия, еще один митинг, лишение леса статуса памятника природы местного значения и, наконец, ночная вырубка деревьев и запуск строительства. По официальной версии, новая дорога – это удобный подъезд к аэродрому Летно-исследовательского института имени М.М. Громова (ЛИИ), взлетно-посадочная полоса которого самая длинная в Европе. Эта дорога должна способствовать развитию особой экономической зоны портового типа Национального центра авиастроения и созданию аэропортового комплекса на территории аэродрома ЛИИ.

Как вышло так, что жители авиационной столицы России, где кандидатов и докторов наук на душу населения больше, чем в других городах, настроены против потенциально перспективных проектов? По-

чему в Жуковском появились общественные движения, которые, на первый взгляд, тормозят развитие наукограда?

Это исследование можно считать примером использования метода нетнографии. Это методика качественных исследований, которая адаптирует традиционные этнографические методы антропологии к изучению культур и сообществ в он-лайн. Автором термина считается антрополог Роберт В. Козинец, который утверждает, что специализированные площадки в Интернете, где люди самостоятельно подбираются «по интересу» – это такие же «естественные» условия, как и работа в поле. В рамках этого исследования были проанализированы все существующие группы в социальных сетях, связанные с наукоградами, а также периодика (местные газеты) за последние несколько лет.

Заняты активной деятельностью и жители наукоградов Троицка, Королева, Дзержинска. Основу троцкого общественного движения «Активист» составляют «прогрессивно мыслящие граждане с активной жизненной позицией»². Цель этого движения – выражение общественного мнения о жизни города и ни много ни мало формирование гражданского общества. НКО «Защитим Королев» создана для «быстрого реагирования и координации против мероприятий, ухудшающих жизнь жителей города, и взаимной помощи друг другу в деле развития общественных инициатив»³.

Все эти сообщества поддерживают или сформировались вокруг той или иной экологической проблемы. В Обнинске сообщество «Живой город» возникло как реакция на строительство стеклозавода. Строительство вредного и неинновационного предприятия в итоге отменили, а сообщество продолжило существовать, заявив своей следующей целью защиту городских лесов и воздушного бассейна. В Троицке, например, после присоединения к Москве появились «Друзья Троицкого леса» и «Сообщество жителей окрестностей реки Десна», обеспокоенные вырубкой леса.

В Дубне произошла совсем уж поразительная история. Еще в 1997 г. энтузиастами, которым сегодня от шестидесяти и выше, был создан *Внебюджетный фонд озеленения и лесовосстановления Дубны*, но через несколько лет фонд перестал существовать. В 2012 г. молодежная группа начала проводить экологические акции и назвалась «Зеленая Дубна». На одном из субботников первые экологические защитники узнали о вторых, и теперь они работают вместе. Со-

став участников общественной организации сегодня – это ученые, инженеры и творческая интеллигенция. Удивительно, что в одном и том же городе с перерывом более, чем в десятилетие зародились два практически идентичных движения.

На фоне экологической активности наукоградов недоумение вызывает направленность городских сообществ Дзержинска. Это один из самых экологически загрязненных городов России. На его территории расположен крупнейший в Европе шламонакопитель с отходами химических производств, романтично прозванный горожанами «Белым морем», и стихийно образовавшаяся свалка с не менее звучным названием «Черная дыра». У него нет официального статуса наукограда, но в ведущих в области химического и оборонного производства НИИ работает практически каждый третий человек. Тем временем одни жители города участвуют в акциях сообщества «Голос Дзержинска» – группы людей «вне политики, готовых бороться за то, чтобы город вновь стал ориентированным на жителей, за то, чтобы заставить власть слушать народ, а не решать все за нас»⁴, другие – «Дзержинцы за трамвай» – проводят сбор подписей за сохранение трамвайных путей в городе. Город же продолжает превращаться в одну большую «черную дыру». Только в 2014 г. появилось движение «Химзащита», а точнее, группа в одной из социальных сетей, деятельность которой сводится пока к обсуждению тех или иных фактов об экологии Дзержинска среди 226 человек, что крайне мало, особенно в сравнении с другими группами из той же сети: «Дзержинск – столица мира» – 11303 человека, «Наш любимый Дзержинск» – 4124 человека, «Типичный Дзержинск «18+» – 26736 человек.

На общем фоне несколько выделяются городские сообщества Бийска и Мичуринска. В них нет ярких общественных движений. Одни из самых обсуждаемых проблем – это борьба с алкоголизмом и общий упадок культуры. Решение о придании этим городам статуса наукограда не сильно отразилось на горожанах и размеренном течении их жизни. Наука – отдельно, а жители – отдельно. Отчасти это связано с тем, что в Бийске и Мичуринске располагались предприятия, не связанные с секретностью и опасностью для экологии, поэтому они были выбраны как научные центры преимущественно из-за наличия инфраструктуры и подходящего географического расположения, нежели за научный и социальный капитал⁵. Та же история – и в Дзержинске с тем от-

личием, что он сейчас может начать развиваться как наукоград или превратиться в обычный город.

Единственное городское сообщество, которое делает акцент на научном потенциале города, а может, и появилось благодаря ему, – *общественный фонд «Академгородок»*. «Хотим, чтобы [новосибирский – А.И.] Академгородок процветал и развивался как современный и известный на весь мир центр науки со своими традициями и уникальным обликом» – гласит цель фонда⁶. Среди различных направлений работы, от экологии и культуры до спорта и здорового образа жизни, главное из заявленных – развитие Академгородка как научного центра. Группа сформировалась в 2009 г. и занимает активную позицию в структуре городского сообщества. Признание верхней зоны городка достопримечательным местом, в том числе и их заслуга. По своему образованию практически все участники сообщества – выпускники Новосибирского государственного университета. Большую часть из них составляют ученые, меньшую – группа предпринимателей (в основном это малый бизнес), общественники и просто инициативные люди.

Фонд «Академгородок», ставший неким подобием медиатора между администрацией, научным сообществом и жителями города, всячески поддерживает молодежные движения – «Арт-лавочки Академгородка», сайенс-кафе «Эврика», арт-клуб «НИИ Куда». Из-за тесной связи с университетом и его достаточно близким территориальным расположением в городке много студентов. Арт-клуб «НИИ Куда» – «Научно-исследовательский институт культурного досуга Академгородка» – это кафе, в котором афиша называется «План НИОКР»⁷, а в фотолаборатории висят отчеты о заседаниях. В Академгородке верят, что именно об этом месте Стругацкие писали в своей повести «Понедельник начинается в субботу»⁸, а «продолжение традиций первых поколений Академгородка в стиле романтического научного оптимизма и возрождение знаменитого клуба «Под интегралом»⁹ – одна из основных задач.

То, что в Академгородке, органично вписанном в сибирские леса, сочетающем городской комфорт и близость природы, построенном по новым для 1960-х теоретическим концепциям советского градостроительства, наполненном лучшей мечтательной молодежью, зародился дискуссионный клуб, активный общественный фонд и атмосфера особенной идентичности, – не удивительно. Удивительно, что спустя полвека новое поколение инициатирует движения, направленные на восста-

новление уже мифологического прошлого, опирающиеся на идеи, созданные еще во времена первого полета человека в космос.

Ликвидация закрытости, получение статуса наукограда и постепенный выход из социально-экономического кризиса дали новый всплеск движениям в городах. Молодежные сообщества – наиболее чуткие к переменам и полные позитивной энергии – стремятся создавать локальные сообщества и инициативные группы. Участники проекта «Боб» (от ласкового названия города Обнинск – *Бобнинск*) мечтают, что «скоро мы будем жить в мире эко-хай-тека»¹⁰, а Обнинск станет городом, где реализованы принципы нулевого потребления. Но и это не новая идея. Сократить потребление, использовать повторно, перерабатывать (*reduce, reuse, recycle*) – принципы широко известные. Молодежный совет наукограда Кольцово создан в 2012 г. администрацией города. Фактически это институционализирование уже существовавших ранее Совета молодых ученых ГНЦ ВБ «Вектор», Молодежного парламента, АНО музыкантов и композиторов «Студия К», танцевальных и других групп.

Участников молодежных сообществ наукоградов волнует все то, что волнует молодежь из ненаучных городов: велосипедное движение и инфраструктура, волонтерская деятельность и помощь бездомным животным. Среди таких сообществ можно отметить волонтерское движение «Свет» в Троицке, группу волонтеров «Добрая Дубна», общество защиты животных «Преданность» в Бийске, объединение спортивных организаций и молодежи Active Union в Обнинске, добровольческое движение «Милосердие от сердца к сердцу» в Дзержинске, благотворительную организацию «Наш город» в Мичуринске, «Вело-жизнь» в Юбилейном и велоклуб «Жуковский», фонд помощи бездомным животным «Ника» в Зеленограде и другие. Второе и третье поколение основателей НИИ и КБ живет своими, далекими от науки интересами.

Что отличает городские сообщества наукоградов? Общие точки в процессе осознания себя и своих целей. Большую часть существования эти города были закрыты от внешнего мира: въезд был доступен очень ограниченному кругу лиц, выезд с территории – сильно затруднен необходимостью получать специальные разрешения, а в первое время вообще запрещен. Такая исключительная закрытость, осознание важности своей работы и особенные условия быта, созданные государством специально для них как компенсация за ограничения,

сформировали специфическую идентичность местных жителей – они особенные люди, с особенной миссией, с особыми правами и обязанностями, на которых лежит ответственность за судьбу страны и мира. Андрей Сахаров в своих воспоминаниях пишет: «Я думаю, что обстановка объекта, его “мононаправленность”, даже соседство лагеря и режимные “излишества” – в немалой степени психологически способствовали той поглощенности работой, которая была определяющей в жизни многих из нас. Мы видели себя в центре огромного дела, на которое направлены колоссальные средства, и видели, что это достигается людям, стране очень дорогой ценой»¹¹.

Эта вечная двойственность: лучшие условия – запрет на выезд, государственные премии – ссылки в лагерь, мировая слава – необходимость доказывать важность продолжения исследований – не могла не спровоцировать подспудное противоречие, возражение, желание противостоять. После испытания первой советской атомной бомбы Берия показал Игорю Курчатову список, в котором были указаны меры наказания для всех ученых, работавших в проекте, – от расстрела до лагерей, на случай, если испытание не удастся. Сколько инженеров и конструкторов работали в тюремных КБ? В реалиях советского времени своеобразным выражением протеста можно назвать тесное общение Театра на Таганке, самого авангардного театра страны конца 1960–1970-х годов, с Лабораторией ядерных исследований ОИЯИ (Объединенный институт ядерных исследований)¹². Сегодняшняя оппозиционность жителей наукоградов – это исторически сложившаяся традиция, маркер, отличающий сообщества городов с научным потенциалом. И если раньше это выражалось в организации концертов Высоцкого или одиночных правозащитных действиях, то сегодня это приобрело форму по-настоящему городских общественных движений.

Еще одна точка, формирующая идентичность жителя наукограда, – особое отношение к природе. Согласно городской легенде Жуковского, сам Туполев ходил на прием к Сталину и добился отмены вырубki соснового леса ради строительства ЛИИ имени Громова. Основатель СО РАН и новосибирского Академгородка М.А. Лаврентьев вместе с другими учеными в начале 1960-х годов предотвратил строительство Нижне-Обской ГЭС, которая могла негативно повлиять на экологию Сибири и затопить водой огромные территории с возможным наличием нефти и газа. В результате непримиримой позиции ученых при строительстве целлюлозно-бумажного комбината на Байкале были

поставлены самые эффективные для того времени очистные сооружения¹³.

Кому как не людям науки знать о том, насколько хрупка человеческая цивилизация, как неповторима Земля? Знаменитое Пагуошское движение ученых, зародившееся в 1955 г., выступает за мир и разоружение, энергетическую и экологическую безопасность, защиту прав и свобод человека, социальную ответственность научного сообщества. Его участниками были А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, советский физико-химик В. Гольданский, физик-теоретик М. Марков, специалист в области аэрогидродинамики и ученик А.Н. Колмогорова и Б.Н. Юрьева М. Миллионщиков и многие другие. Осознав всю силу сотворенных ими открытий и созданных орудий, именно они стали послами доброй воли. Мировая научная элита в ежегодных докладах для Римского клуба не раз привлекала внимание к глобальным экологическим проблемам. Ученые стали той движущей силой, благодаря которой сегодня в наукоградах ратуют за отдельный сбор мусора, за сохранение лесов, за очищение рек. Открыв для человечества новые угрозы и встав на его защиту, ученые всего мира запустили движения правозащитных и экологических организаций, которые сегодня мы можем наблюдать в наукоградах. «Где господствует дух науки, там творится великое малыми средствами», – сказал Н.И. Пирогов. Поэтому противостояние вырубке леса в Жуковском, Троицке, Кольцово, Академгородке, противостояние строительству стеклозавода в Обнинске, дважды зародившееся зеленое сообщество в Дубне и других наукоградах – это тоже традиция. Экологические движения – еще один маркер, отличающий сообщества наукоградов. Благодаря «научному потенциалу» они знают свои *«Пределы роста»*¹⁴.

¹ Сайт Жуковского народного совета. URL: freezhuk.org/o-nas (дата обращения 20.02.2015).

² Сайт Общественного движения «Активист» по защите прав населения. URL: od-activ.ru (дата обращения 20.02.2015).

³ Аккаунт журнал korolev_sos. URL: korolev-sos.livejournal.com/profile (дата обращения 20.02.2015).

⁴ Группа в социальной сети ВКонтакте: Голос Дзержинска. URL: vk.com/club31125916 (дата обращения 20.12.2015).

- ⁵ Агирречу А.А. Историко-географические особенности формирования наукоградов России: дисс. на соиск. учен. степ. канд. геогр. наук. МГУ им. Ломоносова. М., 2006.
- ⁶ Сайт Общественного фонда Академгородок. URL: www.academfond.org/?p=1 (дата обращения 20.02.2015).
- ⁷ НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.
- ⁸ Сайт научного кафе «Эврика!». URL: eureka.nsu.ru/science-cafe (дата обращения 20.02.2015).
- ⁹ Кафе-клуб «Под интегралом» – советский дискуссионный клуб, организованный в новосибирском Академгородке в начале 1960-х годов. Один из символов хрущевской оттепели.
- ¹⁰ Сайт сообщества БОБ / Раздел Идея. URL: bobninsk.ru/ideja.html (дата обращения 20.02.2015).
- ¹¹ Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. М.: Время, 2006.
- ¹² Высоцкий в Дубне. Разделенная любовь // Еженедельник «Дубна. Наука, содружество, прогресс». № 3 (4143).
- ¹³ Принципы М.А. Лаврентьева по организации науки и образования и их реализация в Сибири. URL: www-sbras.nsc.ru/HBC/2000/n47/f4.html (дата обращения 21.01.2015).
- ¹⁴ «Пределы роста» – доклад Римскому клубу, в котором представлены результаты моделирования роста человеческой популяции и истощения ресурсов. 1972 г.

*Н.С. Александрова
И.А. Миронова
Д.А. Самылина*

Неофициальная эпиграфика современного города как социально-политический и лингвистический феномен

Проблематика современной эпиграфики (надписи на фасадах зданий, заборах и других подобных объектах) актуальна в контексте изучения антропологии города, поскольку органично встраивается в исследование общего коммуникативного городского пространства. На основании авторства различают два типа городской эпиграфики: официальную (тексты наружной рекламы, вывески с названиями улиц, магазинов, учреждений, остановок общественного транспорта и др.) и неофициальную (надписи частного характера, граффити)¹.

Недолговечность неофициальных эпиграфических текстов, заложенная в технологии их создания, принципиальная неразрешенность (за нанесение подобных надписей предусмотрена административная ответственность) и положение на пересечении частного пространства с публичным, говорят о важности изучения этих текстовых источников для понимания актуальных лингвистических и социально-политических процессов внутри городской среды. Рукописные надписи на домах, заборах и прочих городских объектах являются лингвистическим и социально-политическим феноменом, отражающим реальные настроения горожан нестоличного города-миллионника, как правило, молодежи, а также особенности восприятия и осмысления повседневности. Граффити, как одно из важнейших проявлений неофициальной эпиграфики, давно находится в фокусе внимания антропологов и социологов². Изучение граффити ведется в русле проблематики молодежных субкультур, в контексте исследования городских пространств, политической антропологии города³. Помимо всего прочего, граффити также рассматриваются в качестве городского письменного фольклора⁴.

Цель представляемого исследования: проанализировать современную неофициальную городскую эпиграфику как лингвистический и социально-политический феномен.

Материалом для исследования послужили 107 надписей на фасадах зданий (фотографии) четырех районов Нижнего Новгорода.

Поскольку эпиграфические надписи существуют в городском пространстве, мы в первую очередь рассмотрели, насколько тесна их связь с местом написания. Мы судили о степени свободы эпиграфики, исходя из лингвистических фактов и принципиальности помещения надписи в тот или иной контекст. Лексическим маркером связности явились указательные местоименные наречия («здесь», «тут», «там»). С точки зрения семантико-прагматического синтаксиса они выражают пространственный дейксис, т.е. ориентированы на внеязыковую действительность. Например, «там пропадают».

Что касается тесных контекстуальных связей с пространством, мы обнаружили несколько видов несвободной эпиграфики. Один из них – адресные надписи, к которым мы отнесли признания в любви. Кроме того, существенную группу представляют надписи, взаимодействующие с другой надписью или иным объектом в ближайшем пространстве. К первому случаю относятся исправления рекламы, комментарии к предыдущим высказываниям, и здесь мы видим возникновение диалогической ситуации. Во второй группе находятся надписи, которые обосновывают себя местом расположения.

Иногда фиксируется сам факт написания: в надписи «я вандал» важен сам факт высказывания здесь и сейчас. В анализируемом материале оказались прочно связанными с контекстом 28 примеров эпиграфики. Таким образом, на наш взгляд, существует тенденция к вписыванию в среду и вступлению в диалог с предсозданным.

Иногда эпиграфика представляет собой сочетание текста и изображения и, соответственно, попадает под лингвистическое определение «креолизированный текст». «Креолизированными считаются тексты, фактура которых состоит из двух и более негомогенных частей вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»⁵.

В материале данного исследования надписи с изображениями и прочими визуальными знаками насчитывают 24 единицы. 11 надписей содержат типографские вербально-визуальные знаки: смайлы, стрелки и т.д. В пяти надписях присутствует символика (националистическая, анархистская), в трех имеет место исправление чужих, ранее нанесенных на стену изображений. В двух надписях принципиальной является графическая запись текста. Во всех этих надписях реализуется взаимосвязь вербального и иконического, присущая современной медийной коммуникации.

Значительную категорию в нашем материале составляют однословные надписи: 27 примеров. Примечательно, что такие надписи не образуют ансамбли, достаточно редко сопровождаются изображениями и слабо связаны с местом размещения. Наиболее многочисленны среди этой группы **номинативные** надписи, представленные именами существительными. Почти половина из них, в свою очередь, выражена отвлеченными именами существительными («рань», «лайф», «мрак», «вселенная», «сила», «сладость»), что позволяет предположить их функцию: выражение отвлеченных и непродолжительных эмоциональных состояний, манифестация значимых для автора понятий и ценностей.

По содержанию надписи, выраженные отвлеченными именами существительными, можно соотнести с некоторыми другими, более сложными **фразовыми** надписями. В таком случае эта содержательная группа будет насчитывать 30 эпиграфических единиц, 27% всего материала. Смысловое поле выделенной категории – экзистенциальное. Примеры фразовых надписей экзистенциального характера: «очень увлекательно», «менее трогательно», «из ошибок рождаются идеи», «космос близко», «месяц очарователен», «why so alone?», «я это не ты», «мы истошно живые». Неодносложные фразовые надписи отличаются афористичностью, иногда являются цитатами («Не спи, не спи, художник! / Не предавайся сну! / Ты вечности заложник / у времени в плену» – строки из стихотворения «Ночь» Бориса Пастернака). Особенности формы и содержания данной группы эпиграфики позволяют предположить, что функция фразовых экзистенциальных надписей – сообщение разнообразного (эмоционального, событийного, рефлексивного) опыта, как собственного, так и чужого (цитирование), присвоенного посредством помещения цитаты в другой пространственный контекст.

В отдельную группу выделяются объекты, обозначаемые нами как «**я-надписи**». В этих текстах обязательно присутствует местоимение и/или глагол в форме первого лица единственного числа. В составе собранных текстов насчитывается 18 я-надписей. Такие высказывания можно разделить на несколько видов в соответствии со следующими функциями:

а) выражение самоидентификации (через характерное свойство или действие, через отношение к другому): «я крут», «я вандал», «думаю сам», «кто я, но не ты я тот кто делает Русь», «я это не ты».

б) признание в чувствах: «я тебя люблю», «люблю кота».

в) отражение состояний: «жив», «созерцаю».

В отдельную группу выделяются **надписи с использованием имен собственных**. В этих надписях встречаются имена политиков, деятелей культуры, местных бизнесменов, а также предполагаемых друзей, знакомых и родственников субъекта высказывания.

Как правило, присутствие имен собственных в надписях свидетельствует о намерении конкретизировать адресата сообщения или упомянутых лиц с целью избежать недопонимания и повысить эффективность коммуникации. Примеры: «Бунятян, верни долг!», «Шишкина здесь не живет», «Bingo Boom – лохотрон».

Употребление имени известного всем политика свидетельствует о претензии на общезначимость и понятность высказывания жителям города или даже гражданам страны в целом. Примеры: «Ш... урод и не наш, а С... – наш и урод», «Булавинов, выполни свое распоряжение!».

В отличие от высказываний экзистенциального характера, политические надписи возможно более или менее четко подразделить на несколько ключевых тематических категорий.

Выделяются высказывания:

а) относительно социальных проблем (жкх, здравоохранение). Примеры: «не бухай убудюдок», «хватит бухать», «брось пить», «свалку уберите жек! – дыру в подвале для кошек делайте ... не нарушайте жилищный кодекс не причиняйте ущерб дому № 28 – будете отвечать», «у нас есть только право на жильё?», «дай жильё! мы люди, а не крысы», «аборт – убийство».

б) посвященные отечеству (чаще патриотического характера). Примеры: «когда я вырасту я хочу быть патриотом это начинается с изучения русской литературы» (другие варианты окончания надписей: «с изучения русской культуры», «с изучения русской истории»), «#покупайотечественное», «кто я, но не ты я тот кто делает Русь».

в) о политиках (обращения, оскорбления, обвинения в нечестной деятельности): «Спасибо учителям за досрочное голосование! Шанцев».

г) объявления о предстоящих политических событиях: «31 число 18:00 площадь Свободы», «Москва выборы 2013», «Протестуй! 10 декабря 15:00 avtonom.org»

д) лозунги конкретных политических сил (анархисты, либертарные коммунисты, национал-социалисты, «Стратегия-31»). Примеры: «Смерть

коммуне!», «Ломай систему!», «Viva la revolucion!», «A.C.A.B. all cops are bastards».

е) рефлексивного характера о социальной действительности: «всё капиталистически верно».

Политические надписи могут отражать как индивидуальную позицию автора высказывания, так и транслировать идеологию группы, к которой он (она) принадлежит. В целом политические надписи составляют 37 единиц исследовательского материала, т.е. 34%.

Для того чтобы понять, каким образом эпиграфические надписи формируют ситуацию диалога с читателем, требуется проанализировать их с точки зрения коммуникативного синтаксиса. Надписи в данном случае рассматриваются как высказывания, которые можно классифицировать по коммуникативной цели. Так, все высказывания делятся на вопросительные и невопросительные, последние – на повествовательные и побудительные. Наибольший интерес для исследования представляют вопросительные и побудительные высказывания.

Из 107 примеров эпиграфики 6 высказываний относятся к **вопросительным** («слышишь?», «что такое бонг?», «есть бомбилы?», «стоит ли сознание того, чтобы в него приходить?», «why so alone?», «brainless? – no stress!»). Конкретные адресаты не указаны, в одном случае дан ответ. Неопределенная адресация говорит о том, что вопрос обращен к любому потенциальному участнику коммуникации.

Побудительные высказывания в основном содержат глагольные формы повелительного наклонения и инфинитив в императивной функции. Таких высказываний 13. Примеры: «убрать», «страдай», «Будь безупречен в своих желаниях», «Протестуй! 10 декабря 15:00», «Бунтян вор верни долг!», «Дядя дай нам квартиру!».

Присутствуют также надписи, в которых побуждение выражено только лексически («необходимо не декларировать, а внутренне, неотступно верить в сказку и не столько воображать, сколько воплощать собой живую») или безглагольной конструкцией («смерть коммуне»). Особые случаи представляют собой цитирование последнего четверостишия стихотворения «Ночь» Б.Л. Пастернака и высказывание на английском языке «don't blink» Таким образом, побуждение семантически присутствует в 17 надписях.

Безусловно, все лингвистические особенности объектов эпиграфики не следует рассматривать в отрыве от социально-политической жизни города. Исходя из количества надписей на центральных улицах

(которые составили большую часть нашего исследовательского материала), Нижний Новгород можно отнести к той категории городов, в которых официальный и коммерческий (рекламный) дискурсы еще далеки от того, чтобы окончательно вытеснить тексты неформального характера на задворки и окраины.

Этому отчасти способствует обширная историческая застройка городского центра (большой процент ветхого фонда, аварийных, разрушенных строений, неухоженность дворовых территорий), отчасти – недоверие жителей к представителям местной власти. Эпиграфика часто содержит инвективы, нецензурные выражения в адрес конкретных должностных лиц. Иногда такие тексты становятся информационными событиями в местной прессе.

Часто эпиграфические надписи размещаются непосредственно в очаге социальной проблемы. Судьба этих текстов вступает в противоречие с ключевой особенностью неформальной эпиграфики – ее недолговечностью. Надписи, своим присутствием акцентирующие внимание на конкретной проблеме, зачастую «живут» столько же, сколько и сама проблема.

Так, неформальная эпиграфика на улицах Нижнего Новгорода становится инструментом протеста против коррупции и бесхозяйственности, борьбы горожан за рациональное распределение городского бюджета и решение проблем в социальной сфере.

Исходя из проведенного анализа собранного материала, можно сделать следующие выводы.

Большая часть объектов эпиграфики представлена фразовыми надписями, которые состоят из нескольких слов и представляют собой развернутые высказывания. Это может объясняться тем, что надписи в основном ориентированы на коммуникацию, отклик, либо претендуют на афористичность, завершенность суждения.

С точки зрения коммуникативного синтаксиса наибольший процент составляют надписи повествовательные, констатирующие факт, фиксирующие мгновенные переживания, попытки самоидентификации или статичное состояние дел (особенно в социальной сфере). Вопросительные надписи, как правило, посвящены экзистенциальной теме и гораздо реже – бытовой, и не имеют определенного адресата. Побудительные высказывания чаще имеют социально-политическую природу.

В тематическом плане среди эпиграфических текстов преобладают высказывания политического и экзистенциального характера. Это го-

ворит о том, что надпись на стене для горожанина приволжской столицы – это возможность высказать свою гражданскую и политическую позицию, обратить внимание на социальные проблемы, выразить эмоциональное состояние и продемонстрировать взгляды на жизнь. В отдельных случаях эпиграфика также представляет собой продукты сознательного письменного творчества.

В сфере политической жизни авторов эпиграфических текстов интересует следующий круг тем: проблемы в социальной сфере (в первую очередь жилищные), коррумпированность муниципальных и региональных властей, политические события (митинги, шествия), патриотическое воспитание, идеологические программы радикальных движений, осмысление общественно-политической жизни России в целом. Неформальная эпиграфика позволяет «звучать» голосам маргинальных групп: представителей радикальных политических движений, вытесненных из состава официальных властных институций, «трудным» подросткам, малообеспеченным жителям аварийных построек, активистам неофициальных патриотических и религиозных объединений.

Тот факт, что четверть собранных эпиграфических надписей являются несвободными, тесно связанными с контекстом размещения, позволяет предположить повышенный уровень внимательности горожан к городскому пространству, к маркированию «особого места» по Дж. Урри. Это внимание порождает попытки осмыслить и переосмыслить элементы городской среды: ее архитектурный облик, особенности благоустройства, уличные вербальные и визуальные тексты различного характера: от властных предписаний и рекламы до других объектов эпиграфики.

¹ Шмелева Т.В. Городская среда // Неклассические письменные практики современности / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2012. С. 47–51.

² Чистякова М.Г. Измени пространство – измени жизнь. Социально-антропологические контексты стрит-арта // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2013. Вып. 10. С. 168–173; Мусеева Е.В. Граффити провинциального города (коммуникативный подход) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов, 2014. Вып. 1. С. 41–46.

³ Абдулова И.Т. Политическое граффити Иркутска // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. С. 202–206; Руденко В.Н. Политическое граффити // Социологические исследования.

1997. Вып. 10. С. 50–55; *Абрамов Р.Н.* Политические граффити в России 1990-х гг.: Опыт ретроспективного анализа // Вестник Удмуртского Университета. Ижевск, 2013. Вып. 4. С. 25–33; *Шмелёва В.В.* Динамика субкультуры граффити в современной России: автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: МГУКИ, 2010. 24 с.
- ⁴ *Бажкова Е.В., Лурье М.А., Шумов К.Э.* Городские граффити // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 430–449.
- ⁵ *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181.

Как в Парке Горького? Ориентиры развития ЦПКиО Свердловска/Екатеринбурга

Трансформация городских парков выступает одним из важных направлений работы с публичными пространствами города, и Екатеринбург не остался в стороне от этого тренда. В конце 2013 г. муниципалитет озвучил намерение вкладывать организационные, интеллектуальные, финансовые ресурсы в благоустройство и развитие центрального городского парка. Создание новой концепции ЦПКиО планировалось основывать как на результатах культурно-исторического исследования парка, так и на анализе успешных проектов реконструкции крупных городских парков отдыха. Для чиновников одним из основных ориентиров выступал московский Парк Горького. Проведя по запросу администрации¹ обзор культурных практик, которые реализовывались в центральном парке Екатеринбурга в разные периоды его истории, мы обнаружили – принцип «Как в Парке Горького», озвучиваемый чиновниками сегодня, коррелирует с тенденцией создания центральных парков в крупных советских городах конца 1920 – начала 1930-х годов. Однако какое содержательное наполнение имела отсылка к столичному Парку Горького для только создающегося ЦПКиО Свердловска и требующего реконструкции ЦПКиО Екатеринбурга?

Обозревая первые годы работы парка, мы стремимся показать, как общесоюзная логика создания городских центральных парков реализовалась в Свердловске. Учитывая озвучиваемые сегодня планы реконструкции парка, мы также ставим вопрос о соотношении стратегической позиции местной администрации с концепцией ЦПКиО им. Горького в Москве.

Анализируя советскую прессу, сохранившиеся методические рекомендации по организации паркового досуга и архивные документы, мы концентрировали внимание на культурных практиках, предлагаемых горожанам в 1930-х годах. История Свердловского ЦПКиО в целом, и особенно время его возникновения практически не изучены. Обращаясь ко времени проектирования и открытия парка, мы вписываем его историю, с одной стороны, в контекст развития других городских пар-

ков (незадолго до революции и сразу после нее)², с другой стороны – в контекст создания крупных центральных парков в городах Союза.

Летом 1928 г. редакция газеты «На смену!» провела «Смотр свердловских садов» – в публикациях сохранился уникальный материал о реализуемых там культурных практиках. Если смотреть на планы работы и перечни проводимых мероприятий, в парках города все обстоит благополучно: например, в саду Уралпрофсовета две недели выступает цирковая труппа с балетными номерами, акробатами, жонглерами, клоунами, а после организуются гастроли оперного баритона и выступления вокального квартета³. Но за рамками планов и отчетов обнаруживаются повседневные сложности. В саду им. Томского журналисты застали буржуазную картину: «Буфет победил. К нему, наиболее значимому и видному во всем саду, на призывный стук бильярда тянутся человеческие души с билетом профсоюза коммунальников»⁴. В саду «Серп и Молот» на Верх-Исетском заводе управление и руководителей кружков сместили за злоупотребление алкоголем. В книге предложений рабочие пишут, что «В сад “Серп и Молот” ходят только из-за выпивки»⁵. В саду им. Подбельского плохо поставлена культурная работа, не работают кружки и не играет духовой оркестр⁶.

Подводя итоги «смotra садов», свердловские журналисты особенно подчеркивают нехватку интересных публике мероприятий: «Главный недостаток работы садов, выявившийся в процессе смotra, – слабая постановка массовой работы. Отсутствие актива из посетителей сада, совершенная беспомощность по части экскурсий, лекций, бесед... Тенденция к сведению всей массовой работы к читальне и шахматам... Полнейшее отсутствие работы с молодежью и детьми во всех садах, кроме сада Уралпрофсовета... В садах молодежь предоставлена самой себе... отсюда – хулиганство, “пивные стремления”. В деле культурного обслуживания посетителя большинство садов ограничивается читальней или небольшой площадкой для крокета»⁷.

Критика культурной жизни свердловских парков журналистами газеты «На смену!» совпадает по времени с подготовкой открытия Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве. Его проект поставил вопрос относительно сущности и назначения советской парковой культуры. Полемика сконцентрировалась вокруг выбора: «парк *отдыха* и культуры» или «парк *культуры* и отдыха». В итоге победил второй подход (его поддерживал нарком просвещения

А.В. Луначарский), что определило логику развития парков в стране на десятилетия вперед⁸.

В течение первой пятилетки в СССР было создано свыше 60-ти крупных парков культуры и отдыха⁹. На XVII съезде ВКП(б) важной задачей второй пятилетки провозглашалось «развертывание работ по превращению сотен промышленных центров в благоустроенные города: строительство... парков культуры и отдыха, театров, клубов, кино-театров»¹⁰. Парки представляли как «крупные комбинаты оздоровительной работы, развлечений и политико-просветительной деятельности»¹¹. Смысловая нагрузка парковой культуры была закреплена в проектах развития московского и ленинградского центральных парков. Отвлекая от городских условий жизни, они должны были «сочетать свою широчайшую массовую культурно-политическую деятельность с задачами физического оздоровления тысяч посетителей»¹². Среди задач парков указывалось: теоретическое и практическое освоение науки и техники средствами технической пропаганды; укрепление обороноспособности СССР (развертывание Осоавиахимовской и физкультурной работы); создание плацдарма «для проведения всех хозяйственно-политических и культурно-общественных кампаний, мобилизующих массы на выполнение директив партии и правительства»¹³; агитационно-пропагандистская работа, проясняющая «вопросы социалистического строительства СССР, вопросы международной классовой борьбы пролетариата»¹⁴. В целом, проектировщики определяли парки как «*сложные, высокоорганизованные культурно-политические комбинаты*»¹⁵.

Создание ЦПКиО в Свердловске – органичная часть советской политики того времени в области культуры. До начала тридцатых годов в городе существовало около десятка парков (парки при заводах, при клубах, районные парки), и ни один из них официально не являлся главным. Новый же парк устанавливал иерархию паркового хозяйства города, занимая ее вершину. В конце 1931 г. было принято постановление «Об отчуждении от поселка Уктус территории лесов для расчистки под ПКЮ». Весной 1932 г. в газетах «Уральский рабочий» и «На смену!» появились публикации о строительстве «Парка 15-летия Уральского комсомола».

Авторы проекта парка В.Д. Соколов и А.М. Дукельский создали концепцию пространства для массового отдыха, не имеющего по своим размерам аналогов на Урале. Как один из наиболее показательных, их

проект был опубликован в журнале «Архитектура СССР». Основой планировки парка «стал принцип разделения на тематические сектора, в решении которых элементы планировки, павильоны, беседки, аттракционы, спроектированные в стиливых формах конструктивизма, удачно сочетались с живописными формами озеленения и ландшафта»¹⁶.

Парк открылся для посетителей 18 июня 1933 г.¹⁷ «На открытии присутствовало 20 тысяч человек. В парке работала лодочная станция, читальни. Организованы игры, танцы. Гуляющие обслуживались столовой»¹⁸. В этот день была представлена программа, определившая лицо парка на ближайшее время: танцы под баян, пение большого импровизированного хора, катание на лодках к островам или к другому берегу пруда, чтение свежих газет в тени «грибов». Этим исчерпывалось предложение парка посетителям, что не обошла критикой пресса: «трудящиеся Свердловска, отметив открытие парка культуры и отдыха как большее достижение Свердловска, в своих выступлениях дельно высекли бюрократов и безруких работников, виновных во всех этих неполадках»¹⁹. «Уральский рабочий» считает, что профсоюзные организации «недооценили значения парка культуры и отдыха в жизни трудящихся Свердловска и ошиблись в своем гнилом расчете, что в парк никто не пойдет»²⁰. Обозначенный в проекте В.Д. Соколова и А.М. Дукельского прорыв к идее высокоорганизованного пространства, нагруженного сложными культурными функциями, пространства, формирующего нового советского субъекта, обернулся воспроизводством привычных для горожан форм паркового досуга на новой территории.

Свердловский ЦПКиО проектировался как эталонный парк всего Урала, его называли «центральной для всего большого Свердловска и одновременно показательным парком Уральской области»²¹. Свердловск как административный центр огромной Уральской области (ей примерно соответствуют взятые вместе территории нынешних Свердловской, Тюменской, Челябинской, Курганской областей, Пермского края, ХМАО и ЯМАО) наращивал темпы городского строительства и обретал столичный облик. Создание, вслед за Москвой, Центрального парка культуры и отдыха выступало органичной составляющей этого развития.

17 января 1934 г. Уральская область была ликвидирована – политика централизации не допускала усиления региональных центров. Сократилось финансирование города, что вызвало или сворачивание

строительства многих «столичных» объектов, или удешевление этих проектов. Другая проблема заключалась в том, что свердловский ЦПКиО строится в переломный для советской архитектуры период: в 1934 г. происходит поворот от авангардной конструктивистской архитектуры к неоклассике²². Таким образом, свердловский ЦПКиО оказался проектом, созданным для несуществующей административной единицы (Уральская область) и выполненным в потерявшем актуальность архитектурном стиле (конструктивизм).

В этих условиях летом 1934 г. парк мог похвастаться перед посетителями только тем, что не требовало значительных финансовых вливаний: солнцем, чистым воздухом, соснами, прудом, танцевальной верандой и тремя аттракционами. Большая часть парка не функционировала по предполагаемому плану. Администрация старалась компенсировать посетителям отсутствие площадок для культурных мероприятий. К примеру, был организован палаточный лагерь: «Каждый трудящийся, явившись в лагерь накануне выходного дня, может здесь переночевать, провести свободный день в парке и остаться на ночевку до утра после выходного дня. Он получит койку с бельем, обед и ужин в столовой»²³. Также в ЦПКиО можно было покататься на лодке, послушать артистов и самодеятельные коллективы, посетить «буфеты и ларьки с закуской и прохладительными напитками»²⁴. Однако журналисты подсчитали, что на одного посетителя пришлось одна тысячная часть лодки, на каждые 10.000 посетителей – один аттракцион²⁵. Парк, очевидно, не справлялся с возложенными на него задачами по обеспечению культурной, мобилизационной, общественной работы.

В 1935 г. в парке впервые был проведен праздник «Сабантуй», что станет традицией на десятилетия вперед²⁶. В 1936 г. была построена деревянная центральная арка входа, открыты кинотеатр и летний цирк. Но сложная инфраструктура парка, заложенная в его первоначальный проект, так и не была реализована. Архитекторы создавали план развертывания всей возложенной на новые «культурно-политические комбинаты» работы, предлагая тематически разделить пространство парка: «сектор работы с детьми», «митинговая площадь», «сектор выставок», «поле массовых действ», «зрелищное ядро парка» – театр, музыкальная эстрада, кино, «крупная база работы на воде», «база самодеятельности и питомник», территория под тихий отдых, пространство физкультуры и оборонной работы²⁷. Первые годы работы свердловского ЦПКиО показали, что с обеспечением отдыха на природе он

справлялся более эффективно, чем с обеспечением разнообразной культурно-просветительской, политической, образовательной жизни горожан. Было ли это вызвано только незавершенностью строительных работ или также недостатком квалифицированных сотрудников парка, методического обеспечения их труда – вопрос, который еще надлежит изучать.

Организация массовых празднеств, спортивных мероприятий, кинопоказов, танцев, эстрадных и цирковых выступлений, условий для отдыха на природе – работа, которая, по мнению чиновников, является весьма актуальной для парка и сегодня. Равнение на Московский Парк Горького делает еще более отчетливой параллель создания ЦПКиО в Свердловске с современной ситуацией его подготовки к реконструкции. В отличие от 1930-х, летом 2013 г. в официальном запросе нет требования проводить мероприятия, способствующие укреплению обороноспособности страны, обнаруживается попытка вести разговор о свободном творчестве в городской среде. Однако как только речь заходит о конкретных примерах культурных практик, приемлемых для парка, чиновники воспроизводят образы восьмидесятилетней давности: парк «с небольшим количеством аттракционов, пространством для клубной деятельности, танцевальной площадкой, и, конечно, пространствами для игр детей»²⁸. Эти формулировки разительно отличаются от тех, которые используются руководством столичного Парка Горького и его PR-службой.

Пункты правил посещения Парка Горького в совокупности формируют представление об особом стиле городской жизни, включающем разнообразие активностей, свободу передвижения и получения знаний, аккуратность и взаимоуважение, бережные контакты с природой, технологически обустроенную среду, легкую ироничность и ненавязчивую публичность²⁹. Экс-директор мосгорпарка Михаил Алехин приводит перечень базовых для парка локаций: «площадка для игры в пинг-понг, детская площадка, воркаут, сцена, танцевальная площадка»³⁰. Экс-директор мосгорпарка Наталья Галкина подчеркивает: «Парк... должен стать современным общественным пространством, где будет комфортно всем. Сами жители могут и должны стать полноправными участниками многих изменений и новых активностей в парках, создавать разнообразные сообщества (любителей велосипедов, бега, танцев, йоги, пения, поэзии и просто спокойных прогулок)»³¹.

Московские чиновники нагружают парк новым содержанием, которое помогает создать открытые, творческие, комфортные, ежедневно привлекательные пространства. Эта логика позволяет разделить с неформальными сообществами, бизнесом, посетителями задачу наполнения парка разнообразными активностями, но требует от управленцев новых компетенций. На сегодняшний день равнение на столичный Парк Горького, озвучиваемое управлением культуры Екатеринбурга, является скорее попыткой копировать стиль, подход к оформлению пространства, чем стремлением реализовать аналогичную по содержанию программу развития.

В тридцатых годах прошлого века концепция свердловского ЦПКиО во многом ориентировалась на общие для всего Союза принципы паркового развития, но первые годы работы парка не продемонстрировали воплощения этой концепции. На сегодняшний день, в связи с отсутствием опубликованной стратегии развития парка, нельзя говорить о соответствии плана и его реализации, но можно отметить значительный разрыв между существующими практиками³² и принципами, по которым организована работа московского Парка Горького, чей образ кажется столь привлекательным местной администрации.

¹ Пилотный исследовательский проект «ЦПКиО им. В.В. Маяковского: культурное производство открытых городских пространств» реализован в ноябре 2013 г.

² Благодарим М. Воробьеву, исследовавшую историю парков дореволюционного Екатеринбурга.

³ Что нового в садах // На смену! 26.06.1928. С. 4.

⁴ Обсуждаем работу сада коммунальников им. Томского // На смену! 01.07.1928. С. 4.

⁵ Работу ВИЗ'овского сада – на обсуждение масс // На смену! 04.07.1928. С. 4.

⁶ Сад им. Подбельского // На смену! 07.07.1928. С. 4.

⁷ Что выявил наш смотр? // На смену! 10.08.1928. С. 4.

⁸ Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012. С. 95.

⁹ Аранович Д. Планировка и архитектура парка культуры и отдыха // Архитектура СССР. 1934. № 5. С. 30.

¹⁰ Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова. Л., 1934. С. 10.

¹¹ Лунц Л. Парки культуры и отдыха городов-новостроек // Архитектура СССР. 1934. № 5. С. 20.

¹² Центральный парк ... С. 24.

- ¹³ Центральный парк культуры и отдыха в Ленинграде. Материалы к составлению генерального плана. Л., 1933. С. 7.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ Екатеринбург. Наследие конструктивизма / науч. ред. А.А. Стариков, отв. ред. Е.В. Штубова. Екатеринбург, 2009. С. 36.
- ¹⁷ В 10 часов – открытие парка культуры и отдыха // Уральский рабочий. 18.06.1933. С. 4. Существует версия, что парк был открыт в мае 1933 г. и тогда же получил имя В.В. Маяковского (приурочено к 40-летию поэта и 5-летию посещения им города) – см.: Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 640. Однако свердловские журналисты 1933–1934 гг. не называют парк именем В.В. Маяковского.
- ¹⁸ 20 тысяч трудящихся Свердловска – на открытии парка культуры и отдыха // Уральский рабочий. 20.06.1933. С. 4.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Лунц Л. Парки культуры и отдыха городов-новостроек // Архитектура СССР. 1934. № 5. С. 27.
- ²² В 1934 г. в Москве строится дом архитектора И.В. Жолтовского на Моховой, названный «гвоздем в гроб конструктивизма». См.: Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 29–36.
- ²³ Палаточный город // Уральский рабочий. 12.07.1934. С. 7.
- ²⁴ Парк ждет гостей // На смену. 06.06.1934. С. 4.
- ²⁵ Это – парк? // Уральский рабочий. 08.07.1934. С. 7.
- ²⁶ Александрова В. Зеленый цех отдыха // Вечерний Свердловск. 10.12.1983. С. 1.
- ²⁷ Лунц Л. Указ. соч. С. 27.
- ²⁸ Формулировка из проекта концепции развития ЕЦПКиО им. В.В. Маяковского, разработанного специалистами Управления культуры Екатеринбурга. Авторство текста установить не удалось.
- ²⁹ См.: Правила посещения Парка Горького. Дополненные и улучшенные. URL: <http://www.park-gorkogo.com/about/rules.phtml> (дата обращения 25.02.2015).
- ³⁰ Директор Мосгорпарка: «Мы распределяем почти 5 миллиардов в год» // TheVillage. URL: http://www.the-village.ru/village/city/public-space/126639-mosgorpark?utm_source=feed&utm_medium=posts&utm_content=link (дата обращения 25.02.2015).
- ³¹ Исследование городской культуры: Наталья Галкина о новом потенциале парковых зон Воронежа // Downtown. URL: <http://downtown.ru/voronezh/city/4841> (дата обращения 25.02.2015).
- ³² См.: список событий, составленный командой С. Мурунова. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1kkHftl6g9yxjd9DEX93UrTMztXCLrzVM81t-lvh2dWU/edit?pli=1&gid=0> (дата обращения 25.02.2015).

**«Пятьдесят оттенков Тойоты»:
жизнь машины в алтайском городе***

В этой статье я обращаюсь к популярному для современной социальной антропологии сюжету: значению технологических новаций в сообществах коренных народов. На полевом материале, собранном мною в экспедициях 2011–2014 гг. среди алтайцев¹ в Республике Алтай, будут показаны некоторые специфические аспекты их восприятия и практик относительно автомобилей, современных бытовых приборов и электронных гаджетов. Помимо традиционных культурных моделей большую роль в этих сюжетах играет городское пространство.

До 1990-х годов алтайцы были преимущественно сельскими жителями, занятыми в сфере скотоводства, охоты, мараловодства, заготовки кедрового ореха и леса. Единственный город автономной области (с 1990 г. – Республики), ее столица г. Горно-Алтайск, был по языку и культуре преимущественно русским. Городская национальная интеллигенция в советское время состояла в основном из значительно обрусевших представителей «северных алтайцев». С конца 1980-х годов возрастает приток в столицу алтайцев и теленгитов из южных районов Республики: город оживает алтайской речью и постепенно окружается «кольцами» застройки сельского типа. Сезонные, ресурсные и людские, потоки между городом и деревней становятся более значимыми и интенсивными, а городской образ жизни – престижным. Среди основных его ценностей в 1990-е годы: наличие городского жилья, «крутого» автомобиля, возможность обеспечить детей городским (средним, профессиональным, высшим) образованием, построить свой бизнес в финансовые потоки, идущие через город.

Как будет подробно показано ниже, автомобиль не явился чуждой инновацией для алтайцев: благодаря переносу на него традиционной модели отношений кочевника и коня² он стал популярен, прежде всего, в сельской местности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «(Нео)религиозная составляющая культурной идентичности малочисленных народов Российского Севера и Сибири» (проект № 13-01-00276).

«Для нас, алтайцев, как для тюркских народов, машина как конь. Вот поэтому и машина – у нас такой, он у нас в крови. Машину выбираем – как бы под седло делаем, понимаешь? Это и здесь должно играть: крепкость, долготы и долговечность, можно сказать», – рассказывает алтайский шаман³.

И если в европейской части России в советское время автомобиль был показателем обеспеченности, статусности, и купить его было, даже при наличии денег, непросто, то на Алтае, по словам моих информантов, в 1980-е годы не только колхозных, но и личных машин было много: *«У нас личных машин на душу населения было гораздо больше, чем по Советскому Союзу. Поскольку разводили коз, и пух очень хорошо ценился, тогда и покупали во дворах. В девяносто первом году считали с нашей Республики степные, там кемеровские, очень много машин. Когда развал Союза был, и когда дефицит был машин, тогда очень много покупали у нас на Алтае. Советские, конечно, машины. Тогда же не было других. Алтаец считал **престижем**, чтобы у него была машина. А так как я был безотцовщиной, у меня не было машины. И по отношению там к другим ребятам, у которых отцы все с машиной, я все равно чувствовал себя более там, скажем, **ущербным**»⁴.*

Именно престиж автомобиля, подобно престижу обладания породистым конем, является главной и предпочтительной моделью при покупке машины городскими алтайцами. Если для сельского алтайца машина – «по-прежнему *јемир ат* – ‘железный конь’ (алт.), и там до сих пор можно увидеть, как приехавший гость пытается припарковаться именно около *чакы* – ‘коновязи’ (алт.), то в городе машина – индивидуальность и самовыражение владельца, ее тюнингуют и т.д.»⁵.

Алтайский бизнесмен, представитель городской интеллигенции и неформальный национальный лидер с 1990-х годов так вспоминает свою «автомобильную юность»: *«Вот моя первая машина – я вообще не имел прав, год ездил без прав, я вынужден был сесть на коня, на своего “железного коня”, так как нужно было передвигаться очень много, и я не умел ездить. Первая машина у меня была “Нива”, новая “Нива”, и я ее сразу стукнул⁶. В девяносто первом, девяносто втором году. Потом вторую машину, была у меня “Опель”, сразу я купил. Потому что брат купил “Тойоту”, и когда я увидел разницу между советской машиной и импортной, я себе купил “Опеля” маленького. Ну, на “Опеле” я месяц–два ездил, и я понял, когда многие блатные*

русские ребята ездят на “Крузаках”. Ни у одного алтайца такой машины не было, ну, у частного человека. У директоров совхозов были машины. И я понимал, что такое вообще символ. И для того, чтобы дух алтайцев поднять, а тогда же нас в Горно-Алтайске мало было, алтайцев, это сейчас расплодилось очень много. И я для себя поставил задачу. И второй сын мне сказал: – Давай купим большую “Волгу”! Ну, он “Крузак” увидел и говорит – это большая “Волга”. И я купил первую среди алтайцев машину “Крузак”. И это был вопрос престижа»⁷.

В 1990-е годы алтайской молодежи, осваивавшей столицу своей Республики, было важно продемонстрировать весомость своих притязаний на участие в политической и экономической жизни своего региона. Так «Land Cruiser», как и «Toyota» вообще, становится своеобразным символом в рождении нового поколения городской национальной интеллигенции.

Именно «Тойоте» было суждено стать «самой алтайской машиной», постоянный высокий спрос на эту автомарку мой информант остроумно назвал «50 оттенков Тойоты». И в деревне, и в городе (с горными дорогами на его окраинах) «Тойота – панацея для всех дорог»⁸. Наибольшей популярностью сейчас пользуются поддержанные «вздовые»⁹ «машины прошлого века» (1997–1999 и начала 2000-х годов), которые, как правило, попадают в Сибирь из Японии.

Несколько раз я был свидетелем того, как молодые алтайцы в течение нескольких дней присматривали и выбирали себе машину. Покупают в кредит или за наличные. Купленным автомобилем владеют в среднем 1,5–2 года, потом его перепродают, поэтому к своему тридцатилетию алтайский автолюбитель может сменить более пяти машин. Покупать могут ездить в другие города (Бийск, Барнаул, Новосибирск), обязательно предварительно изучив предложения на двух популярных автомобильных порталах: www.drom.ru и в автомобильном разделе www.irr.ru («Из рук в руки»). Совсем недавно на «дроме» отдельными разделами стали представлены и центры автоторговли сельского Алтая – такие райцентры как Усть-Кан, Кош-Агач и пр.

Лучше всего, согласно рассказам и опыту моих информантов, покупать машину в Горно-Алтайске, поскольку покупательская способность в Республике ниже, чем в более северных «русских областях», и цены невысокие. Здесь, опять же через «дром», машина ищется и покупается на авторынке или с рук. В других городах, особенно в Новосибирске,

цены, как правило, выше, но выбор больше. Этот большой выбор позволяет иногда найти дешевые машины: *«Если у тебя мало денег (140–150 тыс. руб.), а хочется получше что-то, иномарку, то только в Новосибирске найдешь, если кто-то резко продает свою машину»*¹⁰.

Для поиска таких предложений покупатель постоянно просматривает указанные сайты. Однако просмотром сайтов и поездкой по городам покупка не ограничивается, алтаец обязательно должен обратиться к *неме билер киж* – шаману или иному ‘знающему человеку’ (алт.).

Покупка машины, как и, например, городской квартиры является столь серьезным мероприятием, что совсем неззорным считается воспользоваться услугами нескольких магических специалистов.

*«Когда совершаешь покупку, думаешь обо всем. К тому же и село постепенно переезжает в город. Поэтому перед покупкой алтайцы идут и в городе к **неме билер киж**»*¹¹.

Поскольку Республика Алтай является полиэтничным и поликонфессиональным регионом, зачастую обращаются к таким специалистам другой этнической принадлежности и/или веры. Так, например, на вопрос друзей «зачем ты ездил и к *неме билер киж*, и к русской “бабке?”» покупатель пояснил свою поездку к знахарке тем, что *«и машина же покупается в Алтайском крае, а поэтому нужно договориться и с духами русской земли»*. Поэтому в русском селе Солонешное Алтайского края алтаец получил русский «заговор на удачную покупку», а от *неме билер киж* – особый листочек с держащейся в секрете записью, который нужно было носить с собой во время покупки¹².

В другом случае при покупке молодым человеком дорогой спортивной машины с мощной турбиной, шаманка «смотрела» по *арчыну*¹³, а также он посетил дьяка в православной церкви. Когда на вторую неделю после ритуалов и покупки машина все-таки попала в аварию, ее хозяин посетовал: *«Надо было одной верой эту машину закрепить!»*¹⁴.

Кроме *арчына* и традиционных ритуальных подношений к алтайскому «знающему человеку» будущий покупатель приходит с планшетом, смартфоном или ноутбуком, в которые «загружены» фотографии выставленных на продажу автомобилей. С помощью гаджета шаман уточняет свою рекомендацию. Если интернет в этой местности не ловит, предварительно делают фотографии или распечатки с сайта.

«Прежде, чем купить машину, например, делается так: цифровая фотография этой машины загружается в телефон, либо же в но-

утбук. Все это привозится, и, среди этих машин, вот количества, показывается **неме билер киж**. И она говорит про каждую машину: подходит ли она человеку? Она говорит, что каждая машина имеет, ну, свою судьбу, и, скажем, не каждый человек может ездить на каждой машине»¹⁵.

Прежде всего, магический специалист должен определить, какая масть, какой размер и какой характер «железного коня» подходит пришедшему к нему человеку, это главное: «У нас сестра, в Мариинске живет, **неме билер киж**. Туда надо съездить, если другую машину покупать. Или сказать: «Вот, я покупаю машину». А она скажет, какого цвета: белого или другого цвета. Так надо. Все просто так не бывает. Она все сидит и смотрит, какой цвет подходит»¹⁶. «Ко мне тоже ходят, много. И много берут их <фото>, и идет им. Самое главное цвет, окрас коня»¹⁷.

В случае покупки подержанной машины важно, чтобы шаман подробно рассказал о прежнем ее хозяине и о том, как он к ней относился: «И при том очень интересные вещи там рассказывают, когда так, по фотографии спрашивают. Это, – говорит, – город был, а рядом очень много воды. Это порт в Осаке, по-моему, или где ли там. Ну, – говорит, – так, так, так... Ездил, – говорит, – японец. Ну, не японец, а именно такой азиат, – говорит. – Очень, – говорит, – работающий. У него там двое детей, жена. Жена там где-то работает. Он очень любил эту машину, возил на ней, – говорит, – вот что-то, подвид, ну, пицци, продукты что ли. Он в какой-то лавочке работал что ли. И, – говорит, – очень за ней хорошо ухаживал. Машина была “Toyota Caldina”, девяносто восьмого года, белая такая, рессорная. Куплена она было где-то в году две тысячи четвертом–пятом, где-то вот так. И вплоть до того она рассказывала, что когда он продавал, он, говорит, погладил ее по капоту и так тихонечко ударил, говорит: “Живи хорошо!” И так, говорит, машина через большую, воду прошла и оказалась вот здесь, и ее брат купил.

(Д.Д.) – Ну, это хороший знак, благословение как бы дал?

(Инф.) – Да. Потом он че-то ее до ума доводил: рессоры убрал, амортизаторы поставил, стойки, и она очень долго служила. Ни разу не была, тьфу–тьфу–тьфу, в ДТП, кстати, вот эта машина, которую купили таким образом. Ни разу! За, скажем так, десятилетний период эксплуатации не было ДТП даже ни разу. И вообще. И не ломалась»¹⁸.

Наоборот, считается дурным знаком, если хозяин не хотел ее продавать и с трудом расстался с нею¹⁹.

По рассказам моих информантов, машину могут показывать шаману и после покупки, «чтоб удостовериться», что купили правильно²⁰.

В один из дней экспедиции 2014 г. мой товарищ-алтаец со своим отцом и мною собрались на машине съездить за водой на почитаемый родник-аржан. Машина только отъезжала от дома, как вдруг из-за угла на нее налетел велосипед с ребяташками. Никто не пострадал, детей отвели к родителям, однако хозяева автомобиля были мрачнее тучи. И, как только мы вернулись с источника, отец принялся окуривать машину горячей веткой *арчына*, быстро обходя ее по кругу. Произошло это столь внезапно и без предупреждения, что я не успел зафиксировать ритуал на камеру. Я начал расспрашивать своего друга, но получил в ответ всего лишь несколько слов, сказанных быстро, с оглядкой и вполголоса:

(Инф.) – *Јаман, јаман*²¹ *эта машина*.

(Д.Д.) – Как ты сказал – «плохая машина»?

(Инф.) – *А, там, там, там! Не здесь*²².

Более подробные пояснения я смог получить только через два дня. Перед рассказом о своем автомобиле мой товарищ плотно закрыл дверь и все форточки в доме, «чтобы она не услышала». Так я узнал, что машина, как живое существо, может слышать, потому нельзя вблизи говорить о ней плохо, потому что она может оскорбиться и отомстить. *Јемир ат* – не просто метафора, для алтайца машина в некотором смысле действительно живая: при покупке ей могут давать имя, с ней разговаривают, и она может общаться со своим хозяином.

Машина может иметь плохую судьбу, в таких случаях она неоднократно, все с большей степенью тяжести, попадает в аварии, сбивает скот/людей, о такой машине говорят, что она *јиткерленг јат* – ‘предрекает несчастья’ (алт.): «Если она у тебя начинает ломаться, несчастье приносить, не дай бог человека сбита, значит это совсем не твоя машина! И срочно надо от нее избавляться. В данном случае, как у меня»²³.

Как правило, по совету *неме билер киж*, такой автомобиль продается очень быстро и по заниженной стоимости: «Ну, вот недавно сын у меня перевернул машину, мы ее сразу продали, хотя новая машина, “Хюндай Солярис”. То есть могли там тысяч за шестьдесят-семьдесят ее сделать, восстановить, да? Но, машина стояла там

пятьсот тысяч, но я решил, что все-таки ее надо продать за сто тысяч. Несмотря на то, что теряем очень много денег. Но я понял, что это знак для него и для меня, что надо распрощаться с этой лошастью»²⁴.

Иногда, по рассказу моих информантов, в случае покупки без участия «знающих людей» может попасться такая машина, которая желает смерти своему хозяину. При этом алтайцы указывали мне на параллель – снятый по роману Ст. Кинга фильм Джона Карпентера «Кристина» (1983), в котором автомобиль преследовал людей, пытаясь их убить.

Над автомобилем проводят ритуалы, аналогичные окказиональным обрядам с заболевшим или без явной причины остановившимся коном: если мотор заглох в пути, машина окуривается *арчином*. Этот же обряд *алас* совершается с только что купленным автомобилем или после аварии.

Как живое существо машина может предупреждать об опасности: *«Предвещать может: “тендек” по-алтайски. Человек через свою машину сон <может> увидеть. А если перед аварией или если стукнется, то с левой стороны или с правой стороны стук будет: “Чук-чук”. С левой стороны важнее. Едешь и слышишь это. И еще реагировать, если ты чего ищешь, должна. Там, может, человек стоит, черный такой человек, дух. Машина тебе покажет, ты будешь останавливать. Развернешься и просто молиться будешь на это место»*²⁵.

Сходная образность фиксируется исследователями и в других сибирских регионах. «Синий самосвал» как вестник и исполнитель воли духов (задавит человека, если тот не согласится стать шаманом) фигурирует в «личном мифе» бурятской шаманки. А общественный транспорт (трамвай, автобус) сопутствует непереносимым состояниям ее шаманской болезни: «больше двух остановок я не выдерживала»²⁶.

Подобно автомобилю, мотоцикл и велосипед также являются живыми для алтайских шаманистов. Применительно ко всем средствам передвижения используется понятие *тынду* – ‘имеющий дыхание/жизнь’ (алт.)²⁷:

*«Для нас машина живая! “Тынду”. Потому что мы же обувку ей делаем»*²⁸.

Из дальнейших расспросов выясняется, что бытовые приборы и гаджеты (телевизоры, компьютеры, мобильные телефоны, стиральные машины и пр.) тоже живые, но уже в другом плане – как медиаторы

некой действующей силы (духов и/или электричества). В этом случае может употребляться другое понятие – ээлү – ‘имеющий хозяина’ (алт.)²⁹.

«Они все живые! Я много случаев знаю, что вот даже лампа настольная убивала человека. Вот один человек, он плохо к электричеству относился, матерился всегда, вот его током убило. Или если вот телевизор материшь, ударяешь. Например, я телевизор стулом разбил, когда наши в хоккей проигрывали. А надо всегда спокойно. Чайник – не сам это живое существо, а электричество», – поясняет шаман³⁰.

В рассказе бурятской шаманки тоже фигурируют бытовые приборы (пылесос, телевизор, лампа), но не как самостоятельные вещи, а как образы, через которые описывается столкновение с оккультным противником³¹.

Другим случаем включения технологических новаций в традиционные представления и практики является использование гаджетов и бытовых приборов в качестве ритуального локуса, медиатора или атрибута. Помимо уже приведенного примера с ноутбуком/планшетом, другим, наиболее частотным примером является использование газовой плиты в качестве локуса обитания духа домашнего очага *От-Эне* – ‘Мать-Огонь’ (алт.) и, соответственно, в качестве локуса ритуальных обращений к этому духу. В многоквартирных каменных домах, из-за отсутствия очага и печки, молочные кропления осуществляются прямо на газовую конфорку. Подобные практики отмечались и у бурят³².

В качестве предмета-медиатора в общении с духами у алтайского шамана служит мобильный телефон: *«Сотовый телефон – можно идти на тот мир. Информацию получаю, с духами разговариваю»*³³. Через ковер советского фабричного производства к шаману³⁴ во время камлания приходят духи-помощники³⁵.

Включение в ритуальную практику «профанных предметов» известно и у якутских шаманов: так, из-за повсеместного изъятия бубнов в советское время, шаманка Матрена камлала со сковородкой³⁶.

В 1930-е годы, во времена борьбы советской власти с шаманами, известны еще более удивительные случаи, при которых шаман ритуально имитировал использование новых технологий. Так, чукотский шаман Анкауге (по др. данным – Тамыне), агитировавший за отказ от советских культбаз и товаров в пользу контактов с американскими торговыми агентами, пользовался замысловатой инсталляцией, наводив-

шей страх на соплеменников. Им была сооружена и установлена на вершине яранги фанерная модель самолета. Направленный против ветра, в пургу пропеллер издавал звук, чем шаман и пользовался во время камлания³⁷. Другая проамерикански настроенная шаманка имитировала использование телеграфа: воткнутой в землю палкой она «передавала телеграммы в Америку»³⁸.

Такие случаи включения новых технологий в ритуальные практики оценивались исследователями как примеры креативности, толерантности, приспособляемости шаманов³⁹.

Классические работы, посвященные взаимодействию новых технологий и «традиционных обществ», фокусировались на случаях радикальных трансформаций под действием новых технологий, таких как огнестрельные ружья, железные печи, электропилы или снегоходы⁴⁰.

Однако существуют и другие исследования, для которых более интересны не революции, а адаптация/включение новаций в традиционные модели и культурные практики⁴¹. Именно к такому роду явлений принадлежат приводимые мною в этой статье примеры.

В советское время традиционные модели бытового шаманизма и практики *Алтай Жанг* – ‘алтайской веры’ (алт.), сохраняли свою актуальность, хоть и не пропагандировались широко через СМИ, как это началось с 1990-х годов. Поэтому окказиональные ритуальные практики, связанные с выбором, покупкой, лечением коня и мифологические представления о его способности предсказывать сохранились и были легко перенесены на автомобили. Об этом свидетельствует также то, что в своих рассказах о машинах мои информанты синонимично называют автомобиль лошадью и конем: *«В атеистическое время именно такого сильно не развито было, но маленький круг людей все-таки знал об этом, и мы всегда этим пользовались. Но большой широкий круг, как это сейчас в культуре, такого не было. Впервые для себя я осознал эти практики, когда я в первый раз “стукнул”, и я для себя понял, что лошадью надо уметь управлять. И поэтому, там, “арчыном” почистить, правильно подойти к этому делу, да? И чтобы беречься, всегда в машине держать “арчын”. То есть вот эти все вещи я всегда делал, и поэтому, может, не сильно много попадал в аварии»*⁴².

В условиях городского образа жизни алтайцы сохранили и даже усилили эти представления и практики, хотя небольшие различия в городском и деревенском отношении к автомобилю сохраняются. В целом, деревенское отношение более прагматично: мои информанты полагают, что в деревне, из-за безработицы и безденежья, больше

берегут машину, чем в городе. Кроме того, среди парней на селе более распространен обычай советского времени выучиваться перед армией в ДОСААФ или автошколе на категории грузового транспорта С и Е. Делается это для приобретения считающейся престижной военной специальности водителя.

Если городская алтайская молодежь выбирает преимущественно обучение на категории В, то в деревне считается статусным выучиться на максимальное количество категорий транспорта. «Все, что по земле ездит, у него на все есть права», – говорили про одного пожилого человека из села Кырлык, очень уважаемого за это умение. Компетенция сельского профессионала-водителя закладывалась соответствующим образом жизни, связанным с пребыванием в тайге и на выпасах со скотом. В традиционно большой сельской алтайской семье было распространено представление, в соответствии с которым один из сыновей учился на водителя и всю жизнь посвящал только этой профессии.

Благодарю за помощь в работе над статьей Э.В. Енчинова и Д.А. Функа.

¹ *Алтай киж* – один из шести (наряду с теленгитами, телеутами, тубаларами, кумандинцами и челканцами) коренных тюркских народов Республики Алтай. Численность, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., 68814 чел.

² Современные формы семиотизации автомобиля, перенос на него моделей отношения всадника и лошади рассматривает в своей статье на монгольском материале С.Ю. Неклюдов: «Есть несомненные аналогии между конем и автомобилем, на управление которым перенесены – именно в магическом плане – многие признаки верховой езды». См.: Неклюдов С.Ю. «Дурной обычай»: признаваемые правила и реальная практика в народной культуре // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре / ред.-сост. Е.Н. Дувакин, Ю.Н. Наумова. М.: РГГУ, 2013. С. 140. Кроме того, им была зафиксирована практика надевания уздечек на сиденья автомобиля некоторыми монгольскими водителями.

³ ПМА. Ю.М., 1953 г.р., алтаец, *сёёк Сойон*, шаман, г. Горно-Алтайск, июль 2014 г.

⁴ ПМА. А.К., 1964 г.р., алтаец, *сёёк Тёёлёс*, г. Горно-Алтайск, март 2015 г.

⁵ ПМА. Е.Э., 1980 г.р., алтаец, *сёёк Тодош*, с. Усть-Кан Усть-Канского р-на Республики Алтай, июль 2014 г.

⁶ То есть попал в небольшую аварию.

⁷ ПМА. А.К., 1964 г.р.

- ⁸ ПМА. Е.Э., 1980 г.р.
- ⁹ То есть полноприводные, «4х4».
- ¹⁰ ПМА. Е.Э., 1980 г.р.
- ¹¹ Он же.
- ¹² Он же.
- ¹³ Стелющийся горный кустарник – можжевельник казацкий (*Juniperus sabina*) или ложноказацкий (*Juniperus pseudosabina*).
- ¹⁴ ПМА. Е.Э., 1980 г.р.
- ¹⁵ Он же.
- ¹⁶ Он же.
- ¹⁷ ПМА. Ю.М., 1953 г.р.
- ¹⁸ ПМА. Е.Э., 1980 г.р.
- ¹⁹ Он же.
- ²⁰ Он же.
- ²¹ То есть дурная, зловередная, приносящая несчастье.
- ²² ПМА. Е.Э., 1980 г.р.
- ²³ Он же.
- ²⁴ ПМА. А.К., 1964 г.р.
- ²⁵ ПМА. Ю.М., 1953 г.р.
- ²⁶ Хамфри К. Шаманы и шаманство как новый феномен городской жизни // Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. С. 364.
- ²⁷ Ойротско-русский словарь около 10000 слов / сост. Н.А. Баскаков, Т.М. То-щакова. М.: ОГИЗ, 1947. С. 164.
- ²⁸ ПМА. Ю.М., 1953 г.р.
- ²⁹ Ойротско-русский словарь ... С. 195.
- ³⁰ ПМА. Ю.М., 1953 г.р.
- ³¹ Хамфри К. Указ. соч. С. 375.
- ³² Там же. С. 374.
- ³³ ПМА. Ю.М., 1953 г.р.
- ³⁴ ПМА. А.А., 196(?) г.р., алтаец, сөёк Көббөк, шаман, с. Каспа Шебалинского р-на Республики Алтай, сентябрь 2011 г.
- ³⁵ Подробнее см.: Доронин Д.Ю. Живой ковер, колотушки и пятна на топшуре: вещи-посредники в становлении шамана и *jarlykчы* // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Межд. шк.-конф. М.: РГГУ, 2012. С. 154; Он же. Политик? Лекарь? Шаман? Современные шаманы Алтая // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 96.
- ³⁶ Балзер М.М. От бубнов к сковородам: парадоксальные изменения шаманизма в истории саха (якутов) // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 25.

³⁷ *Хаховская Л.Н.* Шаманы в модернизируемом чукотском обществе (1920–1930 гг.) // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 267–268; *Щербакова Т.И.* Последние шаманы Чукотки: лидерство как долг // Теория и методология архаики. Лидерство в архаике: условия и формы проявления. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 175.

³⁸ *Хаховская Л.Н.* Указ. соч. С. 268.

³⁹ *Ревуненкова Е.В.* Актуальные проблемы исследования шаманизма // Советская этнография. 1981. № 1. С. 159.

⁴⁰ *Pelto P.J.* The Snowmobile Revolution. Technology and Social Change in the Arctic. Prospect Heights. Illinois: Waveland Press, 1987.

⁴¹ *Helander-Renvall E.* Logical Adaptation to Modern Technology – Snowmobile Revolution in Sapmi // The Borderless North. Proceedings of the Fourth NRF Open Meeting. Oulu & Tornio, Finland and Haparanda and Lulea, Sweden. 2007. P. 31; *Штаммлер Ф.М.* Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: революция в тундре? // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 8.

⁴² ПМА. А.К., 1964 г.р.

«Этнический» и «религиозный» аспекты в российской модной индустрии

В настоящее время существуют многочисленные основания полагать, что процесс глобализации культуры актуализировал две совершенно противоположные тенденции – транскультурализм и поиск самоидентификации. Но, несмотря на их противоположность, следует предположить, что они одинаково находят свое выражение как в искусстве и в повседневных культурных практиках, так и в сфере дизайна одежды.

Сегодня пространство повседневности и визуальный образ человека становятся одним из тех мест, где возможно пересечение и взаимопроникновение различных пластов культуры в целом.

Отличительным качеством современности является явное стремление к равноправному и взаимному существованию различных социокультурных норм и образцов, которые могут быть оценены с позиций моды не как посторонние противоречия, а как различные актуальности, составляющие неординарную и достаточно богатую базу данных стилей и ценностей.

Изучая и анализируя различные аспекты модной индустрии, нельзя не затронуть и само понятие «мода» со всеми его интерпретациями. «Мода» (в переводе с латинского – мера, правило или образ) первоначально представляет собой некий социокультурный феномен, играющий важную роль во всех основных сферах современного социума, таких как экономическая, культурная, политическая и так далее. В нынешней моде находят свое отражение такие тенденции развития общества, которые напрямую касаются всего массового сознания, культуры в целом и массовой культуры в частности, производства и потребления.

Иными словами, в рамках социологического подхода сама «мода» анализируется как особенный регулятор общественных отношений, обусловленный именно социальной структурой общества. При всем этом, обязательно исследуются такие составляющие, как социальная стратификация, формы коллективного поведения и социального контроля, имидж, престиж и прочее.

Стоит также отметить, что социологическое изучение моды довольно актуально и продуктивно в настоящий момент, поскольку она, представляя собой объект воздействия множества социальных факторов, отражает практически все процессы, происходящие в обществе. Кроме того, мода очень часто исследуется во взаимосвязи с образом жизни людей, самой типологией личности, характером ее потребностей, ценностных установок и социальных стереотипов.

Интересен и тот факт, что сущность моды заключается в невероятно быстрой смене модных форм с периодической обращенностью в прошлое человека, и, прежде всего, обращенностью к его эмоциям. Как показывают различные наблюдения, модные предписания не всегда соотносятся с человеческой логикой и здравым смыслом. Сфера проявления современной моды практически не ограничена. Она, как правило, выступает как определенное «наружное» оформление внутреннего содержания всей общественной жизни, выделяя и обозначая при этом состояние и особенности массового вкуса конкретного общества в конкретное время. Важно и то, что с помощью средств моды индивиды имеют возможность приобщиться к различной эстетической деятельности, сформировать свои индивидуальные стили и вкусы.

Иными словами, есть все основания полагать, что мода – это некое движение, целью которого и является само движение. То есть изменчивость, фактически, должна происходить ради самой изменчивости, что совсем немаловажно на сегодняшний день, в связи с регулярно изменяющейся социокультурной динамикой нормативных ценностей и установок различных обществ.

Для современной моды (и модной индустрии включительно) сложившиеся исторические художественные стили, традиции национального костюма и сама актуальная культура представляют собой яркую и красочную палитру, с использованием которой возможно создание уникального и неповторимого образа.

Примечательно, что если для культуры в целом исторические традиции и культурные образцы – это ядро, несущее некое «охранительное» значение, то в моде наблюдается абсолютно противоположный процесс – вся ценность образов определяется обязательной сменой модных стандартов. Ведь инновация, опираясь на традиции, способна вернуть и трансформировать модные и культурные образцы прошлого, с последующей их реабилитацией в абсолютно новом контексте.

Постоянное влияние социально-экономических, политических и культурно-религиозных аспектов на формирование модного образа просто неоспоримо. Однако среди всех прочих источников одним из самых «неиссякаемых» для вдохновения является этническая культура, к образам и истокам которой постоянно обращаются различные художники российской моды.

Одним из отражений облика культуры выступает одежда как некая информативная знаковая система, в которой присутствуют как базовые, не изменяющиеся, так и подвижные, постоянно меняющиеся элементы. Данный факт позволяет рассматривать одежду и как отличительный признак этнической культуры, и как составляющий атрибут современной моды. Самое главное, что взаимопроникновение двух этих немаловажных моментов подтверждает теорию существования так называемого «этнического» модного стиля.

Анализируя место «этно» тенденций в современном российском дизайне, необходимо учитывать и связь актуализации этнической темы с общекультурными процессами, и историю формирования данного направления в моде в целом, и основные признаки этнического стиля, а также творческое осмысление этнической темы у различных дизайнеров. Исходя из многочисленных позиций теории дизайна, «этническое направление» – это тренд не только модных подиумов, но и уличной моды – иными словами, актуальное направление в дизайне в совокупности.

Для исследования этнических тенденций в модной индустрии современного общества необходимо уточнить содержание и разграничивать такие понятия, как как этнические тенденции, национальный стиль и стиль фольклорный. С теоретической точки зрения между образом в национальном стиле и стиле этническом существует определенная разница: первый изначально предполагает обращение к традициям человека, с дальнейшим их обобщением, интерпретацией и разъяснением. Второй, в свою очередь, в большей степени ориентирован на национальный колорит, природные особенности и мельчайшие нюансы самого стиля той или иной страны. Иными словами, этнический стиль отсылает людей не к реконструкции исторически сложившихся форм национального костюма, а к утверждению и становлению идеи гармонии между человеком и природой со времен «хиппи», предпочитавших одежду без каких-либо половых различий. Одежда хиппи была основана на сочетании «этники» и «ковбойского» стиля (к

примеру, рваные джинсы, расшитые различными индейскими орнаментами рубашки и прочее).

Совершенно отдельная тема для исследования – это фольклорный стиль. Следует лишь упомянуть, что фольклорной одежде, как правило, присущи натуральные ткани, вязаные кружева и вышивка.

Возвращаясь к «этническому направлению», уместным было бы отметить, что данное явление, по сути, является более широким, нежели «этнический стиль». Стиль – это «демонстрирование» различных элементов со своей определенной акцентированностью на что-то конкретное; то есть набор определенных композиционных или технических приемов, нашедших свое отражение в каком-то конкретном произведении искусства. Что касается направления – это скорее категория художественного мышления. Специфика художественно-этнического мышления связана не только с народным творчеством, но и с различными национальными особенностями, и с экологическим мышлением включительно. В работах русского модельера Дарьи Разумихиной (1965 г.р.), к примеру, явно прослеживается умение «творца» искусно мыслить «по-этнически». В то же время этническое направление в дизайне актуально на сегодняшний день и как способ проявления социокультурной солидарности, «выставляющей» традицию на всеобщее обозрение не только в качестве «музейного экспоната», но и в виде части современной культуры, актуальной для человека XXI века, что особенно важно в современной ситуации глобализации культуры.

Довольно примечательно, что уже в 1970-е годы этническое направление в дизайне формируется как особый тренд, имеющий различные проявления на практике. Этническая окраска яркого и столь экзотического образа, создаваемая путем использования различных орнаментов, необычных материалов и конструктивных национальных форм, делает образ оригинальным, придавая ему определенную изысканность и несомненную индивидуальность. Этнические элементы используются для придания особого настроения, постоянно напоминая нам о никуда не исчезнувшей гармонии человека и природы. Еще хиппи в свое время использовали традиционные способы создания и украшения одежды: технику «печворк» (лоскутное шитье), вышивку с использованием бисера и стекла и так далее. Все это и ныне видится особым способом проявления индивидуальности и развития творческого потенциала личности. Интересен тот факт, что сделанные в то время рукодельные («hand-made») вещи считались символом не-

приятия буржуазных ценностей, а этническая орнаменталистика и технологии производства – частью возвращения к природе.

Говоря о России, следует отметить, что первым модельером, использующим этническую направленность в нашей стране, была Надежда Петровна Ламанова (1861–1941) – легенда русской моды «серебряного века». Уместным также будет упоминание о том, что великолепие традиционного русского костюма со всеми особенностями его этно-национального кроя уже много лет демонстрирует отечественный модельер Вячеслав Михайлович Зайцев (1938 г.р.), используя в качестве основы множества своих коллекций всем известные русские сарафаны, кафтаны, душегрейки и поневы.

Эксперименты в подобном направлении проводят и другие дизайнеры. Дарья Разумихина (о ней упоминалось выше) создает коллекции «прет-а-порте», принципиально выполненные из отечественных тканей, дорогих вологодских кружев, русского льна и тесьмы. Денис Симачев (1974 г.р.) работает исключительно в русском колорите, используя практически во всех своих коллекциях эксклюзивный «арт-принт» в виде давно полюбившихся всем хохломы и гжели.

Богатство и уникальность русской народной культуры привлекают сегодня и зарубежных модельеров, создающих некоторые из своих коллекций в стиле «а-ля рус». Примерами иностранных дизайнеров, использующих русские мотивы в своих коллекциях, могут быть: «Ив Сен-Лоран для дома Dior (коллекция 1976–1977 гг.)», «Карл Лагерфельд для модного дома Chanel (коллекция 2009 г.)», «Антонио Маррас для Kenzo (коллекция 2009 г.)», «Модный дом Etro (коллекция 2011 г.)», «Just Cavalli (коллекция Осень–зима 2013–2014 гг.)», «Dolce & Gabbana (коллекция Осень–зима 2014–2015 гг.)» и многие другие.

Переходя ко второму аспекту данного исследования, уместным будет обратить внимание на последствия крушения Советского Союза, повлекшие множество серьезных трансформаций относительно различных общественных институтов, в том числе и религии. Количество верующих людей в конце XX века в России существенно увеличилось и как за счет тех, кто в религии нашел ценностно-компенсаторный потенциал, так и за счет тех, кто решил обратиться к религиозной вере в силу действующей политической парадигмы или моды.

Но, как можно увидеть сегодня, традиционные религиозные институты не утратили своего влияния. Однако, на наш взгляд, имеет место очень важная современная тенденция: религия ныне все более уходит

из социума в область индивидуального, персонального бытия человека, что означает, что институциональная религиозность постепенно замещается личностной. Все это является базой для возникновения новых нетрадиционных религий, постепенно становящихся частью модной индустрии. У них появляются свои «звезды», свои определенные законы «потребления», свои технологии и прочее.

Следует предположить, что внешняя атрибутика множества религий может сочетаться, а в последнее время во многом соотносится с тенденциями в современной светской среде. Безусловно, любые религиозные требования и установки не позволяют выйти далеко за рамки дозволенного, однако определенные вариации в сторону моды возможно проследить. Так, в мусульманской религиозной одежде, которая достаточно строга и, вероятно, не могла бы вдохновлять модельеров-дизайнеров на какие-либо интересные решения, используются трендовые материалы, цвета, принты и прочее. Говоря об «исламской моде», хочется отметить современную тенденцию к популяризации мусульманской модной одежды. Стоит отметить множество мировых показов различного рода, большое количество бутиков с достойным выбором мусульманской одежды и так далее. Россия, в данном случае, не отстает от своих иностранных коллег: у нас в данном ключе работает, к примеру, торговый дом моды Медни Кадыровой – «Firdaws» (Фирдаус).

Ко всему прочему, есть также возможность заметить и иную тенденцию, касающуюся не только лишь исламской одежды: элементы и иных религиозных одеяний со всей своей атрибутикой все также более активно начинают «вливаться» в современную индустрию моды. Примером этого может служить тот факт, что на многих мировых подиумах «воспеваются» свободный крой одежды, подобный крою одеяний священнослужителей, в костюме отображаются библейские образы, при создании модного ансамбля используется атрибутика католицизма. Рассматривая Россию именно в данном контексте, следует отметить, что ярко выраженной религиозной направленности здесь не существует: сама атрибутика религиозных верований практически никогда и нигде к настоящему времени не использовалась отечественными модельерами в «чистом виде». Но как подсказывают тенденция развития и современный прогресс в индустрии моды – все очень быстро меняется.

Итак, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в сегодняшнем мире наблюдается взаимопроникновение религии и моды, что приводит к возникновению понятия «религиозная мода».

Следует также отметить, что дизайн на практике, помещая этнорелигиозные образы в новые контексты, способен вновь возродить интерес людей к различиям между ними, и помочь сообществам продолжать сохранять и демонстрировать собственное этническое и религиозное своеобразие, что необходимо на современном этапе развития человечества.

Сравнительная специфика этнической рекламы в центральной России и в регионах

В нашей жизни реклама занимает далеко не последнее место. Она тесно связана с процессом развития человеческого общества и его социальной, культурной, экономической жизни. Сегодня человека невозможно представить без телевидения, радио, газет, журналов. Через современные средства массовой коммуникации он получает большое количество информации, влияющей на формирование мировоззренческих установок человека. И часть этой информации носит этнический характер. Реклама представляет собой мощный источник создания и передачи общественных ценностей, а, следовательно, культурной идентичности и культурной ориентации. Рекламировать нужно товары, произведенные на основе человеческих потребностей, а новые потребности могут формироваться под воздействием рекламы. Каждая культура – это сочетание общественных отношений, религиозных убеждений, языков, потребительских предпочтений и привычек. Все это влияет на процессы распространения и восприятия информации. Специалист по рекламе должен понимать особенности местной культуры. Такие различия выражаются в разных привычках и даже во вкусовых и цветовых предпочтениях. Работающим в сфере рекламы следует учитывать многонациональный характер такой крупной страны как Россия.

При разработке рекламы не следует забывать культурное своеобразие в потреблении того или иного товара. Именно непонимание сложившейся в конкретном регионе системы ценностей и устойчивых стереотипов приводит к неудачам. Важно уделять внимание и тому, чтобы рекламное сообщение не противоречило господствующим в данной культуре представлениям о пристойности и деликатности, не вызывало неуместных или негативных ассоциаций. Даже, например, если рассматривать близкие культурные традиции, то и здесь следует проявлять осторожность в обращении с национальными символами. Под символами подразумевается слова, жесты и предметы, имеющие особое значение и узнаваемые представителями данной культуры. К символам могут относиться одежда или макияж, использование жаргона. Опять же, малейшая неловкость может привести к самым нежелатель-

ным последствиям. А унифицировать рекламу под различные регионы – процесс довольно сложный.

Каждый день человек сталкивается с огромным количеством рекламных объявлений, просматривает множество различных рекламных роликов. И ежегодно получает по прямой почтовой рассылке около тысячи информационно-рекламных материалов. Но всего лишь небольшая их часть привлекает внимание. Обилие рекламных обращений столь высоко, что реклама выглядит активно, броско, агрессивно, а часто и назойливо. Некоторые улицы Москвы перегружены разнообразными баннерами и щитами. Рекламные материалы служат многим целям, в основном это привлечение внимания потенциального покупателя, создание благоприятного образа фирмы-производителя или торговой марки, формирование потребности в данном товаре или услуге. Реклама должна побуждать к покупке, и в этом ее основное предназначение, ее главная функция. У потребителя должно складываться положительное отношение к идее рекламируемого продукта, а затем и стереотип поведения, лояльность к продукту. Одним из важных факторов в формировании положительного или негативного отношения к рекламе являются культурные, традиционные, языковые особенности региона. От того, насколько правильно будет выстроена и адаптирована реклама к определенному региону, будет зависеть ее эффективность. На мой взгляд, нужно проводить еще и различные исследования для того, чтобы правильно адаптировать рекламные сообщения. Но, к сожалению, рекламные компании экономят средства на такие исследования, и на сегодняшний день они практически не проводятся.

Крупные фирмы заказывают размещение рекламы не только в центральных городах, но и в регионах для поддержания бренда. Здесь необходимо будет учитывать этнический фактор конкретного региона. Большинство компаний пытаются найти компромисс между глобальными целями и местными условиями. Если рекламная кампания по выводу бренда в другой регион будет учитывать сложившуюся систему ценностей, своеобразие культурных характеристик и исторического опыта индивидов конкретной этнической группы, то будет достигнут успех. В свою очередь, немалую часть в регионах занимает реклама местных производителей, при этом рекламируемый товар находится в конкретных городах и реклама за его пределами будет не эффективна.

Реклама в регионах – это особый рекламный рынок со своей спецификой и аудиторией. В каждом регионе существует определенный стиль

жизни. Одна и та же реклама воспринимается по-разному. Например, жители центральной России более динамичны и энергичны, а на северо-западе – более спокойны и интеллигентны. Рекламные кампании нужно разрабатывать с учетом географическо-антропологической специфики. На Кавказе следует уделять больше внимания ярким эмоциям, экспрессии или образцам национального фольклора. С учетом этих фактов, у местных рекламных компаний в основном не возникает проблем в разработке правильного рекламного ролика, так как в них соблюдаются и учитываются культурные, этнические особенности региона. Важно отметить, что размещение рекламы, заказ рекламных роликов на местных телеканалах в регионах стоит намного дешевле, чем в центральных городах.

Существует огромное количество современных видов рекламы. И основной ее движущей силой в России является телевидение. Далее следуют пресса, радио, наружная реклама, медийное пространство. Интернет совместно с телевидением являются наиболее перспективными каналами коммуникации для рекламодателей. Думается в будущем, они будут занимать доминирующие позиции в области рекламы. Если говорить о регионах, то практически везде наблюдается, что там основным рекламным носителем является пресса, затем следует наружная реклама и только потом телевидение. Хотя сегодня можно наблюдать ускоренные темпы развития именно наружной рекламы. По моему мнению, меньший спрос на размещение телероликов в регионах связан с тем, что на их создание у местных рекламодателей зачастую просто нет денег и оборудования. А местные производители, если и размещают телевизионную рекламу, то, как правило, на канале своего региона. Практически в каждом городе есть свои местные телевизионные каналы, на которых транслируются информационные, развлекательные, познавательные, новостные передачи. В качестве примера можно привести телерадиокомпанию Чеченской Республики в городе Грозном. Трансляции передач и рекламных роликов ведутся на русском и чеченском языках. Успешно функционирует на дагестанском медиа-рынке ГУ РГВК «Дагестан» – республиканская государственная вещательная компания. Также одним из примеров является Национальная телерадиокомпания «Ингушетия» (НТК «Ингушетия»). Вещание ведется на русском и ингушском языках. В Москве таким телеканалом является «Москва-24». Если не требуется серьезных изменений в рекламе, то используется только перевод на местный язык.

Все чаще большое количество рекламных сообщений, в первую очередь на ТВ, вызывает раздражение у целевой аудитории. Впоследствии это приводит к потере бюджетных средств, затраченных на рекламу и недостижению поставленных целей, а также к негативному отношению людей к бренду. Рекламные компании прикладывают огромные усилия, чтобы удержать существующих клиентов и привлечь новых. Это вынуждает агентства более детально и внимательно учитывать культурные, языковые, национальные особенности при разработке рекламного ролика или сообщения. Не стоит забывать, что уровень конкуренции в сфере рекламы достаточно высок.

Крупные рекламные компании, открывая для себя новый региональный рынок, предпочитают не менять, а скорее адаптировать свою рекламу. Но есть также немало производителей, которые пытаются в целях экономии бюджетных средств проводить единые рекламные кампании, не учитывая национальные, этнические, культурные различия. С моей точки зрения, очень важно отмечать специфику построения образов в рекламе, характерных для той или иной культуры. Необходимо также качественная характеристика потенциальных потребителей, определение их стиля жизни, интересов и увлечений. Сегодня, популярность национальных мотивов и орнаментов набирает обороты. В рекламе также успешно используются фольклорные образы. Внимание нужно обращать и на использование цвета в рекламе. Между цветовым решением рекламы и уровнем ее восприятия потребителем существует определенная зависимость, хотя бы на уровне провоцирования подсознательных ассоциаций, тем более, когда в рекламе используются национальные мотивы. Есть универсальные трактовки информации, которые независимы от культурной среды. Например, «светлое» и «темное» воспринимаются во всем мире как «светлое» – это что-то положительное, а «темное» – ассоциируется с чем-то непонятным или противоестественным. Если данные критерии употребляются правильно, то это приводит к большей эффективности. Они объединяют, вызывают чувство сопричастности и гармонии с окружающим миром и приводят к получению положительных эмоций. Как уже говорилось, при грамотном использовании этнического фактора можно добиться лучших результатов.

Национальные особенности мировосприятия наиболее ярко проявляются в языковых традициях. Очень часто, проникая на чужой рынок, бренд сталкивается с отторжением или получает негативные отклики,

хотя, казалось бы, он понятен и правильно воспринимается на своей территории. Носители родной культуры легко улавливают смысл сообщения, а для людей национально-культурных сообществ оно остается совершенно непонятным.

Многочисленные этнические группы нашей страны могут обладать лингвистическими особенностями, даже в своей среде. Лексика той или иной этнической группы может отличаться от прочих этносов смысловым наполнением одних и тех же слов. В этом случае, рекламным сообщениям необходимо уточнение, что именно подразумевают под тем или иным словом местные жители. Обращаясь к иной аудитории, надо разговаривать с ней на ее языке, причем не просто переводя речевки и слоганы, а учитывать местные обычаи, традиции, верования. Иначе в лучшем случае люди просто не поймут, о чем с ними говорят. А в худшем – можно невольно оскорбить их чувства с самыми негативными последствиями для рекламируемого бренда. Не везде «чужаков» встречают с распростертыми объятиями, даже если они приносят необходимые продукты и услуги.

Иногда для того, чтобы войти в доверие к местному населению, производители полностью изменяют свой «рекламный имидж». Например, в рекламной кампании чая «Принцесса Канди» ориентированной на Татарстан, в двух роликах участвуют местные знаменитости, местами звучит татарская речь, и национальная музыка. Такая реклама имела успех, так как практически полностью была адаптирована к культурным и национальным особенностям. Для того, чтобы реклама была успешной, следует помнить и о местных значениях слов, так как они являются знаковыми, правильно использующего их человека считают своим. В рекламе часто используется слэнг. Это востребовано, народ это любит. Но в употреблении в рекламе местных словечек или слэнга нужно соблюдать также осторожность, так как они могут нарушать действующий закон о рекламе. Так, например, в Ростове оштрафовали магазин «Женские цацки» за использование в названии воровского жаргона.

В целом, тема понимания целевой аудитории гораздо шире, чем просто знание, где размещать рекламу. Следует учитывать культурную специфику целевой аудитории, ее ментальность и архетипы. Важно правильно и просто донести всю необходимую информацию до клиента. Также стоит быть осторожным, вызывая в рекламе к религиозным чувствам.

Реклама быстро отражает все изменения в социальной, эмоциональной и эстетической сфере жизни общества. Главное – реклама не должна противоречить базовым культурным ценностям. Интеграционные процессы, протекающие в современном мире, не смогли придать универсальный характер разным народам. То есть, так и не произошло вполне возможной стандартизации ценностей в рамках единой мировой культуры. Ухода от устоявшихся традиций не наблюдается, какая-либо деформация устоев обернется бедствиями для этноса.

Возникает вопрос, с чем связана проблема этнического и религиозного содержания в современной рекламе и почему она наиболее актуальна в условиях российской экономики и модной индустрии? Необходимо учитывать следующие процессы современной этнической картины России: глобализация, этническое многообразие, миграция, высокий уровень урбанизации.

Городская среда с каждым годом становится все более полиэтнической и поликонфессиональной. В этих условиях применение рекламы невозможно без учета особенностей местной среды. Поэтому мы все чаще наблюдаем на разных уровнях эти проявления. Как и в прошлом, реклама – двигатель торговли.

Реклама применяется даже на уровне местных нешироких площадок типа сети ресторанов, кафе. Например, ресторан «Кавказская пленница» в Москве – это тематический ресторан традиционной кавказской кухни, созданный по мотивам одноименной советской комедии. В ресторане часто показывают фильмы Гайдая. По вечерам посетителям предлагают насладиться советскими мелодиями в живом исполнении современных артистов. Весь интерьер воссоздает атмосферу горного аула. Развешанные ковры, виноградная лоза и теплый свет уносят гостей в желанную ауру кавказского гостеприимства.

Именно городская среда наиболее ярко отображает социокультурные особенности. Именно в городе общественное сознание акцентирует на этом внимание. И следует отметить, что в регионах России, в пределах традиционных обществ, этническая реклама пользуется гораздо большей востребованностью, нежели в центре. А учитывая особенности религиозного фактора, например исламизацию, в скором времени мы будем наблюдать новое направление в рекламе. По моему мнению, рекламировать продукт или услугу с учетом исламских законов необходимо (например, продукцию халяль). Сейчас на улицах Москвы можно встретить плакаты, листовки и баннеры с рекламой,

ориентированной на национальные особенности представителей различных этнических общностей. Данный факт в очередной раз дает понять, что Россия – многонациональная страна, в которой имеются и необходимость, и большие возможности для этнорекламы.

Раздел III

«Идеальная» игровая идентичность. Поиск идентичности и игры

Д.Е. Амирханова

Религиозность города и деревни в дискурсе участников волонтерских реставрационных отрядов

Отряды волонтеров-реставраторов берут свое начало в краеведческом движении 1960–1980-х годов. Тогда экспедиции к различным объектам культурного наследия и работы по их сохранению организовывались и финансировались государственными структурами¹. Во время перестройки централизованная поддержка реставрационных программ прекратилась, и на смену профессиональным отрядам пришли волонтерские организации, существующие на собственные средства и никому не подотчетные. Организаторы отрядов самостоятельно занимаются поиском и каталогизацией памятников архитектуры, и в меру своих сил осуществляют их консервацию или реставрацию.

Некоторые группы связывают свою деятельность с определенным историческим регионом страны. Одним из таких мест является Русский Север², где, по мнению многих участников отрядов, сохранились не только уникальные памятники деревянного зодчества, но и «некая “исконная” или “первозданная” русскость»³. Однако если советские реставрационные и краеведческие практики предполагали, что наиболее выраженным хранилищем русской культуры являются светские сооружения («домики и амбарчики»⁴), то современные реставраторы работают практически исключительно с религиозными объектами. Свою работу они связывают с восстановлением приходской жизни и духовным возрождением северных деревень⁵.

В зависимости от состояния объекта, количества и компетенции участников, а также наличия времени и средств, состав работ может варьироваться от уборки мусора и фотографирования до полного восстановления исторического облика здания. В последнем случае со-

ставляется архитектурный проект, а для работ приглашаются профессиональные плотники. Но большинство волонтеров не имеют даже начального плотницкого образования.

Экспедиции организуются обычно летом и в дни государственных праздников (в первых числах января и мая). Одна экспедиция, как правило, объединяет 10–20 человек и длится от нескольких дней до двух недель. Так как средний отпуск (не говоря уже о школьных и студенческих каникулах) гораздо длиннее, то многие волонтеры успевают за один сезон поработать на 3–5 церквях, переезжая из одной деревни в другую и присоединяясь к разным отрядам. Благодаря этому, можно говорить о существовании единого сообщества волонтеров-реставраторов, где многие участники знакомы друг с другом. В рамках сообщества распространены общие нарративы и представления.

Большинство участников реставрационных отрядов – жители больших городов (преимущественно Москвы). И в их отношении к деревенским жителям, существуют, на мой взгляд, устойчивые стереотипы, восходящие еще к XIX веку. Крестьяне тогда были тем самым *folk*, который являлся автором и носителем *folklore*⁶. Поэтому российская интеллектуальная элита того времени видела в их жизни «одновременно и требующие искоренения “невежество”, “язычество”, “суеверия”, “дикость”, и “сокровищницу национальной культуры”, проявление “таинственной психеи народа”»⁷. Современное отношение горожан-реставраторов к сельским жителям столь же двойственно. С одной стороны, считается, что им удалось в годы гонений и притеснений советской власти сохранить дореволюционный уровень религиозности и традиции православной веры. С другой стороны, имея доступ к интернет-ресурсам, курсам религиозного образования для взрослых и специальной литературе, горожане зачастую уверены в том, что они обладают большим багажом знаний о православных канонах и особенностях практик.

Применительно к церковным зданиям, эта позиция проявляется следующим образом. Реставраторы считают, что деревенские жители на самом деле нуждаются в храмах и могли бы поддерживать высокий уровень религиозной жизни в них. Но они сами этого не понимают, поэтому им нужен толчок в виде интереса «городских» к церковным развалинам. Даже когда реставраторы видят заброшенную, разваливающуюся церковь, стены которой покрыты надписями, они уверены, что она будет востребована местными жителями. И что действующий храм, вокруг которого организуется активная религиозная жизнь, явля-

ется неотъемлемой частью северного сельского ландшафта: «Мы надеемся, что часовня будет восстановлена, и можно будет плыть по Ваге от Вельска до Шенкурска и видеть по берегам эти милые деревянные храмы – в Осиновской, Нюнежской, Корбале»⁸.

Интересно, что сами реставраторы не обязательно являются верующими или воцерковленными людьми. В некоторых отрядах приняты отдельные религиозные практики (коллективные молитвы утром и вечером, до и после еды, участие в литургии в действующем храме, чтение акафистов тому или иному святому). Однако к этим действиям никого не принуждают и не осуждают отказавшихся (по крайней мере, открыто). Иногда можно наблюдать ситуацию, когда с течением времени молитвенное правило становится все короче, а количество участников молитвы уменьшается.

Исследователями уже отмечалось, что многие современные верующие не ощущают потребности в традиционной общинной жизни и ищут вместо этого «иные способы аффилиации с Церковью, оставляющие существенное пространство для личного выбора и минимизирующие контроль институции за их религиозной жизнью»⁹. У них есть потребность хотя бы временно принадлежать к какой-то группе единомышленников, и для реализации этих чувств они выбирают такие практики, как паломнические поездки, визиты к «старцам» и группы религиозного образования. На мой взгляд, участие в реставрации православных церквей можно поставить в один ряд с этими явлениями, так как в этих отрядах каждый человек может свободно определять желаемую степень участия в религиозных практиках.

Однако, приезжая в составе экспедиции в северную деревню, в которой единственная церковь была закрыта 70 лет назад, эти люди, помимо своей воли, оказываются основными носителями религиозной инициативы. Эта ситуация должна ощущаться ими как некомфортная и непривычная, поэтому многие практики волонтеров-реставраторов направлены на то, чтобы передать ответственность за религиозную жизнь в восстанавливаемом храме местным жителям.

Вначале инициативу проявляют в основном горожане. В большинстве случаев они выбирают само место работ (случаи, когда местные жители приглашают реставрационный отряд, единичны). Чаще церковь выбирается в связи с эстетическими представлениями руководителя отряда. Вот как описывается процесс принятия решения о реставрации церкви Ильи Пророка в деревне Нюнежская Шенкурского

района Архангельской области: «Летом мы плыли на лодочке по Ваге – правый берег высокий и лесистый, по левому отмели и деревеньки. И вот – в окружении леса кривенькая звонница брошенной церкви. За ней лес – на десятки километров до Котласа. Она стоит как маяк над Вагой...»¹⁰. В других случаях свою роль играет ценность конкретной церкви как памятника истории и культуры. Так, в деревне Сельцо Виноградовского района Архангельской области участники отряда подчеркивали, что местный храмовый комплекс – единственный в области, где сохранились и деревянная летняя церковь, и зимняя каменная, и колокольня. Наличие или отсутствие рядом деревни, жители которой могли бы принимать участие в работах или в будущем стать прихожанами церкви, может приниматься в расчет, но редко оказывается решающим аргументом. Так, уже второй год ведутся работы по восстановлению Сретенско-Михайловской церкви в заброшенном селе Красная Ляга Каргопольского района Архангельской области. При этом ближайший жилой дом находится более чем в 6 километрах от церкви.

Но если местные жители как-то участвуют в реставрационных работах (даже если они просто угощают работников пирожками), этот факт постоянно подчеркиваются реставраторами, так как это служит подтверждением того, что желаемые изменения уже начались. «Главное – найдена поддержка жителей деревни, которые пожертвовали на церковь 12 кубометров леса, предоставили волонтерам дом и всячески поддерживали наш труд»¹¹. Отдельных жителей благодарят в текстах отчетов лично: «После работ в Георгиевской часовне нас, озябших и промокших до нитки, приютили местные жители, – широкой души люди: Татьяна Владимировна, Александр Александрович, Людмила Владимировна с мужем. Нас, как в русской поговорке, накормили, напоили и спать уложили. Как же сказочно полежать на русской печи после палаточного лагеря! Такое радушие и гостеприимство дай Бог каждому»¹². Особенно ценными в этом плане являются рассказы о том, что некоторые деревенские жители помнят о старых церквях и радуются их восстановлению: «Жительница деревни Погост (Ракула) в шестом поколении Сафинова Валентина Петровна рассказывает о том, как в этом храме крестили и венчали ее предков, о своем дедушке, который пел в церковном хоре, и о беззакониях большевиков, взорвавших каменный Покровский храм, построенный к 300-летию дома Романовых в 1913 году. Валентина Петровна испытала большую радость: в день всех русских святых, в древнем храме своих предков, в котором

службы не было более 80-ти лет, она впервые исповедовалась и причастилась Святых Христовых Таин»¹³.

Если же реставраторы не встречают особенно высокого уровня религиозности среди местного населения, они выражают недовольство по этому поводу. Примером этому может послужить текст отчета одной экспедиции-разведки, в которой участвовал священник: «Утром выяснилось, что храм совершенно не готов к Литургии. Когда стали подъезжать бабушки, стало понятно, что и люди тоже не готовы. Все приехали, откушавши завтрак, и интересовались больше святой водой, нежели таинством Евхаристии. В итоге о. Дмитрий решил Литургию не служить, а провел катехизическую беседу и отслужил молебен»¹⁴. Незнание «бабушками» элементарных, по мнению священника, церковных правил вызвало у него явную негативную оценку.

Ощущая себя религиозными экспертами, реставраторы считают возможным корректировать представления деревенских жителей об их церквях. Нарративы сельчан могут включать в себя очень разные мотивы: описания несуществующих церковных зданий, рассказы о разрушении храмов, об осквернении святынь и наказании за это, истории использования этих строений в советское время, воспоминания о сопутствующих практиках (заветах, паломничествах и т.п.)¹⁵.

Но не все «местные» тексты воспринимаются реставраторами как ценные. Например, истории о советском периоде и о том, как использовалась церковь в то время, обычно воспринимаются негативно, особенно если этот период в жизни здания имеет в глазах местных жителей положительную оценку: «Самое отчаянное положение старой церкви – это когда в сознании местных жителей она превратилась в кино клуб, колхозную столовую, склад для клюквы. Два или три поколения смотрели в храме кино и целовались, а тут им сообщают, что это – святыня»¹⁶.

В реставраторской среде принято описывать историю храмов как последовательность периодов «нормальной жизни» (до 1920–30-х), разрушения и последующего восстановления. Разрушением здесь является и собственно уничтожение церковных зданий, и приспособлением их под другие нужды (склад, МТС, сеновал, школа...). Поэтому, на мой взгляд, рассказы местных жителей о том, как они танцевали в клубе, который был церковью, снижают представление о ценности церковного здания как религиозного и культурного объекта, и вступают в противоречие с предполагаемой высокой религиозностью деревенских жителей: «К Владимирской церкви в деревне устоявшееся отно-

шение как к клубу, к сожалению, она не воспринимается как храм и родовая, деревенская ценность»¹⁷.

Таким образом, участники волонтерских отрядов явно выступают как инициаторы реставрационных работ. Однако своими действиями они хотят воссоздать некоторое идеальное состояние, в котором основными исполнителями религиозных практик являются местные жители. Похожее восприятие места религии в обществе описала британская исследовательница Грейс Деви. Она использует термин *vicarian religion*¹⁸ для описания ситуации, при которой большая часть населения является верующей, но не участвует в религиозных практиках. Они возлагают эту обязанность на плечи активного воцерковленного меньшинства¹⁹. Оказавшись на месте этого меньшинства, горожане-реставраторы надеются передать деревенским жителям не только дискурс о сельской святыне и затраты на проведение реставрационных работ, но и саму ответственность за будущую приходскую жизнь: «В этом все же хотелось передать инициативу местным жителям <...> в августе местный мастер должен их изготовить, а работа будет оплачена за счет собранных при продаже календарей средств»²⁰; «Мы же сочли необходимым не вмешиваться и дать им самим заниматься СВОИМ родным храмом, в котором они провели как минимум восемь лет своей жизни»²¹.

¹ *Donovan V.S. "Going Backwards, We Stride Forwards": Kraevedenie Museums and the making of local memory in North West Russia, 1956–1981 // Forum for Anthropology and Culture. 2001. № 7. P. 211–230.*

² Он включает в себя Архангельскую область, а также отдельные регионы республики Карелия, Вологодской, Кировской и Ленинградской областей.

³ *Шабаетов Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 140.*

⁴ Документальный фильм «Разговоры с реставратором Александром Поповым». 1987. Часть 1. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=E5JWbUc2LIE> (дата обращения 12.02.2014).

⁵ См. Устав благотворительного фонда «Спасение деревянных Церквей Русского Севера "Вереница"». 30 января 2014. URL: <http://verenitsa.ru/foundation/устав-бф-вереница> (дата обращения 14.05.2014).

⁶ *Dundes A. Who are the Folk? // Frontiers of Folklore, ed. Bascom William. Washington, D.C: American Association for the Advancement of Science, 1977. P. 17–35.*

- ⁷ Панченко А.А. Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докл. Т. 1. М.: ГРЦРФ, 2005. С. 72–95.
- ⁸ В новый год с новым храмом. 05 февраля 2014. URL: <http://verenitsa.ru/news/501/> (дата обращения 23.04.2014).
- ⁹ Кормина Ж.В. Новые формы религиозной жизни в современной России: к постановке вопроса // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 2 / отв. ред.: Е.Г Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 497–504.
- ¹⁰ Самая легкая церковь в мире 28 февраля 2014. URL: <http://verenitsa.ru/news/самая-легкая-церковь-в-мире/> (дата обращения 12.02.2014).
- ¹¹ Ильинская церковь в Нюнежской. 28 января 2014. URL: <http://verenitsa.ru/churches/ильинская-церковь-в-нюнежской/> (дата обращения 15.02.2014).
- ¹² Экспедиция Северная Двина (Емецк) 2014. URL: https://vk.com/emeck_2014 (дата обращения 03.10.2014).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000–2002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 286–312.
- ¹⁶ Церковь или клуб. 6 февраля 2014. URL: <http://verenitsa.ru/news/церковь-или-клуб/> (дата обращения 05.06.2014).
- ¹⁷ Владимирская церковь в Меландово. 28 января 2014. URL: <http://verenitsa.ru/churches/владимирская-церковь-в-меландово> (дата обращения 10.10.2014).
- ¹⁸ В русскоязычных текстах этот термин переводится как «замещающая религия». См.: Агаджанян А. Приход и община в русском православии: современные процессы и ретроспективе последнего столетия // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности. Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. С. 15–36.
- ¹⁹ Davie G. The Sociology of Religion. L.: Sage Publications, 2007.
- ²⁰ Экспедиция в Осиновскую 2014. 7 сентября 2014. URL: <http://verenitsa.ru/news/экспедиция-в-осиновскую-2014>. Экспедиция в Осиновскую 2014. 7 сентября 2014. URL: <http://verenitsa.ru/news/экспедиция-в-осиновскую-2014> (дата обращения 12.11.2014).
- ²¹ Экспедиция Северная Двина (Емецк) 2014. URL: https://vk.com/emeck_2014 (дата обращения 09.08.2014).

Образ копателя в быличках, анекдотах и паремиях

Для городской молодежи 1970-х годов стало откровением знакомство с «эхом войны» – боевым снаряжением, которое лежало в лесах. Уверенное в том, что «ничто не забыто, никто не забыт», это поколение осознало: Великая Отечественная война живет до сих пор совсем рядом, в лесах, где лежат останки погибших. Молодежь отправилась на места сражений, веря, что нужно возвращать долг погибшим красноармейцам. Изначально таких энтузиастов называли следопытами. Постепенно сформировался пласт излюбленных сюжетов, образов, связанных с поисковыми работами.

В наши дни былички, анекдоты и паремии из среды копателей размещены на тематических форумах и сайтах, но наиболее охотно ими делятся у костра на выезде в лес. Со временем в поисковом деле появились «цветовые» ответвления – «красные» и «черные» копатели, т.е. ищущие останки красноармейцев с целью их перезахоронения или ради личного обогащения. Однако нельзя назвать «черными» копателями голодных местных жителей, женщин и детей, идущих в первые послевоенные годы в леса, чтобы найти консервы, собрать одежду. Речь шла о выживании. Хоронить останки красноармейцев зачастую было некому.

В наши дни многие копатели считают неправильным четкое разделение «по цветам»: как правило, оно дается по формальным признакам (таковыми является наличие разрешения на ведение поисковых работ) и не отражает мировоззренческие установки. Первый же выезд в лес желающего «копнуть по-черному» может изменить его представление о своем назначении в этом мире. Иногда «красные» поисковики берут на память какие-нибудь вещи из раскопа, что не мешает им с уважением относиться к павшим воинам. В то же время в представленных на сайтах по интересам текстах проводится более четкое разграничение на «черных» и «красных», нежели в записях бесед с информантами. «Государство на костях солдата выкарабкалось из той мясорубки, а отдавать долги охоты нет. А копатели (любого цвета) – как Совесть, которая спать не дает. Ну, а в любом стаде без паршивой овцы не обходится»¹.

В поисковом фольклоре ярок образ самого копателя: зачастую это и повествователь, и действующее лицо. Поисковик отличается от остальных людей своим восприятием мира: «Я думал, что я схожу с ума, что я один воспринимаю мир вот так, через призму Великой войны. Мы ведь, поколение 80-х, выросшее в советских садах, после запеканки шариковой ручкой рисовали танки, как в песне Высоцкого, не досталось нам даже по пуле»².

Копатель может общаться с представителями мира мертвых. При этом преимущественно с душами красноармейцев взаимодействуют «красные»; с душами пришедших за своими вещами немцами – «черные» копатели. Поисковика оберегают высшие силы (ангелы и Бог), если он пришел с благой целью. Поисковик не боится тяжелой физической работы. Его не пугает перспектива процеживать болотную жижу, стоя по пояс в воде: «Копателю грязь, что патина монете»³. Большие расстояния также не помеха работе: «Для хорошего копаря семь верст не крюк».

Бытуют в «копарьской» среде и садистские стишки о юном копателе. Здесь, вопреки поверью об удачливости новичков, неофитам может не везти, особенно если они не соблюдают технику безопасности.

Юный копатель шел по тропе,
Щупая землю в хвойном ковре.
Плавню нажал сапогом на гранату –
Не забывайте детектор, ребята!⁴

В следующем садистском стишке отражен один из излюбленных сюжетов «черных» копателей – о том, как немец приходит к забравшему вещи или осквернившему его останки человеку.

Юный копатель немца нашел.
В снах к нему немец с гранатой пришел.
Долго будила юнца вся родня –
Кучу говна разгребали три дня⁵.

Но чаще неопытным копателям везет: «А 10 лет назад одна девушка из состава молодых поисковиков почти так же обнаружила останки красноармейца. Говорит, присела отдохнуть, а за спиной раздался голос: “Иди ко мне”. Она хотела убежать, но голос настойчиво повторился. Девушка, преодолев страх, пошла на зов и наткнулась на кости»⁶.

В пословицах, поговорках и анекдотах создается собирательный образ не столько «красного», сколько «черного» копателя, имеющего сходство с кладоискателем и археологом черты.

«Молодые поисковики сегодня стали называть себя и своих коллег сталкерами. Нет, не в прямом переводе с английского: ловец, преследователь. А как у самих “родителей” неологизма братьев Стругацких, в контексте – человек, который нарушает запреты и проникает в Зону, малоизученные места, и выносит из нее важные артефакты»⁷. Кроме того, некоторые молодые люди приходят в поисковые отряды сначала из любопытства, после увлечения субкультурой сталкеров, диггеров, реконструкторов. В связи с этим нередко они упоминают слово «азарт» применительно к своей деятельности.

Сами копатели в шутках о том, каким должен быть настоящий поисковик, заменяют регенерирующими способностями кожи интуицию (часто именуемую «чутье»), позволяющую находить останки красноармейцев в неожиданных местах:

– Доктор сказал, что у меня врожденные способности к поиску.

– А в чем это выражается?

– Раны быстро заживают!⁸

Также настоящий копатель – открытый миру человек, своего рода «рубаха-парень»: «У копаря душа нараспашку»⁹.

Поисковик может быть охарактеризован с помощью ряда мотивов, демонстрирующих его вызванную длительным контактом с миром мертвых «иномирность», тесную связь с погибшими. Он чувствует близкое нахождение захоронения: холодеют руки, ступни, появляются мурашки. «Однажды копали, я чувствую – кто-то смотрит в спину пристально. Уже темнело, поворачиваюсь – вроде как солдат стоит за кустом, аж мурашки по коже пробежали. Пошли на то место – никого нет, поискал вокруг того места – солдата и нашел»¹⁰.

Поисковик не может покинуть раскоп до окончания работы, все время ощущает чей-то взгляд. «Друг рассказывал. Они возвращались с копа в лагерь, вечерело. Он немного отстал, ребята ушли вперед. Вдруг споткнулся и чувствует: надо это место проверить. Звать ребят не стал. Копнул – пошли останки. Поднимает бойца, вокруг никого – народ уже далеко ушел. Вдруг чувствует, что будто на него кто-то смотрит. Глаза поднял, а перед ним у дерева боец стоит – из 41 года. Стоит и смотрит. Друг попытался встать и не смог. А боец стоит и смотрит. Стал друг дальше копать и все время на себе этот взгляд из

прошлого чувствует. Как только последнюю косточку достал – резко отпустило. Поднял глаза, а у дерева никого нет...»¹¹.

Копатель чувствует головную боль и слабость, которая проходит только при удачной находке, например, хорошо сохранившегося солдатского медальона. Он испытывает неприятное чувство, будто могилу раскапывает, если копает там, где лежат останки бойца. «Бывает, наоборот, начинаешь копать в окопе, и возникает такое неприятное чувство, будто могилу кого-нибудь раскапываешь на кладбище, даже копать дальше перестаешь. Если такое ощущение присутствует, то дальше точно кости идут»¹². Копатель слышит голоса, в т.ч. зовущие его, звуки техники. «Всякая мистика существует. Я слышал голоса, невнятно, вроде как окликает. Солдатики в 2009 году во время учений двух немцев видели, но я им не верю. Хрени всякой очень много, а баек еще больше»¹³.

Некоторые поисковики обладают способностью чувствовать близость захоронения. «Слава Солопов, который впервые пошел в поход, проснулся среди ночи и указал место, где лежат останки: мол, там, за горой, – вспоминает Орешета. – Мы пошли туда, нашли кости и сгнившие полушубки. Затем Слава указал место гибели остальной части разведгруппы. Мы ошалели, а он сказал, что голоса павших звали его»¹⁴.

Бывали случаи, когда члены поисковых отрядов слышали голоса, которые помогали найти место, где лежит тело конкретного солдата (с именем и фамилией). «Или вот одна девушка вечером раскапывала бойца. И вдруг к ней мужчина в красноармейской форме подходит, останавливается и смотрит. Она внимания особого сразу не обратила – отрядов тут много стоит, многие парни в форме ходят. А он и говорит ей: “Ты, как его раскопаешь, вот здесь покопай, тут еще один лежит. И вон около той осины тоже. А вот здесь, под елкой, я умер!” Девчонка, конечно, падает без сознания. Потом, когда пришла в себя и все рассказала, пошли проверили это место – во всех местах, на которые этот мужик указал, нашли останки. И под елкой тоже бойца нашли. Среди костей – металлические пуговицы РККА со звездочками. Наш, значит, был красноармеец...»¹⁵

Известны случаи, когда поисковики слышали голоса, мольбы о помощи, а через какое-то время натыкались на останки детей или женщин¹⁶.

Также копатель порой слышит звуки боя. «По мнению его коллеги Андрея Забелина из великолукского отряда “Высота”, именно эти странные явления в конечном итоге привели его в среду поисковиков:

– Когда я еще учился в школе, мы пошли в поход по местам боев. <...> Вдруг я неожиданно услышал звуки боя: выстрелы, рев орудий, крики солдат, идущих в атаку. Ошеломленный, я не мог сдвинуться с места. Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Потом я рассказал одноклассникам о своих ощущениях, и многие признались, что с ними происходило нечто подобное»¹⁷.

Поисковик иногда слышит стон перед тем, как найти часть тела погибшего бойца. «Тут в “уши” стон прорвался. И сразу кость на лопате – предплечье и больше ничего»¹⁸. Также он видит сны (в первую ночь всем поисковикам отряда может сниться один и тот же сон), в которых он словно переносится в другое время или смотрит на местность глазами погибшего в данном месте бойца. «Ни для кого не секрет, что земля в таких местах пропитана кровью, болью, страхом... Я сама являюсь поисковиком, ездила на Вахты, и много всяких случаев происходило на моей памяти. К примеру, на Вахте памяти под Смоленском в первую ночь всем снился один и тот же сон – будто нас бомбят с воздуха»¹⁹.

Поиск для настоящего копателя – образ жизни, и опасность подорваться его не останавливает. «Выкопал поисковик гранату, стал чистить, и тут граната падает, чека от нее отлетает, и граната начинает шипеть. У поисковика подкашиваются ноги, он в шоке падает на землю и начинает молиться:

– Господи, помоги! Спаси меня! Не дай погибнуть в расцвете лет! Обещаю, что если останусь жив, то больше никогда, никогда не полезу в лес, навсегда забуду про лопаты и минаки!

Господь видит: парень вроде неплохой, решил помочь и сотворил чудо. Граната рванула, а у поисковика ни одного повреждения. Поисковик встал, отряхнулся и пошел копать дальше. Идет и думает:

– Ну что за напасть, и лезет же с утра всякая чепуха в голову. От вчерашнего, что ли?»²⁰.

Может поисковик общаться и с душами погибших красноармейцев. «Выглянуло солнышко, пригрело. Холодная та “Вахта” была. Дождливая и холодная. А тут солнышко. Прилег на полянке. Погреться. Задремал...

Вдруг из кустов выходят четверо. Трое в форме бойцов РККА, один в командирской форме. Поисковики что ли? Почему с винтовками? Почему...

– Спишь? Мы вот тут лежим...

Просыпаюсь. Сердце бешено колотится. Холодный пот. Убежал с той полянки. Через три дня вернулись. Подняли четверых. У троих винтовки...»²¹. При этом поисковики иронизируют насчет своих способностей. «Куплю средство от привидений. СРОЧНО!»²².

В целом копателям не чужда самоирония. «Копарь – это звучит гордо. А выглядит еще хуже»²³. «Чем отличается веселый кладоискатель на слете от грустного? У веселого зубы в мошкаре!»²⁴.

Свойственен поисковикам и черный юмор. Нередко копатели сравнивают себя с представителями разных профессий и субкультур²⁵. «Какая разница между скалолазом и поисковиком? В скалолазании – сначала «Ой, БЛИ-И-И-И-Н!!!!», потом «ШМЯК!!!». В поиске – сначала «дзин!», потом «ой, бли-и-и-и-н!..»»²⁶.

Иногда поисковики рассказывают о встрече с кабанами, лосями, волками или медведями, размещают фотографии на форумах. Вариант такой встречи: «Три медведя делят поисковика. Первый: «У меня ноги – сытый буду!» Второй: «У меня голова – умный буду!» Третий: «А я опять, как дурак, схватил Е-трак²⁷: копать придется...»»²⁸.

Иногда на форумах жалуются, что многие анекдоты о копателях – это шутки «с бородой», в которых обычного человека заменили на копателя. «Из речи бывалого поисковика: «Устройство этого взрывателя я знаю как свои три пальца!»»²⁹ Отражают подобные анекдоты и сложные взаимоотношения с властями.

«Мама пишет письмо сыну «черному копарю» в тюрьму:

– Сынок, с тех пор, как тебя посадили, мне все тяжелее справляться по хозяйству. Вот сейчас надо огород перекопать и картошку посадить, а помочь некому.

Сын отвечает:

– Мама, Вы огород не трогайте, а то такое выкопаете, что и Вас посадят, и мне срок добавят.

Мама:

– Сынок, после твоего последнего письма приходили милиционеры, весь огород перекопали, ничего не нашли. Ушли злые, матерились.

Сын:

– Чем смог – помог. Картошку сами посадите»³⁰.

Итак, копатель, как правило, удачлив. Он может договориться о помощи как с духами, так и с высшими силами, в т.ч. с Богом. Он не прочь выпить алкогольный напиток для расслабления после тяжелой работы, что сближает его с образом типичного археолога. «Настоящий археолог может не спать, только пить и копать»³¹.

В пословицах, поговорках и анекдотах зачастую создается, как уже было отмечено, собирательный образ не столько «красного» («белого») копателя, т.е. официально занимающегося поисковыми работами, сколько «черного» копателя, имеющего много схожих с кладоискателем и археологом черт. «Ночью все археологи серые»³². «Коп – это смысл жизни!»³³.

Поисковик – персонаж, для которого работа в лесу стала частью жизни, а во многом и ее смыслом. У него не всегда простые взаимоотношения с властями и местными жителями. Но отказываться от опасной деятельности он не намерен.

¹ ArexSan // «Тайны черных копателей» (2005). URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=714261> (дата обращения 18.12.2013).

² Ивакин А.Г. ЖЖ. Есть отзывы, которые... URL: <http://ivakin-alexey.livejournal.com/tag/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0.%20%D0%91%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5> (дата обращения 25.05.2013).

³ Данные пословицы представлены на десятках сайтов поисковиков и кладоискателей, в т.ч. на «Рейберте».

⁴ Шутки, анекдоты про коп. URL: https://vk.com/topic-30541427_28328743 (дата обращения 29.12.2013).

⁵ Там же.

⁶ Группа военной археологии «Искатель». URL: <http://www.1942.ru/bayki.htm#new> (дата обращения 22.01.2013).

⁷ Мирная И. Другая жизнь. Сорок рассказов о поисковиках и солдатах. Иваново: Наша Родина, 2003. С. 5–6.

⁸ Лишафа Артем. Поисковый отряд «Отечество». Казань. URL: http://vk.com/topic-902687_8446198; Группа «Поисковый отряд «Рубин» (Новгород)». URL: <http://vk.com/club11548938> (дата обращения 03.04.2009).

⁹ «Рейберт». URL: <http://reibert.info/threads/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B->

- %D0%9A%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B9.403995/
(дата обращения 28.12.2013).
- ¹⁰ Рассказ копателя // Страшные истории. URL: <http://4stor.ru/histori-for-life/26052-rasskaz-kopatelya.html> (дата обращения 10.06.2014).
- ¹¹ Савич Анна. Маленькие рассказы о Великой Войне // Поисковое братство. URL: http://vk.com/topic-1512043_22765581 (дата обращения 12.02.2012).
- ¹² Рассказ копателя. Указ соч.
- ¹³ ПМА. Артамонов Алексей, 1982 г. р. Офицер. Работает в ВАР ПВО ВС РФ, Смоленск.
- ¹⁴ Истории поисковика // Страшные истории. URL: <http://4stor.ru/histori-for-life/9066-istorii-poiskovika.html> (дата обращения 04.03.2014).
- ¹⁵ «А вот здесь я умер» // Группа военной археологии «Искатель». URL: <http://www.1942.ru/bayki.htm> (дата обращения 15.07.2013).
- ¹⁶ Под березой // Страшные истории. URL: <http://4stor.ru/histori-for-life/53665-pod-berezoj.html> (дата обращения 14.08.2013).
- ¹⁷ Подсказки от сущностей // Группа военной археологии «Искатель». URL: <http://www.1942.ru/bayki.htm> (дата обращения 10.08.2013).
- ¹⁸ Рассказ копателя. Указ соч.
- ¹⁹ Под березой. Указ. соч.
- ²⁰ Лишафа Артем. Указ соч.
- ²¹ Ивакин А.Г. Я живу в ту войну. URL: http://okopka.ru/i/iwakin_a_g/text_0040.shtml (дата обращения 16.09.2012).
- ²² Круткин Андрей. Шутки, анекдоты про коп. URL: https://vk.com/topic-30541427_28328743 (дата обращения 29.12.2013).
- ²³ «Рейберт». Указ. соч.
- ²⁴ Клуб смоленских кладоискателей. URL: <http://smolklad.ru/forum/11-1813-1> (дата обращения 28.05.2012).
- ²⁵ Форум кладоискателей. URL: <http://www.mdregion.ru/forum/viewtopic.php?f=40&t=59&start=40> (дата обращения 18.02.2012).
- ²⁶ «Тризна». URL: <http://www.trizna.ru/forum/viewtopic.php?p=174682> (дата обращения 16.04.2011).
- ²⁷ Модель металлоискателя – примеч. автора.
- ²⁸ Кладоискатель/Поисковик/Металлоискатель/Нумизмат. URL: https://vk.com/wall-30541427_341003?reply=341057 (дата обращения 28.12.2013).
- ²⁹ «Тризна». Указ. соч.
- ³⁰ Анекдоты про кладоискателей // Форум кладоискателей. URL: <http://smolklad.ru/forum/11-1813-2> (дата обращения 28.05.2013).
- ³¹ ПМА. Коровина Анастасия Алексеевна. Филолог. 1993 г.р. Москва.
- ³² «Рейберт». Указ. соч.
- ³³ Там же.

Конструирование групповой идентичности в процессе ролевой игры

В настоящее время в России и в мире все большую популярность набирает специфический тип развлечений – ролевые игры живого действия. В России они появились к концу 1980-х годов¹, и на данный момент субкультура, выросшая из первых игр, состоит из многочисленных локальных сообществ ролевиков, сложившихся в основном по географическому признаку (несколько сообществ в Европейской части России, сообщества Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также зарубежных стран с большим процентом русскоязычного населения – Украины, Белоруссии, стран Балтии, Израиля).

Ролевые игры (далее РИ) в целом определяются как «вид интеллектуального развлечения для группы лиц, состоящий в воспроизводстве гипотетических жизненных ситуаций, представленных в форме конкретных сюжетов, при посредстве формальных моделей и с участием ведущего (“мастера”), исполняющего функции сценариста и арбитра»². Иными словами, для участника – это принятие на время игры выдуманной личности персонажа, который действует в определенном воображаемом игровом мире, и взаимодействие с партнерами по игре от имени и посредством этого персонажа с соблюдением правил игры. Существует несколько основных типов РИ, различающихся в зависимости от того, каким образом реализован персонаж: вербально (игрок вслух проговаривает действия, совершаемые персонажем, как если бы рассказывал историю), на компьютере – путем управления изображением персонажа на экране, или физически (игрок изображает персонажа в пространстве при помощи своего тела). Этот последний тип и называется ролевыми играми живого действия (live-action role-playing games, larp), о которых пойдет речь далее.

Данное исследование посвящено феномену, называемому ролевыми «выпадением из игры». Сами игры в рассматриваемом сообществе обычно длятся от суток до недели, и в течение всего этого времени игрокам предписывается непрерывно изображать персонажа, не переходя на внеигровую идентичность. В дискурсе сообщества и в правилах к играм эксплицитно осуждается такой переход («выпадение из игры»), однако было бы неверным думать, что осуждаемое явление

отсутствует. Систематические наблюдения показали, что «выпадения» случаются на каждой игре: по разным причинам игроки перестают изображать («отыгрывать») персонажей и начинают взаимодействовать в рамках своих повседневных идентичностей, или сам игрок отвлекается от игрового мира и своего образа, думая о чем-то внеигровом. В результате работы была создана классификация различных элементов ситуации «выпадения из игры»³, однако в данной статье мы рассмотрим только один из типов такого «выпадения» – намеренные кратковременные переключения во внеигровую реальность с целью актуализации внеигровой групповой идентичности и чувства принадлежности, основанных на общем, разделяемом опыте участников ситуации.

Сбор данных проводился методом систематического самонаблюдения группы⁴: каждый собиратель в процессе игры фиксировал все случаи, которые он субъективно воспринимал как «выпадение из игры». Всего в работе участвовало 15 собирателей, а также привлекались данные из интернет-отчетов игроков, не занятых в наблюдении; работа проводилась на 13 ролевых играх живого действия, проведенных в период 2012–2013 гг. под Москвой и Санкт-Петербургом (важно, что рассматривалось сообщество именно этих регионов); в результате была собрана база данных, насчитывающая порядка 600 эпизодов «выпадения из игры». Далее собранный материал обрабатывался с опорой на идеи анализа фреймов И. Гофмана⁵.

В результате анализа базы данных было выявлено четыре основных типа внеигровых (т.е. относящихся к повседневному фрейму) групп, принадлежность к которым тем или иным образом постулировали ролевики в процессе ролевой игры. Эти типы можно представить в виде системы вложенных уровней, от наиболее широкого к самому узкому. В общем виде эти уровни конструируются следующими типами эксплицитных и имплицитных отсылок, порождаемых игроками в процессе коммуникации в игре:

- отсылки к общекультурным (внеролевым) феноменам, связанные с тем, что члены сообщества являются молодыми людьми современной России, жителями мегаполисов, пользователями Интернета, по преимуществу студентами или людьми с высшим образованием и проч.;

- отсылки к внутригрупповому уровню: слэнгу, нормам и практикам данного сообщества;

- отсылки к субгруппам ролевиков, сформировавшимся по какому-то признаку внутри ролевого сообщества;
- отсылки к некоторому конкретному эпизоду другой игры, имевшей место в прошлом.

Как видно из приведенной классификации, идентичность может подразумевать как очень широкую группу (условно говоря, молодежь современной России), так и очень узкую (игроки предыдущей игры, встретившиеся на следующей). Рассмотрим эти уровни подробнее с примерами.

Уровень 1: общность «образованная молодежь современной России»

В данную категорию входят прямые или косвенные упоминания игроками реалий и феноменов, неспецифических для ролевого сообщества. Такие отсылки касаются не всего культурного опыта, характерного для любого жителя России, а той его части, которая релевантна для участников группы: знание русской и зарубежной литературы, кино, знакомство с актуальными тенденциями Интернета, осведомленность о политических и социальных процессах в стране и мире и т.д.

Немалую часть таких отсылок занимают отсылки к литературным произведениям; в первую очередь к тем, которые являются частыми источниками игровых миров и, как следствие, хорошо знакомы ролевикам (а значит, отсылка будет прочитана и эффект отправителя будет достигнут): «Властелин Колец», «Сильмариллион» и другие произведения Дж.Р.Р. Толкиена, эпопея о Гарри Поттере Дж. Роулинг, цикл «Ведьмак» А. Сапковского, сага «Песнь Льда и Пламени» Дж. Мартина. Однако популярным фэнтези дело не ограничивается: игроки также цитируют другие произведения – к примеру, русскую классику (М. Булгакова, А. Чехова, Ф. Достоевского). В частных случаях могут цитироваться другие известные авторы – например, А. Аверченко, М. Павич – или даже древнегреческие поэты (так, однажды нам довелось распознать на игре по Толкиену пересказанное прозой стихотворение Архилоха «На остром копье замешан мой хлеб», вполне органично звучавшее в устах персонажа – молодого воина).

Также немаловажными являются элементы современной визуальной культуры: так, многие из упомянутых выше книг экранизированы, что позволяет использовать не только сюжетный и цитатный фонд, но и визуальные отсылки; кроме того, в сообществе популярны некото-

рые сериалы – например, «Доктор Кто», что также может отражаться в упоминаниях игроков в процессе игры.

Поскольку ролевики являются активными пользователями Интернета, то в их речи часто фигурируют интернет-мемы, анекдоты, порожденные в Сети, отсылки к известным изображениям, видеороликам и прочему интернет-контенту (так, к примеру, на одной исторической игре рыбак, торговавший рыбой, убеждал покупателей, что у него продается «здоровенный язык!»⁶). Также активно используется и внесетевой общенародный фонд прецедентных текстов, паремий и прочих малых жанров, не сводимых только к просмотренным фильмам и прочитанным книгам (например, «Ведьмачатам нечего терять, кроме своих цепей!» – с намеком на необходимый элемент костюма персонажей – медальон на массивной цепи).

Кроме этого, ролевики также используют отсылки на социальные и политические события России – как исторические, так и современные. К примеру, летом 2013 г. на большой полигонной игре «Первая Эпоха» по мотивам «Сильмариллиона» Дж. Толкиена родился такой анекдот:

Войско эльфов собралось перед Ангамандо [крепость стороны зла – О.В.], крики «Айя Феанаро!», «Моринготто [Властелин зла – О.В.], выходи на бой!»

– Интересно, а Моринготто нам что-нибудь скажет?

– Он скажет: «Ваш митинг не согласован!»⁷

В данной шутке обыгрываются события 2011–2013 г., связанные с протестными митингами, поскольку многие члены сообщества принимали участие в этих событиях, а, следовательно, данная тема была для них актуальна. Кроме того, поскольку события имели широкое освещение в интернете, этот дискурс был знаком всем присутствующим вне зависимости от их реального участия в митингах. Таким образом, подобный анекдот, с одной стороны, постулировал общность присутствующих по признаку «мы все знаем, о чем здесь речь», а с другой, создавал общность тех, кто непосредственно принимал участие в митингах. То есть, по факту такая цитата работает как фильтр, чтобы узнать «своих», и как средство актуализировать эту принадлежность.

Уровень 2: общность «ролевики данного сообщества»

Как уже было сказано, мы рассматриваем не всю субкультуру ролевиков России вообще, а ее конкретное сообщество. Сообщество объединяется общим слэнгом (который, стоит отметить, порой весьма

различается у ролевиков разных регионов), нормами и практиками, а также известными его членами. Важно отметить, что в русскоязычных ролевых сообществах в России, Украине, Белоруссии, Израиле и других странах их члены в подавляющем большинстве случаев имеют никнеймы⁸, которые известны в сообществе более, чем настоящие имена. Таким образом, конструированием групповой идентичности на уровне сообщества можно считать намеренное употребление никнеймов или имен игроков вместо имен их персонажей, а также вербальные или невербальные апелляции к слэнгу, нормам и практикам сообщества.

В качестве примера приведем следующий эпизод:

Мой персонаж вызван в лекарскую для разговора с наставником и чародеем. Они разговаривают сначала со мной, потом начинают общаться между собой, переходя на обсуждение игры уже как игроки.

Наконец Л., игрок чародея, замечает наставнику: «Ты девочку-то отпусти, чтобы не рушить хрустальный замок»⁹.

В данном случае использована отсылка к внутригрупповому фразеологизму «хрустальный замок игры», означающий некоторое идеальное представление об игре, существующее в голове конкретного игрока. Словосочетание впервые появилось в нашумевшем посте в Живом Журнале одного из влиятельных участников сообщества и в дальнейшем прочно вошло в лексикон группы.

Уровень 3: общность «подгруппа ролевиков»

Отсылки к этому уровню могут использовать участники, имеющие, помимо «общеролевой» идентичности, еще какую-то более частную в рамках ролевого сообщества. Подавляющее большинство таких «субгрупповых» идентичностей в нашей базе данных относится к участникам так называемых сериальных игр – ряда игр об одном и том же мире со сквозным сюжетом и в основном сквозными персонажами. Подобные «сериалы» нарабатывают вокруг себя плотные группы участников, которые даже после окончания сериала разделяют весьма значительный набор общих знаний, навыков и опыта. Так, в рассматриваемом сообществе наиболее заметным явлением подобного рода стал сериал «Хогвартские сезоны» (2005–2011) по миру «Гарри Поттера», породивший многочисленные продолжения и заложивший основы целой взаимосвязанной системы правил игры, которая целиком или в

немалой части заимствуется теперь большинством игр по данному миру.

Рассмотрим пример постулирования групповой идентичности такого рода, примечательный, во-первых, тем, что был понятен только посвященным и не выглядел странным для случайного свидетеля, а во-вторых, был невербальным.

Чинно прогуливаемся по Краснодару (бывшие белогвардейцы, выдающие себя за советских элпманов). К нам в очередной раз пристаю рыбаки в тельняшках, настаивая, чтобы мы купили у них рыбу. Рыбаков играют мастера другой игры, хорошо нам известной. Когда они окончательно достают нас своими приставами, мой спутник произносит: «Я знаю, как от вас защититься!» – открывает над нами зонт, и мы уходим быстрым шагом. Все участники неудержимо улыбаются¹⁰.

Казалось бы, что здесь странного: нарядно одетая пара беседует с рыбаками, потом открывает зонт и уходит. Однако суть в том, что все четверо участников ситуации принадлежат к подгруппе участников «Хогвартских сезонов», а открытый над головой игрока зонт в рамках этого сериала обозначал отсутствие персонажа этого игрока в игровом пространстве. Таким образом, ситуация для участников выглядит так: белогвардейцы хотят закончить надоевший им разговор, однако внутриигровыми методами сделать этого не получается. Тогда молодой человек открывает зонт, показывая этим, с одной стороны, что разговор закончен, тем самым устанавливая дистанцию между коммуникантами (персонажи как бы исчезли из пространства – правда, согласно правилам сериала, а не текущей игры), а с другой – наоборот, постулируя общность участников ситуации, намекая на разделяемый присутствующими опыт «Хогвартских сезонов». Как видно из реакции игроков, они получили удовольствие от подобной «игры в загадки».

Стоит отметить, что именно данная категория отсылок – к общему опыту сериальных игр – является наиболее распространенной в нашей базе данных, появляясь порой с паразитической настойчивостью. Зарегистрировано также несколько случаев, когда участники подобной субгруппы отклоняли и даже пресекали попытки других членов построить групповую идентичность таким образом. Также необходимо отметить, что не-участников подобных групп, случайно ставших свидетелями, часто раздражает такое поведение – не в последнюю очередь, видимо, из-за оккультной стратегии «поймут только посвященные».

Уровень 4: общность «участники конкретного эпизода конкретной игры»

Этот тип отсылок имеет много общего с предыдущим. Основное отличие его в том, что в данном случае групповая идентичность оказывается текучей, ситуативной, и не существует вне конкретного эпизода в игре, напомнившего участникам их предыдущий совместный опыт, тогда как групповая идентичность участников сериальной игры хорошо осознается как самими участниками, так и прочими членами сообщества. Кроме того, построение групповой идентичности участниками большого проекта не требует их непосредственного взаимодействия в процессе сериальной игры, не требует даже одновременного их присутствия на той или иной игре сериала – для факта «причастности» хватает разделенной базы знаний, навыков и сходного опыта.

В качестве примера приведем эпизод с игры о послереволюционной Советской России:

Очень напряженный эпизод, когда нам не хватает мыла (жизненно важный игровой ресурс), и мой игровой брат делится со мной. Я, глядя ему в глаза, с нажимом спрашиваю: «Это правда твой запасной, <а не твоя собственная пайка>?»¹¹.

В данном случае, как и в предыдущем, отсылка не читается сторонним наблюдателем: казалось бы, заботливая сестра уточняет у брата, хватит ли ресурса ему самому. Однако эти игроки переживали аналогичный опыт на игре о революции в Испании, на которой они тоже играли брата и сестру, где ситуация происходила с точностью до наоборот: сестра отдала брату свой игровой ресурс, при том, что ей самой не хватило. В данном высказывании эмфазой игрок сестры, помимо очевидного смысла, высказывает следующее: 1) «я помню, что такое мы с тобой уже играли», 2) «я помню, что тогда отдала тебе последнее», 3) «я не хочу, чтобы ты сейчас поступал, как я тогда».

Это наиболее «индивидуальный» тип групповой идентичности, который, как правило, объединяет не более двух-трех игроков в эпизоде, а также встречается значительно реже «субгрупповой» принадлежности, поскольку ситуации, заставляющие игроков отсылать к довольно обширному и проработанному общему культурному контексту, случаются гораздо чаще, чем совпадение конкретных игроков в конкретных аналогичных ситуациях на разных играх.

Процесс ролевой игры является продуктивным периодом для конструирования и демонстрации групповой идентичности на разных уровнях. Это происходит посредством переключений фрейма с игрового на внеигровой, субъективно называемых участниками «выпадениями из игры». Такие «выпадения» в подавляющем большинстве случаев оцениваются ролевыми как негативное, нежелательное явление, однако для актуализации той или иной неигровой идентичности игроки готовы нарушать собственные запреты и использовать такие переключения стратегически; при этом эти переключения осуществляются намеренно и могут оцениваться положительно не только самими «авторами», но и свидетелями. Важно, что подобные переключения не имеют прагматического смысла для самой игры (не служат для решения проблем, возникших в процессе игры; не помогают персонажу победить соперников и проч.). Кроме того, важно, что подобные отсылки часто бывают изящно «спрятаны» в игровой реальности: вероятно, особым удовольствием от игры является имплицитное кодирование в данной игре элементов, не принадлежащих реальности игры, и способность адресатов их расшифровывать. Это дает игрокам новые возможности импровизации и новые уровни смысла.

- ¹ Писаревская Д.Б. Ритуализованные практики в субкультуре ролевых игр // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов. М., 2009.
- ² Медведев Е.А. Субкультура участников ролевых игр и методы исследования ее воздействия на личность. Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2003.
- ³ Воробьева О.В. Переключения фреймов в ролевой игре живого действия: способы поддержания взаимосогласованной социальной реальности. Магист. дисс. по антропологии. СПб., 2014.
- ⁴ Подробнее о методе см.: *Rodriguez N., Ryave A. Systematic Self-Observation.* London: Sage, 2002.
- ⁵ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., Институт социологии РАН, 2004.
- ⁶ «Здоровенный язь» – интернет-мем, возникший из видеоролика, в котором рыбак Виктор Гончаренко весьма эмоционально выражает свой восторг по поводу поимки этой рыбы. Ролик приобрел огромную популярность осенью 2011 г., спровоцировав волну творчества по мотивам. Ролик доступен по адресу URL: <http://www.youtube.com/watch?v=alFsJe8lOnE> (дата обращения 01.03.2015).

⁷ Цитата приводится по самозаписи участницы игры, которая выложила ее в своем блоге, охарактеризовав как анекдот, ходивший среди игроков во время игры.

⁸ Первоначально – в 1990-е годы – никнеймы брались в основном из произведений Дж.Р.Р. Толкиена; со временем развилась даже практика «защиты имени», когда член, решивший взять «громкое» имя, должен был доказать, что достоин его. Подробнее об этой практике см.: *Баркова А.Л.* Толкинисты: пятнадцать лет развития субкультуры // *Молодежные субкультуры Москвы* / сост. Д.В. Громов. М., 2009.

На данный момент никнейм может быть любого происхождения, включая конкретную форму обычного имени; практика «защиты имени», взятого из известного произведения, отошла в прошлое.

⁹ ПМА.

¹⁰ ПМА.

¹¹ ПМА.

Раздел IV

Традиционные и новые модели идентичности

М.В. Васеха

Конструирование новых поведенческих моделей сибирячек под влиянием всесоюзной и сибирской прессы 1920-х годов*

Освещение вопросов новой советской политики в отношении семьи, брака и положения женщины в обществе происходило наиболее ярко и полно на страницах федеральной и, особенно, региональной женской прессы. В 1918 г. при ЦК партии была создана специальная комиссия по пропаганде и агитации среди женщин для вовлечения их в общественно-политическую и профессиональную деятельность.

Вся женская пресса 1920-х годов носила агитационно-просветительский характер, в ней преобладала манипулятивная коммуникативная стратегия, когда захватывалось смысловое пространство, а читательской аудитории навязывалось определенное видение реальности. В это время средства массовой информации были основными проводниками новой советской идеологии, главным средством пропаганды¹ по вопросам «раскрепощения» женщин, нового брака и семьи. В сибирских селениях газеты и журналы были первостепенными источниками, руководством к практическим действиям для женщин-активисток. Отражая общую партийную линию, статьи и заметки адаптировались в сибирских изданиях к местным проблемам и условиям. В печати были выражены политические устремления официальной власти в отношении семейной политики, публикации текстов идеологов новой советской семьи. Именно со страниц газет и журналов «Красная сибирячка», «Сибирская деревня», «Крестьянка», «Коммунистка» и пр. информация доходила непосредственно до населения.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-51-00008.

Обслуживавший Сибкрай журнал «Красная сибирячка» выделялся сильной литературной составляющей, прекрасными иллюстрациями и серьезным напором пропаганды. Помимо «дежурной» информации из центра и состоянии дел «на местах», каждый журнал содержал несколько талантливых рассказов и стихи. Материалы «Сибирячки» буквально «продавливали» читателя напором художественных метафор, ярких образов, разбавленных «железными» аргументами. Читатель профессионально подводился к «правильным» выводам.

На страницах всех женских журналов 1920-х годов **создавался образ женщины-активистки**, на которую в своей деятельности должны были ориентироваться те, кто последовательно занимался «перевоспитанием» женщин. Например, в журнале «Красная сибирячка» в рассказе «Бабий предводитель (очерк с натуры)»² в форме художественного рассказа описывалась история успеха женорганизатора среди деревенских женщин, называющихся в журнале не иначе как «бабы». Давалось описание социальной принадлежности главной героини – Поли Каураковой – делегата от женщин дер. Худяковой, которая и есть тот самый «бабий предводитель, как ее насмешливо называют худяковские мужички»: «До революции в городе по прислугам жила, в няньках да горничных у богатых служила, многое кое-чего повидала, да многому научилась, а когда волной неотвратимой покатила по России революция – ни одного митинга не пропустила. С женотделом связь завязала. Глотала книжки ненасытно. И в один прекрасный день поехала в родную Худякову на работу». Молодая женщина оценила обстановку в деревне как сложную – «люди те же суровые, скрытные, живущие по старым правилам», «тут нужно, ох как осторожно к бабам подходить». На первом же собрании часть женщин сразу же его покинули со словами: «Ежели насчет коммунии – так мимо нас подалее». Однако, описывается в рассказе, остались «четыре солдатки-вдовухи, да две молодых бабочки из замужних, да три девки молодых, да любопытных». Собственно, первой целевой аудиторией, как женских журналов, так и всего местного женского движения, были группы социально неустроенных женщин и молодежь, которая уже в полную силу воплощала новые жизненные стратегии и поведенческие стереотипы.

Успехи работы Поли оказались весьма впечатляющими: «по ленинскому призыву пять худяковских баб принимали», «солдатки-вдовухи хлеб сообща засеяли, бабью коммуну устроили», «ясли открываются в Худяковой», «в комитет две бабы членами избраны»,

«неграмотность среди баб ликвидируется». Статья завершалась словами Поли: «Капля камень долбит!», которые должны были вдохновить последовательниц бабьего предводителя не опускать руки и активно действовать в работе с женщинами на селе. В целом сложности, описанные в рассказе, подтверждаются архивными документами – докладами активисток женотделов и волорганизаторов с мест. Пожалуй, только успехи главной героини в рассказе несколько преувеличены, поскольку количество яслей в сибирской сельской местности оставалось ничтожно малым. Так же, как и процесс обучения женщин грамоте имел небольшой успех в деревне, поскольку сами женщины чаще всего не хотели или не могли посещать курсы ликбеза³.

Редакции журналов понимали, что в силу возрастных психологических особенностей, молодежь гораздо более восприимчива ко всему новому. Молодые люди не имеют большого жизненного опыта и с большим воодушевлением воспринимают идею ломать старое и строить абсолютно новое. На страницах прессы 1920-х годов появилось множество художественных произведений (рассказы, фельетоны), где обосновывалось право детей на бунт против матери и отца – «темных» представителей «старого мира». Именно молодое поколение находило «правильные решения вопросов», здраво рассуждало о различных проблемах, поучало и личным примером показывало старшему поколению, как нужно жить «правильно».

Усугубление конфликта «отцов и детей» в печатных СМИ, имевших высокий кредит доверия среди молодежи, способствовало дезорганизации внутрисемейных отношений, созданию разрыва межпоколенных связей. Так, в рассказе «Делегатка»⁴, подписанном псевдонимом *Снегобай*, рассказывалось о молодой женщине Груне, которую жительницы деревни решили отправить на женский съезд в город как делегатку. Однако свекры-старика, с которыми она продолжала жить после смерти мужа, не пускали ее и говорили: «Да рази бабы – опчество?», «Не бабья забота по митингам шляться!», «Правов вам таких не дадено!». Однако «еледатка» отбилась от нападков со стороны «старого» мира и с помощью других прогрессивных женщин собралась в дорогу. В рассказе подчеркивалось, что мужики в дорогу ничего не дали. На съезде ее определили на курсы в город Петроград, где она осталась учиться и потом стала помогать другим женщинам и больным детям. Таким образом, рассказ преподносил одну из новых женских жизненных стратегий: женщина вырвалась из старого, прогнившего

мира в новый, к свету и учебе, где смогла отдать себя служению людям. Важно обратить внимание на то, что автор поставил свою героиню в ситуацию вдовства и отсутствия детей.

Тема женского служения обществу довольно часто звучит на страницах изданий. Так, например, женщин, участвовавших в революционном движении, изображали как страдальца за идею, воплотивших в своем образе жизни безымянную жертву во имя революции, которым было не нужно ни благодарности, ни сожаления. Биографии женщин – героев революционных событий и гражданской войны, как общесоюзного, так и местного масштаба с подобным пафосом печатались в рубрике «Дочери октября» журнала «Красная сибирячка». Так, например, в рассказе «Настя Холодова»⁵ Т. Ширмана описывалась совсем непростая судьба «лица командного состава и члена штаба партизанского отряда» красных во времена колчаковщины. Социальное положение описывалось достаточно типично для женщин-активисток 1920-х годов: «родилась в бедной крестьянской семье поселенца Томской губернии, 14-ти лет ушла на заработки в город, где поступила ученицей в портновскую мастерскую <...> Настя 16-ти лет вернулась в деревню к отцу, у ней уже были свои стихийно-создавшиеся, не обоснованные теоретически, но твердые убеждения. Настя начинает вести “бунтарские” речи среди деревенской молодежи, за что ее и арестовывают». Далее описывается череда Настиного «активизма» – участие в восстаниях, агитация среди рабочих, множественные побеги из тюрьмы, работа конным разведчиком на Забайкальском фронте. По ходу дела она находит на фронте спутника жизни, рождает ребенка, чудом несколько раз избегает расстрела. Этот рассказ заканчивается не очень типично, главная героиня не умирает за свои идеалы, однако же «теперь Настя студентка рабфака. Цель ее, кроме главной цели ее жизни – борьбы за освобождение рабочего класса, у нее одна – воспитать свою дочь Лилу так, чтобы она продолжала то дело, за которое стойко погиб отец и борется мать»⁶.

В художественном рассказе «Танька Протасиха»⁷ повествовалось о том, как совсем еще молодую девушку Таню выдали замуж за богатого, но не любимого лавочника из соседнего села. За то, что она его не любила, тот ее бил и даже подверг вместе со свекром позорящим наказаниям. Забеременев, Таня сделала аборт, так как не хотела детей от нелюбимого человека. Потом Таня овдовела. Вскоре она влюбилась в учителя, который ликвидировал безграмотность в их селе. У них за-

вязались романтические отношения, и она «с боем», но ушла от свекровь жить к нему. Вскоре учитель стал партизаном и ушел в леса. Белые поймали Таню и пытали о местонахождении ее мужа, но она умерла и ничего не сказала. Мораль этого произведения выглядит таким образом, что лучше умереть за настоящую любовь, чем жить вообще без любви с нелюбимым. Предлагаемая женская стратегия: бороться за право на «свободу» и «романтическую любовь» любыми методами, включая избавление от ребенка от нелюбимого мужчины, презрение общества и даже смерть. По сути дела, декларируя освобождение женщины из-под семейного гнета (старшего поколения, мужчин, загруженности домашними делами и т.д.), советская власть стремилась повернуть сформировавшуюся веками женскую жертвенность и привычку служения другим на благо общественным интересам.

Тема ухода из дома, из семьи молодого человека или девушки в город, «к свету», к прогрессу и «развенчание» темного мира прошлого была весьма популярна. Печаталось множество рассказов, где заголовки говорил сам за себя: «Ответ – бесстыдники», «Дела отцов в глазах детей», «Новыми путями», «Молодые побеги к солнцу тянутся» и т.д. Это истории, где молодое поколение разочаровывается в родителях, пытается их «вразумить», перевоспитать, научить жить по-новому и, в конечном счете, покидает отчий дом. В рассказе «Ответ – бесстыдники» повествуется о том, как сыну надоело наблюдать за хлебными махинациями отца и его обманами односельчан. Пафос произведения состоит в словах сына: «Тятяка – вор, а я – пионер и больше ему не послушник»⁸. В рассказе «Новыми путями» повествуется об активном молодом человеке, принесшем в деревню «свет» из города – чтение газет. По вечерам в избе собиралась молодежь и читала газеты о том, как следует жить. Отец-старик под давлением общественного мнения деревенского мира запретил читать газеты, и сын ушел со словами «так лучше, долой с себя старые вековые лохмотья, надо жить по-новому!»⁹. Рассказ «Молодые побеги к солнцу тянутся» дает образец прогрессивной женщины, отправившей своего маленького сына в город из «дикой, темной деревни», подальше от отца, не мирившегося с «явлениями нового мира»¹⁰.

Еще одна популярная тема на страницах сибирской прессы 1920-х годов – **иллюстрация «темноты» и несправедливости старых патриархальных ценностей**: «девичьей чести», «неуместной скромности» девушки в вопросах выбора брачного партнера, подбора будуще-

го супруга родителями, брака без любви и т.д. Рассказ, напечатанный в рубрике «Старое и новое»¹¹, рассказывал о безвыходном и зависимом положении женщины в патриархальной семье. Мать и брат насильно выдали замуж девушку Дашу в 16 лет. Ей замуж не хотелось, ей не нравился будущий муж Вавило Маркович, который был старше ее на три года, а нравился ей другой – Александр. Но мать с братом приказали идти. Девушка сначала долго молчала, а потом сказала: «Он мне не глянется! Не пойду я за ево!». На что брат ответил: «Дряннина! Тебе ж лучше делают! Люди хорошие, богатые, одной веры. После смерти батюшки я тебе все равно, что отец! Чо хочу, то и сделаю, перечить не смей, а то я живо с тобой по-другому обойдусь!». Мать, в свою очередь, говорила: «Выйдешь, закон примешь, ну и полюбишь... Ты, доченька, не думай, что не пойдешь. Дело сделано. Мы стыда на себя брать не будем! Не пойдешь – как собаку из дому выгоним». Девушка глубоко переживала такое решение родных и плакала о любимом Александре. Младший брат Даши – Егорка переживал вместе с ней. Он не мог понять, почему его сестра должна выходить замуж за некрасивого и грубого Вавило Марковича. Далее анонимный автор рассказа очень подробно и с этнографической точностью описывает свадебные обычаи, однако в глазах молодого поколения – Егорки – это выглядит как «дикость». Например, обычай подклета: «свахи с молодыми рубашку сняли, на тарелку положили красными пятнами кверху, посередине стола поставили». Гости пили и похваливали: «Добра девка – уберегла!», хвалили мать и брата. Все любопытничали, друг другу эту новость передавали, а младший брат Егорка очень сердился на все происходящее и не пошел на свадьбу, где сестру силой замуж отдавали. Рассказ заканчивался словами Егорки «человек – не скотина». Из рассказа становилось очевидно, что через пару лет Егорка вырастет и уйдет из семьи, безусловно, в «прогрессивное будущее». В данном случае хоть и не предлагалось готовой женской жизненной стратегии, однако подчеркивалось унижительное и безвольное положение женщины в обществе с патриархальными пережитками. Логично предположить, что автор рассказа подчеркиванием единоверия жениха и невесты имел в виду ситуацию в старообрядческой среде, как особенно косной. Безусловно, целью данного произведения было сформировать неприятие происходившего, отвращение к браку без любви, а, в целом, к свадебным народным обычаям.

Этнографические сведения говорят о том, что свадьба с обычаем подклета сохранялась вплоть до колхозного строительства, а в 1930–40-е годы она уже перестала соблюдаться в массовом порядке. Данные, собранные в этнографических экспедициях, подтверждают, что обычай подклета в 1920–30-е годы воспринимался со стороны невест негативно, женщины считали, что именно мужчины настаивали на его продолжении¹².

Если художественные рассказы на страницах популярных изданий задавали новые модели поведения, то проблемно-аналитические статьи апеллировали к разуму, логике читателя. Наряду с откровенно пропагандистскими статьями о необходимости разрушения старой семьи и старых семейных ценностей, получении женщиной нового статуса в обществе и т.д. со временем появлялись тексты, отражавшие менее радикальную точку зрения на вопросы реформирования семьи. Так, например, в статье В. Лебедевой от 1923 г. указывалась ошибочность некоторых установок по разрушению старой семьи: «Разрушив основы старой семьи, введя институт гражданских браков, допустив небывалую легкость разводов, мы ничем не вооружим женщину, которая беспомощно стоит над своим разрушенным семейным очагом. Освобожденная политически, но экономически все еще зависимая от мужчины, потому что справиться самой с ребенком при нашей безработице и низкой заработной плате для одинокой женщины вещь непосильная»¹³.

Во второй половине 1920-х годов, после преодоления периода «экспериментов и дефамелизации», курс госполитики в вопросах семьи и брака был взят на установление «этакратического брачного порядка», характеризующегося морализаторством и ханжеством сталинского времени. Буквально в течение нескольких лет пестовавшиеся веками нормы брачного и сексуального поведения, приобрели в советской стране характер «непререкаемых» (моногамный брак, развод как позор, порицание добрачных отношений и т.д.)¹⁴. В 1928–1929 гг. положение женщины в советском обществе официально было признано «сложным», партийный журнал «Коммунистка» изменил свой курс от расшатывания семейных устоев и морали к отстаиванию интересов женщин по-новому, «без перегибов»¹⁵. За «Коммунисткой» последовали и другие женские издания.

Таким образом, популяризация новых форм поведенческих стратегий и стереотипов в художественной форме проводилась на страницах журналов. Рассказы «из народной жизни», очевидно написанные журналистами и публицистами, в доступной для народа форме создавали картину тяжелого положения женщин и молодежи в сибирской глубинке. Советские идеологи использовали действительно «наболевшие» женские темы (например, унижительный обряд свадебного подклета, определенную бесправность перед мужчинами в семье, мужское пьянство и т.д.). Предлагались и пути решения, которые в основном сводились к разрыву со старыми отношениями и поведенческими стереотипами и призывали получать образование (ликвидировать безграмотность), вставать на активную жизненную позицию, действуя наравне с мужчинами, вливаться в ряды советских активистов, начинать перевоспитывать и других женщин. Небезынтересно отметить, что из литературного контекста следует, что у большинства таких героинь отсутствовала собственная счастливая семья с детьми. В основном это были молодые незамужние одиночки, либо разочарованные в семейной жизни (после семейной трагедии) женщины, иногда вдовицы. Весьма любопытно отметить, что практически вся редакция «Красной сибирячки» и большинство ее авторов были мужчины.

В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, «ломались» поведенческие стереотипы женщин, часто живших в крестьянской патриархальной семье по принципу «стерпится – слюбится», «родители лучше знают» и т.д. В женской периодике 1920-х годов развенчивалось представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме), столь характерное для риторики женской печати конца XIX – начала XX века. Моделировались более эффективные жизненные сценарии, женщинам предлагалось занимать деятельностную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей нелегкой судьбы. Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, агитируя освободиться от «гнета отцов, братьев и мужа». Все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общественным интересам. Таким образом, политика «раскрепощения женщин», по большей части, сводилась к вовлечению женщин в общественное пространство, без по-

пыткок понять их истинные потребности, учесть их чаяния и, в конце концов, защитить их насущные интересы.

- ¹ Рукин Н.С. Идеологическая работа парторганизаций Сибири в период создания фундамента социалистической экономики и руководство СМИ // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск: ИИиФ СО АН СССР, 1976. С. 135–170.
- ² Кручина А. Бабий предводитель (очерк с натуры) // Красная сибирячка. 1928. № 8. С. 9–10.
- ³ Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 43–46.
- ⁴ Снегобай. Делегатка // Красная сибирячка. 1923. № 9/10. С. 26–30.
- ⁵ Ширман Т. Настя Холодова // Красная сибирячка. 1922. № 2/3. С. 75–77.
- ⁶ Там же. С. 77.
- ⁷ Танька Протасиха // Красная сибирячка. 1923. № 11/12. С. 6–11.
- ⁸ Ответ – бесстыдники // Сибирская деревня. 1924. № 9. С. 10–13.
- ⁹ Новыми путями // Сибирская деревня. 1924. № 8. С. 10–13.
- ¹⁰ Молодые побеги к солнцу тянутся // Сибирская деревня. 1924. № 4. С. 1–6.
- ¹¹ Старое и новое // Сибирская деревня. 1924. № 3. С. 1.
- ¹² Васеха М.В., Фурсова Е.Ф. Постельный обряд у старожилов и переселенцев Западной Сибири // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой научной конференции РАИЖИ. Т. 2. Нальчик; Москва, 2013. С. 120–123.
- ¹³ Лебедева В. Самоистребление человечества // Коммунистка. 1923. № 9. С. 5.
- ¹⁴ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89.
- ¹⁵ См. по данному вопросу: Артюжина А. На борьбу с недостатками в быту и строительстве // Коммунистка. 1928. № 5. С. 3–8; Н.А. Бабка или платные абортарии // Коммунистка. 1928. № 9. С. 48–49; Резакин А. Вырвать крестьянку из лап бабок // Коммунистка. 1929. № 2. С. 42; А.С. Вопиющие факты // Коммунистка. 1929. № 2. С. 39–40; Томсинская. Что толкает на аборт // Коммунистка. 1929. № 2. С. 40–42; и др.

**Представления о «женской чести»
в российской придворной среде
конца XVIII – первой половины XIX века**

Культивировавшееся в среде российского нобилитета понятие «честь», как и базирующиеся на нем представления о нормативном поведении, имело существенную гендерную специфику. Так, если этические установки, требования, предъявляемые в дворянском сообществе мужчине, были сконцентрированы вокруг его личностных качеств, таких как «смелость», «мужество», «сила духа», «самообладание», «верность» – слову, отечеству, долгу и т.д., то представления о «чести» женщины развиваются почти исключительно вокруг понятия «непорочности», «невинности», то есть ее «способности» воздерживаться от сексуальных контактов вне брака, следовательно, приобретают совершенно иное смысловое наполнение.

Безусловно, требования сохранения невестой девственности до вступления в брак не являются специфической чертой российской дворянской культуры, будучи универсальными как для всех новоевропейских обществ¹, так и для разных сословий царской России. В то же время, несмотря на то, что опыт «викторианского»² Запада оказывал безусловное влияние на формирование подобной системы представлений в среде российского нобилитета, следует отметить факт существования феномена «теремного затворничества»³ – практики социальной изоляции женщин благородного происхождения, существовавшей на Руси задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям западноевропейских обществ.

При этом важно подчеркнуть и специфику данных систем табу, характеризующих элитарную и народную культуры конца XVIII – середины XIX века, связанную с соответствующим размежеванием поведенческих норм в результате заимствования российским дворянством западных ценностей. Так, в крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал «природный натурализм»⁴ в отношении к сексу, понятие «честности» трактовалось буквально, то есть факт сохранения девушкой «невинности» имел, в первую очередь, сугубо физиологический смысл (что подтверждается символикой традиции определения «почестности» невесты в контексте народной свадебной

обрядности⁵, а также некоторых позорящих наказаний жен за супружескую измену⁶).

В дворянском же обществе концепт женской, а в особенности «девичьей чести» приобретает совершенно иное, «символическое» значение, причем, если в крестьянской среде строгость запретов на добрые связи и соответствующее поведение как юношей, так и девушек на протяжении XIX в. заметно ослабевает, то у дворянства подобные тенденции далеко не так сильны, более того, тексты конца XVIII – первой половины XIX века демонстрируют нам обратный процесс: на уровне дискурсивных практик наблюдается известное ужесточение морально-нравственных норм. Безусловно, следует понимать, что, возможно, подобная эволюция представлений происходила лишь «на бумаге», будучи связанной с гнетом государственной цензуры, особенно усилившимся во второй четверти XIX века, но нельзя сбрасывать со счетов и то влияние, которое официальный дискурс способен оказывать на формирование соответствующих граней общественного сознания в рамках замкнутого традиционного сообщества.

Так, в контексте дворянской системы представлений о «женской чести» оказывался значимым не столько сам факт «прелюбодеяния», сколько обширный ряд действий девушки/женщины (или, что бывало чаще, – действий по отношению к ней), устойчиво связанных в сознании представителей дворянской культуры с угрозой для ее «чести», и, соответственно, маркируемых как недопустимые. Разумеется, это не означает, что на «незаконные» половые связи знатной женщины закрывали глаза, но высокий уровень символизма, свойственный куртуазному дворянскому обществу, приковывал внимание к иному, более эвфемистическому пониманию категорий «чести» и «бесчестия».

Характерным подтверждением этому могут служить отношения Алексея Николаевича Вульфа с кузиной Елизаветой Петровной, описанные в его дневниках. В результате любовных отношений, вышедших за строгие рамки «дозволенного», девушка считает себя «полностью отдавшейся» любовнику, хотя с физиологической точки зрения это не так: «...я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представляются роскошному воображению, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу, – ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею и, вопреки моим уверениям, считала себя такою»⁷. От-

части подобную позицию незамужней девушки следует объяснить ее полной сексуальной непросвещенностью, ведь, невзирая на то, что «с молоду» от нее требуют строго «блюсти себя», никого из взрослых не заботит, что она не имеет представления, от чего именно ее предостерегают и что вменяют ей в обязанность. Поэтому, очевидно, любой физический контакт с мужчиной, выходящий за рамки ее «скромных» представлений (а в них, очевидно, входит немногое: лишь «свидания», «поцелуи»⁸, ведь дворянская девушка была сознательно исключена из какого бы то ни было дискурса сексуальности в процессе всего ее взросления вплоть до того, что существовала своеобразная внутрисемейная цензура, предусматривавшая строгий контроль за всей информацией, получаемой девицей, в том числе и за ее чтением⁹) сразу представляется ей «потерей чести».

Судя по многочисленным свидетельствам, в рамках дворянской культуры, в одно и то же время, не получивший огласки адюльтер мог не иметь никаких последствий, в то время как демонстративное «ухаживание» за чужой женой, невестой, иногда сестрой или дочерью, не вызвавшее даже, возможно, никакой ответной реакции с ее стороны, неизбежно влекло за собой вызов на дуэль от «потерпевшей стороны», то есть мужа, жениха, брата и т.д. и рассматривалось уже как оскорбление всей семьи или рода¹⁰.

Очевидно, щепетильность в вопросах «честь», доходившая едва ли не до абсурда, была напрямую связана с существованием дуэли – одного из наиболее специфических и, в то же время, наиболее значимых способов «улаживания» межличностных конфликтов в дворянском обществе конца XVIII – середины XIX века, ведь «постоянно присутствующая угроза смертельного поединка очень повышала цену слов»¹¹, что оказывало неоспоримое влияние и на поведение женщины. Безусловно, социальный институт дуэли был «привилегией» мужчин, но дуэли за «честь дамы» были достаточно распространены¹², что диктовало чрезвычайно строгие правила пристойности для женщины, ведь ее «неподобающее» поведение могло поставить под угрозу жизнь близких ей мужчин (впрочем, за «обиду» женщины мог «мстить» не только тот, кто «нес за нее ответственность» ввиду родства или супружества, не только жених или «поклонник», но и малознакомый дворянин, как это намеревался сделать А.С. Пушкин в 1822 г. в Кишиневе¹³).

Изучение поводов дуэлей «за честь женщины» могло бы, на первый взгляд, дать исключительно ценную информацию о ненорматив-

ном, скандальном, «компрометирующем» поведении женщины (или в отношении нее), что особенно важно при изучении концепта женской «чести». Однако на деле, зачастую, истинные причины таких дуэлей лежали в плоскости сугубо мужских взаимоотношений, а обвинения в «оскорблении» женщины или, напротив, в «ношении рогов»¹⁴ были бесприкрытым способом «придраться без всякой причины»¹⁵ и составляли «минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом»¹⁶.

На наш взгляд, наиболее продуктивно обратиться к женским автодокументальным текстам, представляющим данную систему морально-нравственных предписаний «изнутри». Дворянка, живущая в системе определенных представлений о нормативном женском поведении, так или иначе фиксировала их в процессе дискурса. Особенно интересными в данном контексте оказываются «Мемуары»¹⁷ графини В.Н. Головиной, которая, ввиду своей близости к великой княгине Елизавете Алексеевне, смогла подробнейшим образом описать «опасности»¹⁸ молодой супруги будущего императора, связанные с ухаживаниями за ней князя П.А. Зубова, фаворита Екатерины II. Благодаря описаниям этих «опасностей»¹⁹, можно составить представление, что именно могло «скомпрометировать» дворянскую женщину.

Так, «возмутительным» В.Н. Головина находит «проделки», в результате которых подстраивались встречи, якобы случайные, Зубова с «объектом» его любви во время прогулок²⁰. Показательно, что уже сам факт «влюбленности» Зубова в великую княгиню крайне беспокоит и ее саму, и ее наперсницу: «Ее Величество поместила меня между собой и Великой Княгиней, с которой Зубов не спускал глаз. Великая Княгиня была смущена, и я не могла быть спокойной»²¹. По собственному мнению В.Н. Головиной, это само по себе способно бросить тень на репутацию: «нет ничего бесполезнее и опаснее, как обратить внимание молодой женщины на чувство, которое неизбежно должно оскорбить ее и которое чистота и благородство души не позволяют заметить, но удивление превращает его в замешательство, которое *можно дурно истолковать*»²².

В то же время традиции не столь сдержанного межполового общения, характерные для более раннего периода, еще не окончательно отошли в прошлое и вызывали у некоторых придворных в адрес Елизаветы Алексеевны даже своеобразный упрек в ее «холодности»:

«– Дорогой друг, дорогая графиня, – сказал он [граф Штакельберг – О.Л.] мне, – чем более я вижу прелестную Психею, тем более я теряю голову. Она несравненна, но я знаю у нее один недостаток.

– Какой же?

– *А у нее не чувствительное сердце*; она слишком многих делает несчастными. Она *не умеет поблагодарить за самые нежные чувства*, за самые почтительные ухаживания...

– Да чьи же?

– Того, кто ее обожает»²³.

Интересно отметить, что в подобного рода ожидании «благодарности» за преданную любовь легко усматривается связь с западноевропейской куртуазной традицией, восходящей к средневековому рыцарству, этикет которой требовал от Прекрасной Дамы неких ответных действий по отношению к рыцарю, если она не хотела его «потерять». Под подобной «благодарностью» мог пониматься достаточно широкий спектр ответных действий знатной женщины – от сугубо этикетного проявления «милости» или дарения чего-либо до интимной близости с поклонником²⁴. Разумеется, многие вольности исконного куртуазного стиля поведения были немыслимы ни для европейских придворных обществ Нового времени²⁵, ни для российского двора конца XVIII – первой половины XIX века. Однако, очевидно, именно он лежал в основе «светских» взаимоотношений полов в высших кругах российского общества в рассматриваемый период.

Особую «опасность» для молодой женщины представляла возможность лично услышать признание в любви из уст поклонника – это, казалось, втягивало ее в определенные взаимоотношения с поклонником, что было неприлично и негативно влияло на репутацию женщины: «...кто-то сказал мне, что Зубов дает серенаду у своего окна, а услужливая Шувалова взялась провести Великую Княгиню по лужайке мимо окна и обратить внимание на Зубова, *чтобы получить одобрение его чувствам*. Я пришла в бешенство и побежала туда как можно скорее. К счастью, я догнала Великую Княгиню раньше, чем она дошла до условленного места»²⁶. Как видим, это распространяется и на те случаи, когда признание носит скорее символический, формальный характер и выражено через серенаду или, как в следующем примере, через текст романа: «однажды после обеда Колычев предложил мне от имени Зубова спеть романс <...> Я прочла куплеты и во втором увидела довольно ясно выраженное объяснение в любви. Я поблагодарила Ко-

лычева и попросила его передать Зубову, что я не хочу ни обращать на себя внимание, ни злоупотреблять добротой Ее Величества... Он ушел с тем же, с чем и пришел, и я не сказала об этом Великой Княгине»²⁷; «однажды вечером после исполнения симфонии Зубов подошел ко мне и опять предложил мне спеть тот знаменитый романс, от которого я тогда отказалась <...> Великая Княгиня, находясь рядом со мной, слышала эту просьбу и смутилась; она не смела поднять на меня глаз, и Великий Князь тоже волновался. Я встала и пошла за Зубовым к клавесину. Он хотел мне аккомпанировать на скрипке. Я спела первый куплет, в котором *ничего не было*, и остановилась. Концерт кончился <...> Великий Князь... встал на колени передо мной и самым живым образом выразил мне удовольствие, которое ему доставил мой поступок»²⁸.

Конечно, данный источник, в первую очередь, был призван поведать читателю о преданности, находчивости и благородстве его автора – графини В.Н. Головиной, однако это не влияет на ценность описываемых явлений повседневной придворной жизни, тем более, что писались мемуары при содействии самой Елизаветы Алексеевны.

На основании рассмотренных выше примеров можно сделать следующие выводы о нормативном поведении и «честь» благородной женщины в российском придворном обществе: на репутацию «честной» женщины могло повлиять не только и не столько ее поведение, сколько поведение по отношению к ней, которое от нее самой никаким образом не зависело. Следовательно, женщина выступала не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, однако этот факт никоим образом не снимал с нее ответственность, заставляя ее ужесточать внутренние запреты и табу. Она несла ответственность за свою «честь» не перед собой, а перед мужем (или отцом) и семьей в целом. Ведь, по большому счету, право отстаивания женской «честь» принадлежало исключительно мужчинам, в контексте чего «женская честь» представляла ценность не сама по себе, а как «достояние» той или иной семьи или рода.

¹ Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности. Т. I) В кн.: Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/11.php (дата обращения 01.02.2015).

- ² Несмотря на то, что термин «викторианский» строго применим лишь к Англии 1837–1901 гг., М. Фуко использует его для обозначения всех новоевропейских обществ, где господствует «двойственная модель» сексуального поведения и табуируется дискурс сексуальности. См.: Фуко М. Указ. соч.
- ³ Подробнее об этом см.: *Пушкарёва Н.Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 2 (47). С. 6.
- ⁴ *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (дата обращения: 24.02.2015).
- ⁵ Подробнее об этом см.: *Кон И.С.* Указ. соч.
- ⁶ *Пушкарёва Н.Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. URL: <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 28.02.2015).
- ⁷ *Вульф А.Н.* Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения 18.02.2015).
- ⁸ Ярким примером здесь может служить следующее высказывание «капитанской дочки» о причине ее отказа Швабрину: «Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом *при всех с ним поцеловаться...* Ни за что! ни за какие благополучия!». См.: *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // *Сочинения*. В 3-х т. Т. 3. Проза. М., 1986. С. 254.
- ⁹ *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 262–263.
- ¹⁰ *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения 27.12.2014).
- ¹¹ *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения 15.12.2014).
- ¹² *Гордин Я.А.* Указ. соч.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Гордин Я.А.* Указ. соч.
- ¹⁴ Как это было, например, в случае дуэли Пушкина с Дантесом.
- ¹⁵ *Волконский С.Г.* «Записки» // Из «Записок» князя Сергея Григорьевича Волконского (изданных в С.-Петербурге в 1902 г.). URL: <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (дата обращения 28.12.2014).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Головина В.Н.* Мемуары. URL: <http://dugward.ru/library/xviiivek/golovina.html> (дата обращения 17.04.2014).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.

²⁰ «Эта проделка иногда удавалась. Зубов встречал нас с глубоким поклоном и глядел на нас своими большими черными глазами с томным выражением смущения...» (*Головина В.Н.* Указ. соч.).

²¹ *Головина В.Н.* Указ. соч.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medieaval_times.pdf (дата обращения 27.04.2014).

²⁵ По мнению М. Фуко, именно Европа Нового времени характеризуется наиболее жесткими и всесторонними запретами в сфере сексуальности (*Фуко М.* Указ. соч.).

²⁶ *Головина В.Н.* Указ. соч.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

Репрезентация советского городского быта в музейном пространстве

В последнее десятилетие в музейных и выставочных пространствах стали появляться многочисленные выставки, посвященные советской повседневности, и эту тенденцию нельзя не заметить. Кроме того, стал активно развиваться такой сравнительно новый вид историко-бытового музея как музей советского быта. При этом музеефицируются как отдельные объекты материальной культуры советской эпохи, так и целые пространства советского быта, и чаще всего быта городского. Безусловно, музеи сельского, колхозного быта тоже существуют, но это единичные случаи. В большинстве своем они созданы по инициативе местных краеведов-энтузиастов, как, например, музей бывшего колхоза «Рассвет» в хуторе Войнов Ростовской области¹. Целью создания подобных музеев является сохранение местной исторической памяти, широкой же публике такие музеи не известны и не особенно интересны. Музеи городского быта, напротив, пользуются большой популярностью, и здесь можно выделить несколько причин. Во-первых, в городах людей, то есть потенциальных посетителей, намного больше, а во-вторых, словосочетание «советский быт» для большинства людей ассоциируется именно с бытом городским. Думается, это связано с активным характером урбанизации в Советском Союзе: если в 1926 г. в городах проживало около 18% населения страны, то по данным переписи 1979 г. – уже 62%².

Почему музейщикам стал интересен советский быт? И давно ли он стал им интересен? Попробуем разобраться в этих вопросах.

Отдельных музеев, посвященных советскому быту, в СССР не существовало, но это и не удивительно: повседневность редко оценивается современниками как полноценный объект для изучения. Однако отдельные музейные экспозиции, демонстрирующие советский быт, начали появляться еще в 1930-е годы: например, в Государственном музее этнографии в Ленинграде (ныне это Российский этнографический музей), а также в ряде краеведческих музеев страны. Целью создания таких экспозиций являлась демонстрация преимуществ нового социально-политического строя. Музей воспринимался как орудие пропаганды, так как одна из функций этого социального института – образовательно-

просветительская. Но первая попытка репрезентировать в пространстве Государственного музея этнографии советский быт провалилась, потому что метод построения экспозиции заставлял делать обратный предполагаемому вывод. Историко-бытовые экспозиции строятся, главным образом, на вещевых источниках и стараются воссоздать среду обитания человека, его повседневный быт³. В данном случае метод заключался в противопоставлении вещевых материалов дореволюционного и послереволюционного периодов по каждому отдельному народу СССР. Получалось, что вторые части каждой экспозиции были похожи одна на другую, наполнены массовым материалом (часто таким, который на музейном языке называется научно-вспомогательным), а потому по силе воздействия на зрителя уступали материалам, демонстрирующим традиционный быт народов СССР.

Вторая попытка создать в Музее этнографии народов СССР (Государственный музей этнографии был переименован в 1948 г. после передачи ему коллекций Музея народов СССР, находившегося в Москве) экспозицию, посвященную советской повседневности, состоялась в 1950-е годы и была более успешной. Тогда, как отмечает этнограф Д.А. Баранов, на музей возложили идеологическую функцию, он стал инструментом создания новых реалий, в данном случае – новой надэтнической общности, носящей название «советский народ»⁴. Метод построения экспозиции был уже иной: после просмотра традиционного быта всех народов, проживающих на территории СССР, посетитель попадал в залы, где демонстрировалась культура советского народа. Это экспозиционное пространство уже не уступало предыдущим по степени воздействия на зрителя, так как было основано на четкой концепции и построено на материалах более высокого, нежели научно-вспомогательные, уровня.

Как уже было отмечено, в Советском Союзе отдельных музеев современного на тот момент быта не существовало. Экспозиции советского быта являлись лишь частью музеев краеведческих, этнографических, а также мемориальных, в которых предметы быта советской эпохи, однако, были ценны привязкой к определенной исторической личности, а не сами по себе как артефакты.

С начала 1990-х годов экспозиции, демонстрирующие быт советского народа, из музеев исчезают в связи с тем, что исчезает и объект репрезентации⁵. Но в 2000-е годы интерес музеев к советскому вспыхивает вновь. И интерес этот уже не столько государственный, сколько частный. Этот интерес проявляется в появлении многочисленных вы-

ставок, демонстрирующих советскую повседневность. Некоторые из них даже проходили в нескольких городах и имели большой резонанс в культурной среде: например, выставка «Память тела. Нижнее белье советской эпохи», главная идея которой заключается в рассмотрении белья как объекта исследования⁶, или созданная совместно исследователями социальной истории из Нидерландов и России выставка «Вместе и врозь – городская семья в России в XX веке», которая в декабре 2014 г. закрылась в Петербурге, а до этого проходила в Москве.

Кроме выставок и отдельных экспозиций в краеведческих музеях, советская повседневность сегодня демонстрируется и в специально созданных для этого музеях. Среди них можно отметить музей социалистического быта в Казани⁷; музеи советских игровых автоматов в Москве с филиалами в Санкт-Петербурге и, опять же, в Казани⁸; музей-резиденцию «Арткоммуналка» в Коломне⁹; музей повседневной культуры Ленинграда «XX лет после Войны»¹⁰ и т.д. Музеев, репрезентирующих быт советской эпохи, появилось настолько много, что, вероятно, пора задуматься над составлением полного перечня, который помог бы в дальнейшем исследовании данной темы. На сегодняшний день перечня музеев быта советской эпохи не существует, однако, даже не зная все музеи, можно начать работу над их классификацией.

Музеи быта советской эпохи можно разделить на несколько групп по подходу к созданию самих музеев и по принципам построения экспозиции в них. Одни делают акцент на предметах советского быта как на артефактах, объектах материальной культуры и создают музей вокруг музейных предметов, не уделяя при этом внимания реконструкции пространства, в котором эти предметы некогда бытовали. Из тех музеев, что были перечислены, это, например, музей советских игровых автоматов, который арендует помещения для размещения в них своих экспонатов; музей социалистического быта в Казани также работает по тому же принципу. Такие музеи создаются на основе коллекций предметов быта советской эпохи. Схема их появления такова: есть некий коллекционер, который собрал некоторое количество вещей и создал под их показ музей. Именно коллекция является отправной точкой создания музеев такого рода.

Другие музеи считают необходимым музеефицировать не только объекты материальной культуры, но и среду их бытования. Подобные музеи появляются тогда, когда удается получить помещение, квартиру,

сохранившую что-то от советской эпохи (например, «Арткоммуналка» в Коломне), и уже дальше музей пополняется музейными предметами.

Иногда оба подхода сходятся в одном музее, и это будет третья группа музеев в классификации по принципу построения экспозиции. Например, сравнительно молодой музей «XX лет после Войны», открывшийся в августе 2014 г. на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, был создан в бывшей коммунальной квартире. Однако изначально он предполагал размещение в нем определенной частной коллекции предметов быта советской эпохи.

Другим критерием для классификации музеев быта советской эпохи является профессиональность подхода к созданию экспозиций и музеев в целом. В качестве примера музея, подход к созданию которого отмечен высоким профессионализмом, можно привести музей «XX лет после Войны», о котором уже было сказано выше. Этот музей был создан музеологом, доктором культурологии, профессором РГПУ им. А.И. Герцена О.С. Сапанжа и является одним из немногих музеев быта советской эпохи, в котором не только демонстрируются предметы советского времени, но и репрезентируется пространство, в котором они некогда бытовали. Музей создавался в строгом соответствии с заранее продуманной концепцией и совмещает в себе несколько подходов к созданию экспозиций. Наконец, в нем применяются некоторые нетрадиционные способы музеефикации и экспонирования предметов: например, все экспонаты можно трогать руками.

Непрофессиональных музеев довольно много. Один из немногих исследователей, занимавшихся этой темой, Р.Н. Абрамов называет создание таких музеев «народной музеефикацией»¹¹ и отмечает, что она носит принципиально неэкспертный характер, т.е. его инициаторами и создателями выступают не профессиональные историки и культурологи, не музееведы, а обычные люди, вдохновленные ностальгическими настроениями. Одним из важнейших недостатков подобных музеев, по мнению Р.Н. Абрамова, является способ организации музейного пространства и размещения в нем экспонатов, который далек от профессиональных стандартов музейного дела. «“Народные музейщики” соблазнены советским материальным миром: они не могут удержаться от того, чтобы не поделиться всем накопленным богатством с посетителем. Поэтому почти все пространство музеев советской повседневности выглядит, как огромная лавка старьевщика»¹². В результате посетители оказываются подавленными обилием и разнообразием нагроможденных

в музее вещей. Зато критики быта советского периода, которые оценивают его как бедный вещами, с помощью такого метода построения экспозиции, оказываются практически лишены своих доказательств. К музеям такого рода относится, например, музей социалистического быта в Казани, а также многочисленные «музеи СССР», которые хотелось бы выделить как отдельный феномен в музейном деле.

Так называемые музеи СССР существуют в нескольких городах России: в Москве¹³, в Новосибирске¹⁴, в этнографическом парке «Этномир» в Калужской области¹⁵; планируется создание такого музея в Ульяновске¹⁶. Они никак не связаны между собой, просто носят одинаковое название, которое к тому же противоречит нормам русского языка и правилам музейного дела. Музеи всегда называются по объекту музеефикации или репрезентации. Этнографический музей музеефицирует, хранит и показывает этнографические материалы, краеведческий – материалы по истории края, музей музыкальных инструментов – музыкальные инструменты, историко-бытовой музей репрезентирует повседневную культуру с помощью материалов определенного исторического периода, а музей СССР... СССР? Можно ли музеефицировать страну? Конечно, нет. Можно ли репрезентировать страну? Тоже нет. Быт советской эпохи – не настолько масштабный объект для изучения, а потому можно предположить, что его можно репрезентировать в одном музее. Но материалы по всей истории, культуре, научным достижениям страны явно не поместятся в один музей, поэтому постановка подобной цели кажется абсурдной. Можно было бы создать музей, посвященный истории СССР, но тогда он должен называться музеем истории СССР и репрезентировать исторические события, а не демонстрировать частную коллекцию предметов быта советской эпохи. Очевидно, создатели подобных музеев – «музеев СССР» – имеют в виду тот факт, что все, что они демонстрируют, связано с СССР, то есть называют свои музеи не по объекту музеефикации или репрезентации, а по принадлежности государственной и культурной, что неверно.

Как видно из всего вышесказанного, музеев быта советской эпохи действительно много, и основная их масса появилась в прошедшее десятилетие. В чем же причины нового всплеска интереса к советскому быту в музеях? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо посмотреть на проблему с нескольких сторон: со стороны создателей музеев быта советской эпохи и со стороны посетителей, в т.ч. и потенциальных, подобных музеев.

Для создателей подобных музеев можно выделить следующие причины, по которым возник интерес к этой теме и появилось желание поделиться своей коллекцией с обществом. Во-первых, это ностальгия по ушедшей эпохе, по своему детству или юности. Многие люди начинают коллекционировать предметы быта советской эпохи именно из-за светлых воспоминаний о периоде своей молодости. Во-вторых, это научный интерес – в последнее десятилетие советский быт становится популярной темой для изучения. В-третьих, можно назвать такую причину, как осознание значимости культуры советской эпохи и стремление поделиться этим открытием с обществом. Музей как социальный институт имеет огромный образовательно-культурный потенциал, а потому его можно использовать как инструмент в образовательной сфере.

Это что касается создателей музеев, посвященных советскому быту. А что же привлекает в этих музеях посетителей? Думается, что все вышеперечисленные причины актуальны и в этом случае, но стоит указать и другие. Во-первых, это заинтересованное отношение к советскому быту как к «иностранному». Здесь имеются в виду как действительно иностранцы, так и молодежь, уже выросшее поколение, которое никогда не жило в Советском Союзе и для которого СССР может казаться другой страной. А во-вторых, это стремление убедиться в развитии прогресса в бытовой технике – некоторые люди посещают музеи советского быта, чтобы понять, что сейчас они живут комфортнее, лучше.

В заключение хотелось бы отметить, что в течение второй половины XX века во всех гуманитарных дисциплинах происходит переход на микроуровень¹⁷, и сейчас эта тенденция коснулась и такой области знания как музейное дело.

¹ Климченко Д. Музей колхоза, которого уже нет // Наше время. 2013. № 364.

URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12372/476202/> (дата обращения 17.02.2015).

² Численность населения СССР // Культурно-просветительское издание о советской истории «Советика». URL: <http://www.sovetika.ru/sssrr/nas7901.htm> (дата обращения 18.02.15).

³ Историко-бытовые музеи // Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_istbit.asp (дата обращения 15.02.2015).

- ⁴ Баранов Д.А. Образ советского народа в репрезентативных практиках Государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в. // Антропология социальных перемен: сб. статей: к 70-летию В.А. Тишкова / отв. ред. Э.М. Гучинова, Г.А. Комарова. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1827.doc> (дата обращения 16.02.2015).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Байковые панталоны Софьи Власьевны // Итоги. 2000. № 46. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2000/46/116670.html> (дата обращения 17.02.2015).
- ⁷ Музей социалистического быта // URL: <http://muzeisb.ru> (дата обращения 20.02.2015).
- ⁸ Музей советских игровых автоматов. URL: <http://www.15kor.ru> (дата обращения 20.02.2015).
- ⁹ Арткоммуналка. URL: <http://artkommunalka.com> (дата обращения 20.02.2015).
- ¹⁰ Музей повседневной культуры Ленинграда. URL: <http://1945-1965.com> (дата обращения 20.02.2015).
- ¹¹ Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Интернет-журнал «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/11132> (дата обращения 18.02.2015).
- ¹² Там же.
- ¹³ Музей СССР в Москве. URL: <http://museumussr.ru> (дата обращения 20.02.2015).
- ¹⁴ Музей СССР в Новосибирске. URL: <http://www.museum-beresta.ru> (дата обращения 20.02.2015).
- ¹⁵ Музей СССР в «Этномире». URL: <http://ethnomir.ru/muzei/muzey-sssr> (дата обращения 20.02.2015).
- ¹⁶ Гогин С. Музей СССР в Ульяновске: опыт мифологического проектирования // Неприкосновенный запас. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/18g.html> (дата обращения 19.02.2015).
- ¹⁷ Ср.: концепция «интраистории» Мигеля де Унамуну, итальянская школа «микроистории» Карло Гинзбурга и Джованни Леви, этнометодология Гарольда Гарфинкеля.

Язык самопонимания и самоописания горожанина в контексте местной, региональной и федеральной власти *

Проблема отношений личности и власти – одна из наиболее актуальных исследовательских проблем в современных социальных и политических науках. Характер этих отношений может свидетельствовать о текущем состоянии социума и перспективах его дальнейшего развития. Личность, общество и власть – взаимообуславливающие явления; общество является продуктом развития личных отношений, а власть – способом их регуляции и иерархизации. Можно с уверенностью утверждать, что личность, как подчиняющаяся сторона, и власть, как подчиняющая, существуют гармонично, так как с помощью данных явлений удовлетворяются разные, изначально диаметрально противоположные, социальные потребности личности: потребность властвования и потребность подчинения¹. Тем не менее, в любом обществе, как считают исследователи, можно говорить о противоречии или дистанции между властью и личностью, об их отчуждении². Противоречие заключается в том, что человек постоянно, хотя часто и неосознанно, испытывает на себе действие власти, которое может препятствовать реализации его надежд, тем самым вызывая чувство недоверия. Власть, в свою очередь, может с подозрением относиться к проявлению индивидуальных свобод, самостоятельности, политических инициатив. Отчуждение проявляется в бюрократизации власти, в ее уходе из-под контроля человека.

Исследования на тему формирования региональной идентичности имеют особенно большое значение для нашей страны в данный момент, так как в изменяющемся российском обществе идентификация личности с властью представляет собой субъективное измерение проблемы положения индивида, его места в социальной структуре, меры его участия и влияния на управление обществом, а, следовательно, его роли в государстве и во взаимодействии со структурами власти³. Особенно необходимо изучение социального «самочувствия» граждан, их установок на идентификацию с властью для выявления проблем в построении более

* Научное исследование (№ 14-05-0023) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

эффективных отношений между государственной властью и гражданским обществом. Однако подобная рефлексия редко выходит за рамки социологических, философских, социально-психологических идей и почти никогда не затрагивает «народного» языка, используемого гражданами, «подчиненной власти» стороной, для понимания и описания их взаимоотношений с властью. В данной статье представлена часть общего исследования, базирующегося на большом объеме данных, с которым работает междисциплинарная научно-учебная группа «Язык и социальные отношения сквозь призму вычислительных технологий» НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде. В работе будут использованы несколько методов и методик, разработанных исследователями для выявления особенностей самоидентификации человека в разных социальных условиях.

Техника репертуарных решеток (TRP), разработанная Дж. Келли в 1950-х годах на основе теории личностных конструктов, была впервые признана в качестве метода, используемого в основном в клинической психологии, однако теперь – это универсальный метод для экстернализации личностных конструктов, применяемый в самых разнообразных областях⁴. Личностные конструкты весьма интересны для изучения, так как они используются для осознания, описания и предсказания личностью окружающих событий, определяя ее мировосприятие и дальнейшее поведение⁵. Главное преимущество TRP – в возможности воссоздать индивидуальное представление нижегородцев об элементах окружающей их реальности сквозь призму их собственных образов, опыта, ценностей и убеждений, реконструировать словарь и систему оценок, которыми пользуются горожане в повседневной жизни для осмысления себя и объектов действительности.

Была использована стандартная процедура сбора данных («метод триад»), традиционная для TRP с выделением 13 конструктов, описывающих взаимоотношения между носителями «ролей». «Ролевой список» был сформирован согласно целям и задачам исследования (изучение субъективного понимания и описания властных отношений). Всего в «ролевой список» вошли 14 ролей, в том числе те, которые характеризуют отношения власти локального, регионального и федерального уровней (мэр города, губернатор, президент). Все эмпирические данные были перенесены на электронные носители и обработаны с использованием IBM SPSS Statistics 19.

В данной статье описывается часть общего массива данных, которая позволяет проанализировать способы самоописания и самопонимания горожан в контексте властных отношений, а именно 900 конструкторов, принадлежащих 300 респондентам от 18 до 80 лет (392 мужских и 508 женских конструкторов; 162 конструктора – респондентов до 30 лет, 308 конструкторов – респондентов от 30 до 60 лет, 416 конструкторов – респондентов старше 60 лет; 67 конструкторов – респондентов с незаконченным образованием, 185 конструкторов – респондентов с полным средним образованием, 365 конструкторов – респондентов, закончивших техникумы и 283 конструктора – респондентов, имеющих высшее образование).

Все конструкторы были классифицированы по следующим основаниям: демографические характеристики, физические характеристики, описание внешности, интеллектуальные характеристики и уровень образования, черты характера, политическая деятельность, отношения с респондентом, нравственные характеристики, материальное благополучие, социальный статус.

Конструкторы в рамках каждой группы были также разделены на «симметричные» и «несимметричные», то есть конструкторы, где сопоставление происходит на основе одного общего признака («маленькая ответственность – большая ответственность», «опытный – менее опытные»), и конструкторы, выражающие сравнение по разным признакам («умный – живем в одном городе», «властолюбие – рыбаки»). Хотя сам Келли утверждал, что сознание индивида дихотомично по своей природе, многие исследования доказывают, что совершенная биполарность конструкторов встречается часто, но далеко не всегда⁶.

Можно заметить, что выделяются несколько категорий, которым принадлежит большая часть конструкторов независимо от социальной принадлежности респондентов: характер, нравственные характеристики и социальный статус (см. табл.).

Несмотря на то, что респонденты в подавляющем большинстве случаев не знакомы лично с людьми (представителями власти разного уровня), выбираемыми на роли описываемых элементов, власть в их сознании персонифицирована. Согласно полученным результатам, представленным в таблице, власти приписываются личностные качества, которые могут свидетельствовать об уровне доверия, степени отчужденности, личном опыте отношений с властью респондента: «скромность – амбиции», «воспитанность – невоспитанность», «самолюбивый – несамоллюбивый», «честный – нечестный» и т.д.

Таблица

Система личностных конструкторов нижегородцев для описания отношений с представителями власти

Конструкты		Гендерные группы		Возрастные группы			Группы по уровню образования			
		М	Ж	>30 лет	30–60 лет	< 60 лет	Незак. ср.	Средн.	Средн. спец.	Высшее
		392	508	162	308	416	67	185	365	283
Симметричные конструкторы	Демографич. хар-ки	4*	1*	3	3	1	–	3	1	3
	Физические хар-ки	–	1	1	–	–	–	1	2	–
	Интеллект и уровень образования	4	4	5	*1	*6	10*	3*	3	3
	Характер	17*	12*	*9	16	*16	3*	1 6*	15	15
	Политич. деятельность	6	3	6	4	6	1*	7*	5	3
	Отношения с респондентом	8	5	*13	7*	*5	10*	5*	7	5
	Нравств. характеристики	8	5	4	5	7	9*	3*	6	6
	Матер. благополучие	3	2	4	3	1	3	6*	2	1*
	Социальный статус	9	6	9	9	6	6	9	7	5
	Несимметричные конструкторы	33*	41*	35	36	38	30	2 9*	39*	40*
Уникальные конструкторы		8*	20*	*11	*16	17	28*	1 8	13*	19
* – различия статистически значимы (по критерию Фишера) ⁷										

Употребление конструкторов категории «социальный статус» свидетельствует о том, что респондент, описывая свое место в системе властных отношений, осознает принадлежность к социальной группе, занимающей определенный уровень в социальной иерархии, что находит отражение в способах и формах самопонимания и самоописания. Также используются конструкторы (хоть и незначительно), созданные на основе демографических и физических/внешних характеристик. Это, возможно, служит признаком упрощенной системы личностных конструкторов, поверхностного осознания взаимоотношений респондента с властью; в связи с этим – отчуждения от власти.

Анализ гендерных групп показывает, что различия между мужской и женской выборками в целом неярко выражены, но, тем не менее, выделяются несколько значительных различий. Так, характеризуя власть, мужчины статистически чаще, чем женщины, обращаются к описанию характера объектов взаимодействия:

«застенчивость – борзость»

«конформизм – верность принципам»

«боеспособность – апатичен»

Кроме того, мужчины статистически чаще, чем женщины, обращаются к описанию демографических характеристик объектов взаимодействия:

«холост – женаты»

«старый – молодой»

«нижегородец – не нижегородец»

Женщины, в свою очередь, гораздо чаще, чем мужчины, используют несимметричные конструкторы:

«красота – скучные»

«умный – живем в одном городе»

«ответственность – любовь к музыке»

У женщин также чаще фигурируют уникальные, не попадающие ни под одну категорию конструкторы:

«невезучий – удачливые»

«музыкант – не музыкант»

«гуманитарий – не гуманитарий»

Данные результаты убеждают, что различия между мужской и женской гендерными группами в осмыслении властных отношений незначительны.

Что касается возрастных групп, к интеллектуальным характеристикам чаще всего прибегают респонденты пожилого возраста, и это наиболее показательно по сравнению с выборкой среднего возраста:

«грамотный – труженики необразованные»;

«рациональность – поступки не всегда хорошо продуманы»;

«рассудительность – спонтанность решений».

Описывая свое отношение к власти, пожилые респонденты использовали больше конструкторов, описывающих характер, чем респонденты до 30 лет:

«инертный – целеустремленные»;

«большая пробивная сила – маленькая»;

«крутой – некрутой».

Молодежь чаще, чем представители других возрастных групп (особенно пожилых) описывают власть через свои взаимоотношения с ее представителями:

«не понимаю его – понимаем друг друга»;

«малознакомый – родственники»;

«близкий – далекие».

Молодые нижегородцы также отличились большим количеством уникальных, разнообразных по семантике, конструкторов: «свободный – несвободный», «достижение значимых результатов в профессиональной деятельности – нет результатов», «бизнесмен – еще не реализовался в бизнесе».

Таким образом, респонденты с жизненным опытом в осмыслении власти чаще обращаются к роли личности носителей власти, а молодые респонденты размышляют о власти в контексте собственных отношений с властными персонами («меряются», пытаются соотнести себя с властными фигурами). Это обусловлено разными диспозициями возрастных подгрупп в осмыслении отношений власти. Респонденты старшего возраста не являются представителями власти и размышляют о власти оценочно – с точки зрения того, что необходимо успешному «властителю», в то время как молодежь «примеряет» эту роль на себя, что особенно выразительно проявляется в позиции, описывающей отношения респондента и власти. Равновесная представленность несимметричных и уникальных конструкторов в подгруппах разного возраста убеждает, что данное восприятие социального мира и построение системы властных отношений не зависит от возрастных особенностей.

Среди выборок по уровню образования выделяются выборки респондентов с незаконченным и средним образованием. Во-первых, представителями данной выборки незаконченного образования намного реже, чем всеми остальными, употребляются конструкты из категории характера. Во-вторых, в плане употребления уникальных конструктов, респонденты с незаконченным образованием резко превосходят по их количеству респондентов со средним специальным образованием (закончивших техникум):

«непьющие – выпивают»;

«есть перспектива – нет перспектив»;

«умение вести хозяйство – бесхозяйственность».

Респонденты, не получившие среднего образования (все – пожилого возраста на момент исследования), формируют во многом наивный, «детский» взгляд на власть, описывая власть посредством образования и интеллекта (различия с другими подгруппами статистически значимы), посредством нравственных характеристик (различия статистически значимы с подгруппой, имеющей среднее образование), а также посредством сопоставления с властью через неформальные отношения, что характерно, как правило, для молодежи (различия статистически значимы).

Респонденты со средним образованием намного чаще обращают внимание на различия в материальном благополучии, чем респонденты с высшим образованием:

«ниже материальное состояние – выше»;

«состоятельный – несостоятельные»;

«низкое финансовое положение – высокое финансовое положение».

В целом респонденты со средним образованием, в отличие от других подгрупп, имеют наиболее рациональную матрицу властных отношений, описывая власть посредством социального статуса, политической активности, материального благополучия и личностных особенностей, статистически значимо реже обращаясь к характеристикам из области морали.

Несимметричные конструкты также статистически значимо чаще встречаются у представителей выборки среднего специального и высшего образования:

«профессионализм – любовь к родине»;

«добрая – власть»;

«хороший водитель – решительные».

Данные свидетельствуют о том, что респонденты без образования не обладают четко сформированной картиной мира отношений власти,

которая имеется у респондентов, получивших образование. Образованные люди, если не более социализированы, то, судя по полученным данным, имеют более конкретные представления о властных отношениях, не такие приземленные и поверхностные, как у необразованных. Образование позволяет измерять отношения с властью, прежде всего, с помощью статусных, правовых, иерархических признаков, всех тех, которые так или иначе относятся к структуре общества, социальным ролям описываемых элементов.

В ходе анализа удалось выявить некоторые особенности языка самопонимания и самоописания горожан в контексте властных отношений. Большинство исследуемых конструктов представляют собой модели сознания и самоидентификации следующих выделяемых Д.В. Осиповым уровней:

- социально-профессионального («домохозяйка – политический деятель», «начальник – рабочие»),
- семейно-кланового («родственник – не родственники», «мало-знакомый – родственники»),
- национально-территориального («не житель моего дома – житель моего дома», «из другого города – живут в Дзержинске»)
- и полового («мужчина – женщина»)⁸.

Согласно полученным результатам, в данном массиве сведений отсутствуют конструкты из предложенной Д.В. Осиповым схемы религиозно-идеологического (за исключением разве что единственного «демократичность – менее демократичные»), духовного, эволюционно-видового уровней. Прослеживается преобладание конструктов социально-профессионального уровня, так как различия в плане социального статуса и профессиональной деятельности первыми приходят на ум респонденту в процессе осознания системы властных отношений и его месте в ней. Респонденты чаще всего идентифицируют себя с «подчиненной» частью общества, «простыми смертными», а представителей власти – с подчиняющей, и в связи с этим горожане говорят преимущественно об общественной иерархии и о профессиональной активности властей, от которых напрямую зависит их благополучие.

Итак, язык самопонимания и самоописания горожан в контексте власти разного уровня чрезвычайно многообразен и неоднороден. Он представляет собой широкий спектр характеристик и форм выражения. В дальнейшем планируется более подробный углубленный лингвистиче-

ский анализ всей совокупности концептов «Я и власть», а также лингвистический анализ концептов по уже выделенным социальным группам.

- ¹ *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. Москва: Культурная революция, 2005.
- ² *Низовцев В.В.* Государственная власть и политическое отчуждение личности. (Политико-правовые аспекты). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.
- ³ *Фан И.Б.* Личность и власть: проблема идентификации // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 136–165.
- ⁴ *Niu N., Easterbrook S.* So, You Think You Know Others' Goals? A Repertory Grid Study // IEEE (Institute of Electrical and Electronics Engineers) Software. Vol. 24. March/April 2007. № 2. P. 53–61.
- ⁵ *Fransella F.* (ed.). International handbook of personal construct psychology. Chichester, UK.: Wiley, 2003; *Шкуратова И.П.* Диагностика самовыражения личности в общении с помощью техники репертуарных решеток. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008.
- ⁶ *Riemann R.* The bipolarity of personal constructs // International Journal of Personal Construct Psychology. 1990. № 3. С. 149–165.
- ⁷ *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2006.
- ⁸ *Осипов Д.В.* Самоидентификация в коммуникативном поведении граждан США. Дис. ... канд. фил. наук. Астрахань, 2011.

Среда большого города и феномен бездетности в России на рубеже XIX–XX веков

Чайлдфри – движение, зародившееся на Западе, основные идеи которого состоят в отказе от детей во имя личной свободы и в пропаганда бездетного образа. Традиционно считается, что данная субкультура возникла на волне феминистского движения 1960-х годов в США¹. Однако есть все основания полагать, что истоки данного явления появились в социальной истории России конца XIX века. Новый феномен в гендерном поведении россиянок до сих пор остается за пределами исследовательского интереса. Несколько работ по этой теме принадлежат европейским ученым².

Цель представленной статьи состоит в исследовании жизненных стратегий россиянок индустриальной России, отрицавших материнские роли. Что явилось причиной распространения данного явления? Как меняющаяся гендерная система в обществе формировала новое отношение к деторождению? Почему за столь короткий промежуток времени произошли существенные изменения в матримониальном поведении россиянок?

Основным источником исследования, позволяющим анализировать эмоциональные переживания женщин, трансформацию их стратегий личностного роста, способов реализации собственной идентичности, явились едо-документы, принадлежавшие известным и малоизвестным россиянкам начала XX века. Характер источников и подходов исследования предопределили методы: анализ текстов, психоаналитические и гендерно-чувствительные методы.

Классик психоанализа К.Г. Юнг считал, что отрицание материнства для женщины, несмотря на всю противоречивость этого акта природе, является одним из древнейших *«архетипов материнства»*³. Согласно подходу социального конструирования гендера, нет исключительно женских или мужских ролей, общество создает определенные запросы и стереотипы в отношении «мужского» и «женского» поведения. В пореформенной России происходил важнейший процесс трансформации существовавшей гендерной системы. Либерализация России, эмансипация, феминизация, радикализация российского общества наносили

существенный удар по традиционным женским ролям – жены и матери. Впервые в мужских «текстах» в рамках «женского вопроса» (Н.Г. Чернышевский, Н.В. Шелгунов, М.И. Михайлов, Н.И. Пирогов) были озвучены идеи о новых горизонтах для представительниц женского пола и, соответственно, стали пересматриваться их биологические функции, связанные с замужеством и материнством. Социальное конструирование нового типа женщин продолжилось на страницах литературных и публицистических работ 1850–1860-х годов. Русские классики создавали женские образы, противоречащие идеалу пушкинской Татьяны. Вскоре сами женщины, преимущественно дворянки по происхождению, стали переосмысливать свою роль в обществе, реальными действиями нарушая предписанное женщинам поведение. Они совершали новые перформативные практики, состоящие в игнорировании всего нарочито женского, тем самым ломая существовавший гендерный контракт в обществе.

Отказ от материнства впервые стало практиковать молодое поколение 1860-х годов. Материнству они противопоставили получение научного образования, в том числе профессионального, социальную активность. Несмотря на то, что мужской мир упорно пытался доказать, что отсутствие материнской любви, материнского инстинкта сопоставимо с врожденной преступностью и врожденной идиотией (Ч. Ломброзо, В. Тарновский), женщины данной категории настойчиво претворяли в жизнь собственные женские сценарии. Мать они сравнивали с «самкой», подчеркивая ее близость к природному состоянию и свое нежелание соответствовать этому стандарту⁴. Либерально и радикально настроенные активистки социально-политических движений Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, В.Н. Фигнер, В.И. Засулич, С.Л. Перовская, О.С. Любатович, Е.К. Брешко-Брешковская, А.М. Коллонтай, О.А. Шапир, А.Н. Шабанова, Н.В. Стасова, Е.Д. Стасова считали правильным посвятить себя личному совершенствованию, борьбе за женские права, чем отдать служению семье и детям.

Пренебрежительное отношение к материнству доказывает не столько аморальность их поведения, сколько чрезвычайную сложность в совмещении двух противоречивых сфер женского бытия. Дух революционной романтики и авантюризма, непредсказуемость завтрашнего дня не сочетались с ответственной и размеренной жизнью матери. Оказавшись между двумя детищами – реальным ребенком и борьбой за изменение социальной реальности, «новые женщины» эпохи, нигилистки, радикально

настроенные женщины, а также феминистки, в большинстве случаев делали выбор в пользу собственных идейных убеждений. Сложно установить, что на самом деле испытывали матери-революционерки, бросавшие своих детей. При поверхностном рассмотрении их биографий складывается впечатление, что подобный выбор давался им легко. Однако скрупулезное изучение дневников и воспоминаний этих женщин доказывает обратное. А.М. Коллонтай отмечала, что ей было невероятно сложно оставить собственного четырехлетнего сына⁵. Пожалуй, точнее всего мучительность выбора матери-революционерки выразила Е. Брешковская. *«Конфликт между любовью к ребенку и любовью к революции за освобождение России стоил мне многих бессонных ночей. Я знала, что не могу быть одновременно заботливой матерью и революционеркой. Это несовместимо. Или одно, или другое целиком овладеет мной»*⁶, – писала она. О личной драме «бабушки русской революции» писала А. Знаменская, укрывавшая ее в собственном доме в Симбирской губернии⁷.

Новый тип поведения демонстрировали не только феминистки первой волны, будущие писательницы и ученые, но и простые, никому не известные дворянки. Для многих из них материнство являлось досадной случайностью, с которой они легко прощались. Так, Е.П. Майкова в 1860-е годы без особых угрызений совести оставила своих троих детей, мужа, сбежав со студентом. От их гражданского союза родился ребенок, от которого Екатерина Павловна поспешила вновь освободить себя, отдав его на воспитание знакомой⁸. Отвергая собственное материнство, она увлекалась написанием рассказов, которые публиковала в детских журналах. В этом проявлялась амбивалентность морали «новых женщин». Они могли воспитывать словом чужих детей, трудиться на их благо, в то время как собственные дети были брошены на произвол судьбы.

На страницах женских «текстов» все чаще появлялась не просто критика материнства, но и крайняя степень его отрицания, граничащая с ненавистью. Подобное поведение можно рассматривать как форму инвертированности материнского инстинкта. Л.Д. Менделеева-Блок признавалась в том, что материнство для нее с ранней юности было ненавистной мыслью. Ей принадлежат строки: *«Ничего так не ненавижу на свете, как материнство»*⁹. В отличие от феминисток, оставивших своих детей ради служения революционной мечте, она патологически не хотела становиться матерью. Выходя замуж, она просила му-

жа никогда не заводить детей. Забеременев, она не находила себе места, отчаянно пытаясь осуществить аборт¹⁰. Беременность она сравнивала с тяжелой болезнью, с безумием, с событием, которое отбирало у нее «все самое дорогое» – свободу и самообладание. Родившаяся девочка вскоре умерла. Свое отрицание материнства она объясняла желанием сосредоточиться на собственной личности, развиваться интеллектуально, духовно, эстетически. Канадская исследовательница Д. Престо полагает, что подобное поведение жены, смерть их ребенка оказали особое влияние на творчество А. Блока, воплотившееся в трепетном и драматичном изображении в его произведениях материнства (смерть ребенка становилась символом драматичности)¹¹.

Схожие рассуждения были представлены на страницах феминистических журналов. В частности, госпожа Тюменцева считала, что материнские заботы препятствуют развитию в женщине свободной личности, превращая ее в «пошлую», «скучную самку, вечно дрожащую за своих детенышей, в своем безотчетном эгоизме заедающую жизнь семьи и своего мужа»¹². Детей она называла «позором» и «вечным проклятием» для женщины. Среди заполнивших анкету, распространенную в 1912 г. среди студенток, четверть отрицательно отзывалась о замужестве и материнстве¹³. Юная Н.А. Миротворская, дочь священника Рязанской губернии, писала в дневнике: «Я живу интересной, удовлетворяющей меня жизнью. А что несет с собой брак?... беременность, роды, воспитание ребенка... А воспитание ребенка, особенно в первое время, так много отнимает времени у женщины! Я хочу быть свободной!»¹⁴. Сложно сказать, чем объяснялась столь высокая ненависть к материнству и детям. Женщины стали открыто демонстрировать отвращение к традиционным материнским ролям, отрицание женской фертильности становилось для многих проявлением своей Инаковости.

Отказ от материнства для молодых дворянок («дочерей»), по мнению известной исследовательницы женской истории Б. Энгель, становился новым средством для самореализации¹⁵. Несомненно, огромное влияние на формирование концепта «свободного материнства» оказала философия пола в контексте русского символизма. Представители данного направления, рассуждая о любви между мужчиной и женщиной, не рассматривали деторождение в качестве основного содержания их отношений¹⁶. «У любящих не бывает детей»¹⁷, – писала М.И. Цветаева, имея в виду великих влюбленных в истории (Ромео и Джульетта,

Тристан и Изольда, Амазонка и Ахиллес). Эпоха модерна культивировала новый тип благородной женщины, который предполагал, по словам Н.Л. Пушкаревой, отказ от «традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности»¹⁸. В начале XX века в среде русских феминисток, а также в профессиональном сообществе акушеров и гинекологов стала утверждаться новая концепция материнства, в основе которой – свобода репродуктивного выбора. Традиционная идеология патриархальной семьи принуждала женщину осуществлять свою репродуктивную функцию, в то время как в условиях разорения дворянских семей прокормить многочисленное потомство становилось невозможным. Аристократки стремились преодолеть существующий «двойной стандарт»¹⁹ (Б. Фридан) по отношению к репродуктивному поведению. Идеологически данная практика подкреплялась популярными среди образованных кругов концепциями мальтузианцев и неомальтузианцев.

Распространение с конца XIX века специальных средств контрацепции явилось важнейшим средством рационализации женской сексуальности и ограничения деторождения²⁰. Изучение женских дневников показывает, что, несмотря на общественную критику контрацептивов, они стремительно входили в супружескую жизнь высших слоев общества. В конце XIX века в России была издана уникальная книга медикопросветительского характера – «Как предупредить беременность у больных и слабых женщин», принадлежавшая столичному врачу К. Дрекслеру. Этот труд был настолько востребован, что, несмотря на запрет цензоров²¹, к 1910 г. имел уже пять переизданий.

В то же время далеко не всем дворянкам удавалось сделать свободный выбор, отказавшись от традиционного женского сценария. Осознавая свою неполноценность вне брака, выйдя замуж, аристократки прощались с девичьими грезами, полностью растворяясь в домашних делах. В то же время брак, дети не приносили удовлетворения, следствием чего становились бесконечные душевные терзания²². Жизнь женщины превращалась в «истерическое существование». В известном феминистическом журнале «Союз женщин» анонимный автор писала о женщинах, которые «тяготятся» исполнением домашних обязанностей – воспитанием детей, домоводством, заботами об удобствах членов семьи, чувствуя себя в этой сфере «совершенно непригодными»²³. Она называла таких «тоскующих в одиночестве», страдающих женщин, запертых в исключительно семейном кругу, «женщи-

нами предрассветной поры». Женская автодокументалистика, приоткрывающая дверь в мир экзистенциальных мыслей и эмоциональных переживаний, демонстрирует частую репрессированную женскую индивидуальность. Сестра известной эсерки В. Засулич, впоследствии участница революционного движения А.И. Успенская, будучи на девятом месяце беременности, стыдилась своего положения: *«Мне стыдно было осознавать, что у меня есть личная жизнь, личные интересы»*²⁴. С.А. Толстая обреченно характеризовала свою жизнь как бесконечную цепь материнства²⁵. Вся семейная жизнь Толстой складывалась из попыток убедить себя в том, что рождение детей, их воспитание, любовь к ним и мужу – основное ее предназначение. Однако роли жены и матери не делали ее счастливой. О том же на страницах своего дневника писала А.А. Знаменская, вся жизнь которой вплоть до зрелого возраста складывалась из бесконечных, зачастую нежеланных, родов, кормлений, смертей детей²⁶. Е. Дьяконова, автор известного «Дневника русской женщины», критиковала сестру за то, что она сразу же после замужества забеременела, поставив крест на своей мечте – получении высшего образования²⁷. С сожалением о таких женщинах писала активистка женского движения Е.И. Конради.

Кроме субъективных источников, о новых предпочтениях женщин свидетельствовали и вполне объективные статистические материалы. Советский исследователь А.Г. Вишневский заметил, что на протяжении пореформенного пятидесятилетия происходили наибольшие изменения в брачном поведении населения. Анализируя статистические данные, он констатировал тенденцию увеличения возраста вступления в первый брак, повышения доли женщин, остающихся незамужними²⁸. Эмансипация женского населения особенно быстро проходила в крупных городах. Дореволюционный исследователь В. Михневич в работе «Язвы Петербурга» обнажил социальные пороки столичного города. Он отмечал «антисемейный» характер Петербурга 1880-х годов, в котором все больше молодых людей предпочитали браку, семье свободный образ жизни. Этот город он считала раем для юных феминисток²⁹.

Женщины данной категории на практике или в теории считали, что они могли реализоваться вне семьи, занимаясь образованием, профессиональной деятельностью, участвуя в феминистическом и революционном движении. Расширившиеся горизонты публичной деятельности делали приватную сферу семейной жизни, брак и следовавшее за ним материнство не единственным жизненным сценарием для жен-

щины. В распространившейся эмансипированной литературе культивировался новый тип женщины. Даже в работах медицинского характера нередко встречался призыв восстать против положения «безвольной рожаящей машины»³⁰. Все чаще на страницах своих дневников юные барышни высказывали мысли о нежелании вступать в брак. Женщины этой категории либо априори отрицали материнство, либо полагали, что оно, в силу различных причин, должно быть отсроченным, в связи с чем не спешили заключать браки. Эмансипация дворянской женщины, вышедшая далеко за рамки столичного общества, вводила материнство в ситуацию, ограничивающую публичное самовыражение женщины, депривирующую иные жизненные сценарии.

В то же время следует учитывать, что дворянки индустриальной России отрицали материнство не столько из-за собственных убеждений, сколько из-за сложности совмещения двух сфер бытия – частной и публичной. Ввиду незрелости социальных институтов (отсутствие поддержки материнства и детства), зависимого положения женщины в семье и обществе, доминирования принципа «разделения сфер» в семейной жизни, малого участия мужей в исполнении родительских функций, материнство зачастую являлось для «новых женщин» эпохи не сосредоточением женских радостей, а приговором, ставящим крест на их личной свободе и самореализации. Отрицание деторождения в собственной жизни становилось протестом против навязанного извне конструкта идеальной женственности и средством, позволяющим реализоваться на иных (кроме материнства) поприщах человеческой деятельности. Отказ от материнства мог быть реализован исключительно в условиях большого города. Материнство с его рутинными ежедневными практиками все чаще проигрывало пульсирующей городской эгоцентричной жизни. Отказываясь от деторождения, женщины стремились обрести собственную идентичность. Совместить эти противоположные сферы им было не под силу.

¹ Антонова А.Ю. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию Childfree: на грани экстремизма // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 171.

² Бинсвангер К. Тема материнства в *Mon frère feminine* Цветаевой / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 213–233; Шорз Э. «Ничего так

- не ненавижу на свете, как материнство...». Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л.Д. Менделеевой-Блок / Пол. Гендер... С. 233–248.
- ³ Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
 - ⁴ Колтоновская Е.А. Женские силуэты (писательницы и артистки). СПб.: Тип. акц. общ. «Самообразование», 1912. С. IX.
 - ⁵ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Знание, 1909. С. 111.
 - ⁶ Цит по: Копришова А. Радость революции вместо радости материнства // Русское слово. 2005. № 3. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/137/> (дата обращения 11.08.2013); Wood E.A. The Baba and the Comrade. Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1997. P. 23.
 - ⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 26–26 об.
 - ⁸ Володина Н. Воспоминания Е.П. Майковой: опыт жизнетворчества / University of Toronto Academic Electronic Journal in Slavic Studies. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/28/volodina28.shtml#top> (дата обращения 26.07.2012).
 - ⁹ Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: K-Press, 1979. С. 64.
 - ¹⁰ Там же.
 - ¹¹ Presto J. Beyond the flesh. A. Blok, Z. Gippius and the symbolist sublimation of Sex. University of Wisconsin Press. P. 60–62.
 - ¹² Ищите женщину в русской литературе // Женский Вестник. 1910. № 1. С. 16.
 - ¹³ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: Росспэн, 2004. С. 256.
 - ¹⁴ Миротворская Н.А. Две тетради. М.: Галерея-СТО, 2010. С. 182.
 - ¹⁵ Engel B. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. С. 8.
 - ¹⁶ Соловьев Вл. Смысл любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 24.
 - ¹⁷ Цветаева М.И. Письмо к Амазонке / Собрание соч. в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы. М.: Эллис Лак, 1994. С. 485.
 - ¹⁸ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 10.
 - ¹⁹ Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994. С. 54.
 - ²⁰ Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 49–68.
 - ²¹ Реклама // Сатирикон. 1910. № 1.
 - ²² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 73.

- ²³ А. Женские силуэты предрассветной поры // Союз равноправия. 1909. № 11. С. 17–44.
- ²⁴ Успенская А. Воспоминания шестидесятицы // Былое. 1922. № 18. С. 33.
- ²⁵ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8. С. 123.
- ²⁶ РГАПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 27.
- ²⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 375. Картон 2. Д. 1. Л. 4; Дьяконова Е.И. Дневник Е.И. Дьяконовой. М.: Издат-во В.М. Саблина, 1912. С. 322.
- ²⁸ Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 117.
- ²⁹ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1886. С. 396.
- ³⁰ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд. Аскарханова, 1903. С. 179.

**Дети советской провинции 1920-х годов
как субъекты исторического процесса.
Проблемы изучения (На примере Курганского
округа Уральской области)**

В отечественной историографии до сих пор нет четкого определения истории повседневности, равно как и термина «повседневность». Однако анализ работ виднейших историков школы Анналов, микроистории и немецкой *Alltagsgeschichte* (от *Alltag* – «повседневная жизнь» и *Geschichte* – «история»)¹ приводит к выводу, что объектом исследования истории повседневности является субъективный человеческий опыт в его взаимосвязи с макроисторией, включающий в себя как рутину, так и выдающиеся события личной и общественной жизни.

В связи с тем, что история повседневности рассматривает рядового человека как субъекта истории, возникает вопрос о целесообразности выделения детской повседневности. Существовала ли возможность субъективного влияния ребенка на окружающий мир, обращал ли ребенок внимание на события во взрослом мире, был ли он способен к некоторого рода политической реакции? Велика ли доля воздействия взрослых на детское восприятие действительности и оценочные суждения? Как отметила А.А. Сальникова касательно советского периода, сами взрослые – рядовые, не имеющие властных полномочий и не обладающие высокой степенью образованности – воспринимались культурной и политической элитой как дети. По ее замечанию, «на языковом “пуерилизме” была основана большевистская “преобразовательная” лингвистическая политика первых лет советской власти, облекавшая властный дискурс в простые и доступные языковые формы, понятные и близкие детям, поскольку обретавшие “советскость” массы “простого трудового народа” были, по большому счету, теми же самыми детьми»². Если мы считаем целесообразным изучение повседневной жизни «массы трудового народа» и рассматриваем его в качестве субъекта истории, то аналогичным образом можно отнестись и к возможности выделения детской повседневности. Так или иначе, это понятие уже стало фактом в исторической науке³, несмотря на неумолкающие споры вокруг него. Среди прочих поднимается, например,

проблема временности категории детства, ее детерминированность социальной и гендерной категориями, зависимость от общего контекста повседневности и отношения к детству взрослых.

Обращение к детской повседневности советского периода, в частности, 1920-х годов, интересно прежде всего тем, что образ ребенка, создаваемый советской прессой, кинематографом, литературой, – это образ ребенка активного, участвующего в строительстве нового мира наравне с взрослыми. Б. Юрцев, основоположник советского кино, одного из средств пропаганды, отражавших государственный взгляд на детство, так говорил о детях своего времени: «Из пассивного, подчас просто озорного, советский ребенок превратился в активно действующего, приобретая массу опыта и знаний, недоступных преждему, тепличному ребенку»⁴. Изучение детства 1920-х годов предполагает выяснение разницы между созданным политической пропагандой образом идеального ребенка и идеального детства и настоящим ребенком и детством того времени.

Представляется важным обращение к общественной жизни детей, связанной со школой и детскими организациями. Именно здесь «маленькие граждане» – если они таковыми являлись – могли публично проявить свое отношение к насущным социальным проблемам. Из-за недостатка источников личного происхождения вопрос о том, как переживались детьми общественные практики – как игра или как реальность – остается без однозначного ответа. Однако по косвенным данным, получаемым из делопроизводственных документов школ и детских домов, публикаций периодической печати и собранных воспоминаний, мы можем составить некое представление о детской активности и сравнить его с существующим мифом о «сознательных» пионерах-героях.

В номерах «Красного Кургана» за 1924 г. было опубликовано более 70 статей, так или иначе затрагивающих детский вопрос; учитывая, что газета выходила 3 раза в неделю, тема детства всплывала в каждом втором номере. Регулярно освещалось зарождающееся пионерское движение, его деятельность, газета призывала население поддержать юных ленинцев и направить в их ряды своих детей. В ноябре 1924 г. отмечено появление первого в Кургане «октябренька»⁵, в декабре – первого детского кооператива. О детях говорили как о ценности, как о будущем Советской страны. Печатались статьи «Дети об Ильиче»⁶, «Советская власть и дети»⁷, «Дети революции»⁸, появилась регуляр-

ная рубрика «Матери и ребенка», статьи о семейном праве и роли женщины в воспитании ребенка, стали освещаться выезды делегатов в деревни с докладами о женской гигиене и здоровье младенца.

Школа, особенно в деревне, была своеобразным общественным центром, очагом культуры и просвещения для населения. Ученики ставили спектакли, знакомявшие рядового селянина с классикой отечественной литературы, устраивали клубные дни с декламацией и громким чтением книг и газет. Школа, как правило, сотрудничала с избой-читальней, где расширяла свой кругозор взрослая публика. Например, Каминская школа Звериноголовского района «ведет пропаганду за улучшение сельского быта... через школу ведется показательное кормление скота по норме»⁹. Дети наблюдали за своими хозяйствами и лучшими хозяйствами села, делали выписки, анализировали их и на этом основании проводили «культурные мероприятия в своих хозяйствах»¹⁰. Они сажали деревья, помогали Сельсовету в его работе, оформляли «уголок женщины»¹¹. Школа часто выступала очагом конфликта между старой и новой идеологическими системами. Во многих селах крестьяне продолжали отмечать религиозные праздники, сохраняли религиозность, тогда как дети-школьники все больше проникались революционным атеистическим духом. «Ему про мученицу Катерину, а он про Клару Цеткин!», – жаловался один из сельчан в газете «Красный Курган»¹². Протоколы собраний воспитанников детского дома № 7 отразили инициативу детей в этой области – периодически делались доклады на антирелигиозную тему¹³.

Большинство детских учреждений участвовало в клубной работе. В клубе же, как правило, проводились общие собрания и собрания воспитанников, на которых обсуждались проблемы школ и детских домов, новости, политика. Такие беседы способствовали активному вовлечению ребят в детское и юношеское политическое движение, развитию самоуправления.

В детском самоуправлении в особенности была заинтересована администрация детских домов, учитывая дефицит кадров и нежелание многих педагогов переходить из школ на работу в более тяжелые условия. Перекалывание хозяйственных функций на плечи ребят позволяло сократить штат работников практически до одного человека. Например, в отчете о жизни детских домов за 1925–1926 учебный год сообщается: «Два детдома с клиентурой из подростков переведены на самоуправление. Здесь имеется педагог-администратор. Внутренний

распорядок и работа находятся под непосредственным руководством пионеров и комсомола»¹⁴. Самоуправление играло важную роль в жизни подросткового коллектива — оно воспитывало ответственность и сплачивало детей. Структура органов самоуправления могла носить довольно разветвленный характер. Интересным примером в этом отношении является Илецко-Иковская коммуна. Там существовали отдельные «комитеты» по разным вопросам, например, по гигиене, животноводству, клубной работе. Главным руководящим органом было общее собрание всех членов коммуны¹⁵. Предполагалось введение самоуправления и в школах, но этому мешали педагогические споры. Было неясно, должны ли учителя принимать участие в создании ученического правления, или же дети должны самоорганизоваться¹⁶? Характерен доклад педагога Денисовой в 1924 г. о самоуправлении в новой школе, которое не насаждается учителем, а «самоорганизуется», «самодисциплинируется»: «Дети вечно руководимые, проходят мимо своего счастья,... нельзя строить жизнь детей без их участия»¹⁷. Поднимался вопрос субординации — должен ли учитель стоять над учеником, главенствовать над ним, или только координировать его действия как старший товарищ? Сохранение учителем доминирующей позиции нередко расценивалось как приверженность к старым, имперским принципам преподавания и воспринималось негативно.

Большой интерес представляет найденное среди делопроизводственных документов детских учреждений в Государственном архиве Курганской области небольшое количество документов, написанных детской рукой, основную массу которых представляют протоколы собраний воспитанников детских домов. Некоторые из них по-детски трогательно свидетельствуют о принятии детьми советской действительности и стремлении быть причастными к ней: «Переименовавши... в детский дом № 7, решили просить исполком прибавить еще имени товарища Ленина»¹⁸. Протокол скреплялся подписями председателя и секретаря, а иногда также заведующего детским домом и представителя отдела народного образования. Но, поскольку эти детские тексты стремились к полному воспроизведению взрослого канона не только по форме, но и в поднимаемых проблемах, стиле письма, и, кроме того, часто заверялись взрослыми, а также являлись плодом коллективного творчества, извлечь индивидуальные представления детей из них довольно трудно. В целом они создают впечатление о советском детстве как о некоем спартанском рае, где суровые реалии жизни вдох-

новляли на труд и самосовершенствование, где царила дружба, ответственность, нелюбовь к лени и прочим буржуазным пережиткам. При этом идиллическую картину время от времени нарушают заметки о нарушителях общего порядка, как правило, из старших мальчиков. Такие нарушители, согласно протоколам, единогласно осуждались: «Узнав мотивы непосетивших собрание, что их не интересует общественная жизнь, вынесли общим собранием порицание и постановили присутствовать обязательно»¹⁹. Однако сам факт наличия таких протоколов – уже источник сведений для исследователя. Он говорит о большой самостоятельности воспитанников детских домов и их высокой инициативе.

В том же детском доме издавался журнал, стенная газета с публикациями свежих новостей, в том числе и международной политики, «чтобы не отставать от жизни»²⁰; работали кружки, на собраниях воспитанников зачитывались подготовленные заранее доклады по политическим и историческим, естественнонаучным вопросам, рассказывались биографии знаменитых революционеров и теоретиков социализма. Дети, судя по всему, осознавали свою причастность к делу революции, обращались друг к другу «товарищ», много и с уважением говорили о В.И. Ленине, К. Марксе, Ф. Энгельсе.

Интересна подборка детских высказываний о В.И. Ленине, приводимая в газете «Красный Курган»:

«Россия плачет, а ты лежишь в гробу,
Не слышишь плач и стоны бедняков...
Работал долго ты, работал беспрерывно,
Пером работу описать твою нельзя!...»
(Поля, 13 лет, детдом № 1)»²¹.

«Вот нашу школу называли Ленинской и теперь не надо баловаться, а то снимут это название...» (Гусев, 8 лет)²². Поскольку это фрагменты выборки, сделанной автором газетной статьи, рисуемая ими картина субъективна. Автор мог отбросить неблагоприятные высказывания, детей могли научить нужным словам перед приездом комиссии. Тем не менее, они прозвучали, а, следовательно, стали фактом детской повседневной жизни. Возможно, для детей, в силу особенностей восприятия, Ленин, о котором так много говорили взрослые и писали газеты, был гораздо более реален, чем для самих взрослых. Это подтверждает успешность советской пропаганды, нацеленной на детскую аудиторию.

Дети нового поколения представляли собой более податливый материал для формирования «советского человека», чем взрослые. В силу юношеского бунтарства, стремления к самостоятельности и новым впечатлениям, они охотно принимали перемены, восхищались героями революции, радовались доверию со стороны государства и взрослых. Они стремились вступить в пионерскую организацию, сами зарабатывали деньги на книги, бумагу, школьный ремонт (особенной активностью в этом отношении отличалась Макушинская школа)²³, активно занимались просветительской и даже благотворительной деятельностью²⁴. Это занимало значительную часть в их повседневной жизни, так как позволяло почувствовать свою значимость и причастность к взрослому миру.

Однако есть свидетельства иного рода. Заявления воспитанников детских домов об уходе из учреждения – еще один вид «детских текстов», обнаруженных в ГАКО. Все они сопровождаются просьбами и требованиями материального характера: «Прошу выдать мне денег из кассы для покупки ботинок, так как в скором времени я поеду к матери, а ехать в сандалиях будет холодно»²⁵, «в виду того, что я уйду из детдома, то прошу снабдить меня пальто и койкой»²⁶, «прошу выдать что мне принадлежит. Одеяло, матрац, пальто, сапоги, белье верхнее и нижнее, простынь, полотенца, 2 наволоки верхнюю и нижнюю, если можно то старую койку»²⁷. Удовлетворялись ли такие просьбы-требования, остается неясным. Тон, в котором написаны заявления, дает возможность, в некотором роде, оценить восприятие воспитанником детского дома своего учреждения. Отсутствие вежливо-просительных формул говорит о самостоятельности автора, его независимой позиции по отношению к учреждению, где он прожил какое-то время, вероятно, принимая участие в общественной и хозяйственной жизни, о знании им своих прав, знании обязанностей по отношению к нему детского учреждения и, шире, государства. Возможно, здесь проявились своего рода индивидуалистические настроения, когда дети собирались покинуть детский дом, где они были обеспечены государством, и когда они осознали, что фактически им ничего не принадлежит. Интерпретация – один из самых важных и сложных этапов источниковедческого анализа, и правильно истолковать извлекаемую из документов информацию очень трудно.

Таким образом, по сохранившимся среди документов школ и детских домов протоколам ученических собраний, заявлениям, письмам родственникам, скупому описанию детского быта исследователь мо-

жет составить представление об отношении к детям и детству того времени, о господствовавших методах воспитания, о социальной активности школьников и их просветительской роли в семьях и в обществе. Дети, безусловно, выступают субъектами исторического процесса. Однако из-за отсутствия документов личного происхождения степень их субъектной деятельности, осознанность общественной работы и действительное отношение к политической ситуации остаются закрытыми для исследователей. Решение этой проблемы видится в сборе воспоминаний людей, детство которых прошло в 1920-е годы. Несмотря на искаженность временем, преклонный возраст респондентов и «взрослость» их воспоминаний, такой вид источников позволит внести личностную, субъектную окраску в представления о советском ребенке.

- ¹ Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3.
- ² Сальникова А.А. «Детское письмо» как понятие и как явление культуры // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. 2011. № 5. С. 271–288. URL: http://kpfu.ru/publication?p_id=29107 (дата обращения 04.10.2014).
- ³ Нуркина К.К. Категории «детство», «советское детство» и «повседневность» в историческом исследовании // Емельяновские чтения. Вып. 7. Курган, 2014. С. 82–84.
- ⁴ Нусинова Н. «Теперь ты наша»: ребенок в советском кино 20-х – 30-х годов // Искусство кино. 2003. № 12. URL: <http://kinoart.ru/ru/archive/2003/12/n12-article12>. (дата обращения 01.06.2014).
- ⁵ Красный Курган. 1924. № 133.
- ⁶ Там же. № 53.
- ⁷ Красный Курган. 1922. № 124.
- ⁸ Красный Курган. 1924. № 53.
- ⁹ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-48. Оп.1. Д. 4. Л. 44.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Красный Курган. 1924. № 53.
- ¹³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.
- ¹⁴ Там же. Л. 52.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 45.

²¹ Красный Курган. 1924. № 53.

²² Там же.

²³ Красный Курган. 1923. № 10.

²⁴ Красный Курган. 1922. № 19.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 165. Л. 13, 16, 17.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Трансформация традиционной похоронной обрядности у городской молодежи Белграда (Сербия)

Статья основана на полевых материалах автора и анализе публикаций сербских коллег. Временной период исследования – 1994–2013 гг. – охватывает переломные для Сербии в политическом и социальном плане годы. Это период жесточайшего экономического кризиса, резкого роста влияния Сербской Православной Церкви, которая считается этнической особенностью сербов¹. Одновременно увеличивались группы населения, видящие Сербию частью ЕС и стремящиеся осовременить и в чем-то нивелировать традиции².

В статье описывается похоронная обрядность, бытующая среди наиболее молодых и наименее консервативных жителей Белграда. Рассматриваются аспекты традиции, подвергающиеся изменениям и имеющие особенности, которые преобладают в молодежной среде и особенно приветствуются людьми молодого возраста. Данная тема также важна для понимания происходящих в городской молодежной среде процессов.

Основой для исследования стали включенное наблюдение за 21 семьей, с привлечением данных еще по 38 семьям. Использовались также длительные интервью. Данные собирались как по реально имевшим место похоронам, так и мнения респондентов – какими следует быть похоронам.

В сербском обществе сохраняется вера в возможность предсказания смерти близкого человека (в эту сферу активно вторгаются СМИ – распространяя и поддерживая подобные суеверия). Это было характерно и для более раннего периода, на что указала сербский этнограф М. Павлович³. Но то, что в большинстве случаев считается точным предзнаменованием смерти среди информаторов старшего и среднего возраста, в среде молодых людей намного чаще воспринимается просто как «недобрый знак», а статус «предсказания чьей-либо кончины» получает исключительно в том случае, если данная кончина имела место быть. В подавляющем большинстве случаев предсказание смерти («дурной знак») происходит во время вещего сна. Ранее у сер-

бов считалось, что разные виды неестественного поведения животных также предсказывают смерть⁴. В современном Белграде реально держать лишь – «домаших любимаца» – кошек, собак, птиц. Тем не менее, подобные предсказания часто пользуются доверием – возможно потому, что ранее отношение к животным было более холодным. Домашний любимец иной раз считается способным к почти человеческим чувствам. Отсюда и вера в возможность предчувствия им смерти хозяина⁵.

Принятые ранее ритуалы подготовки человека к смерти и ритуальные действия, проводившиеся сразу после кончины человека, в современном Белграде практически вышли из употребления. Их просто невозможно провести по целому ряду причин. Они невозможны в больнице и в присутствии медиков. Сам же момент смерти происходит либо в больнице, либо в присутствии врача, либо – вместо традиционных ритуальных действий – присутствующие сразу же вызывают медиков и полицию. В обществе редко говорят о смерти (если не обсуждают конкретную смерть), данная тема табуирована, ее избегают при детях и больных⁶. Последних к смерти не готовят даже в безнадежной ситуации (что было принято в традиционной культуре). Уровень паллиативной медицины крайне низок⁷.

Среди людей старшего поколения вскрытие тела до сих пор не одобряется. В поколении до 30-ти лет отношение к вскрытию тела преимущественно положительное. Считается, что необходимо знать точные причины смерти⁸.

В Белграде вся подготовка к похоронам полностью находится в руках профессионалов, в результате чего сделалось невозможным проведение целого ряда ритуальных действий. После получения известия о смерти, даже самые молодые и «продвинутые» люди сразу зажигают свечу (как уже упоминалось выше) и ставят ее перед славской иконой (иконой Святого покровителя данной семьи). Чаще всего контактами с похоронным агентством занимаются мужчины. В последнее время – вопреки традиции – принято скрывать смерть от детей, не говорить им о ней и не брать на похороны, господствует убеждение, что все выше перечисленное травмирует детскую психику⁹.

Самых близких людей принято оповещать о смерти по телефону. Среди молодежи встречаются оповещения о смерти при помощи Интернета – рассылки писем или объявления через социальные сети (старшее поколение реже владеет компьютерными технологиями,

часть старшего и среднее поколение зачастую считает такой способ оповещения о смерти близкого человека недостаточно уважительным). Значительно реже и только среди молодежи встречается оповещение широкого круга людей о смерти через СМС рассылку¹⁰. Нередко в семье существует некое разделение – ее молодые члены пишут о случае смерти в семье через Интернет, более старшие – занимаются публикацией ставших традиционными за последние 30–35 лет объявлений о смерти и предстоящих похоронах в печатных СМИ. Подобные объявления публикуются также молодыми людьми. Называются они «осмертницы», «осмртиницы», «читульи», представляют собой объявления о похоронах от имени семьи, родственников, много реже – от друзей и коллег покойного¹¹.

Последние 5–7 лет все чаще подобные объявления публикуются на специальных сайтах. Сервисы позволяют зажечь у такого объявления виртуальную свечу, выразить соболезнования – бесплатно или за небольшую плату. Подобные объявления имеют исключительно ритуальное, а не практическое значение, поскольку наиболее близких и важных людей о смерти и месте похорон/поминок информируют по телефону, также все-таки преобладает традиция искать информацию об этих событиях в печатных СМИ. Подобные сайты активно себя рекламируют и привлекают людей рекламой связанных с похоронами услуг, статьями о похоронной обрядности. На данных сайтах предлагают образцы и помощь в написании текстов¹². Публикуются также (в печатных СМИ, в молодежной среде намного чаще – через Интернет) «сечанья» – объявления с выражением исключительно скорби по умершему, лишенные информации о тех или иных мероприятиях; и «саучешча» – письменные выражения сочувствия, адресованные семье покойного. Два последних типа объявлений молодые люди часто пишут на страницах социальных сетей, которые «принадлежали» покойным или «принадлежат» их близким, нередко сопровождая красивыми фото соответствующей тематики¹³.

Сильна традиция взаимопомощи: узнав о смерти, к близким родственникам покойного приходят соседи, друзья, сослуживцы. Они приносят деньги на похороны, выражают соболезнования. От крупных коллективов (например, фирм или курсов в институте) приходят представители с деньгами и часто с бумагой, на которой зафиксировано, кто сколько пожертвовал¹⁴.

Любопытный факт отметила сербский этнолог Александра Павичевич относительно сербских эмигрантов в США – изменилось отношение к мертвому телу. Если ранее целым комплексом действий его готовили к пути в мир иной, то теперь стараются сделать максимально привлекательным для... живых, превратить похороны в последний выход человека «в свет»¹⁵. Полевые данные показывают, что это явление все чаще встречается в постоянно проживающих в Белграде семьях. Обсуждение того, хорошо ли покойник выглядел в гробу – одна из важных тем последующих разговоров¹⁶.

Мужчин хоронят в костюмах и светлых рубашках (даже если – как это часто принято в молодежной среде – при жизни они никогда так не одевались), женщин – в праздничных платьях, часто – в их свадебной одежде. Умерших до вступления в брак девушек нередко одевают как невест, а костюмы неженатых молодых людей украшают маленькими букетами из искусственных цветов на лацкане – как во время свадьбы. За последние пятнадцать лет распространился обычай хоронить юношей в одежде, в которой они были на выпускном балу. Детей принято хоронить так: мальчиков – в костюмах, девочек – в праздничных светлых платьях. Военных хоронят в форме. Священнослужителей – в рясе¹⁷. Как и ранее, считается: на том свете покойник выглядит так, как был похоронен¹⁸.

Чем старше человек – тем темнее гроб и погребальные принадлежности. В белых или кремовых гробах со светлой обивкой хоронят неженатых молодых людей и девушек. Белые гробы часто украшают латунными деталями или искусственной позолотой. Детей до 16–18 лет хоронят в белых гробах с очень светлой внутренней обивкой – розовой для девочек, голубой – для мальчиков, или светло-кремовой¹⁹. Ранее было принято скромно хоронить детей, особенно, умерших в возрасте до года. Наиболее богатые похороны устраивались и устраиваются для людей от 18 до 30 лет. Особенно пышно всегда хоронили (и продолжают хоронить) единственных сыновей, пышно хоронят дочерей – единственных детей в семье. С 1940–1950-х годов резко падает количество детей в семье²⁰, и одновременно изменяется отношение к ребенку. К середине 1980-х годов ребенок становится элементом престижа. Согласно данным полевых исследований и мнению информаторов, влияние молодых людей очень сильно именно при похоронах детей, поскольку ими часто распоряжаются родители покойного, а не старшее поколение. В то же время при устройстве похорон молодых людей часто «первую скрипку играют» их родственники из старшего

поколения. Итак, за последние 10–20 лет ребенок в Белграде стал показателем престижа семьи, что отразилось на похоронной обрядности.

Похороны детей стали очень пышными, часто превращаются показательные манифестации скорби²¹. Изменилось отношение к мертворожденным детям и тем, кто погиб на большом сроке беременности – все чаще их хоронят с соблюдением действий, принятых при обычных похоронах (ранее тело могли не забрать или захоронить без особых церемоний), что в очередной раз свидетельствует об изменениях в менталитете общества в данной сфере²². Одним из показателей этой тенденции можно считать создание в 2003-м году на белградском кладбище Лешче «Детского сада» – места, на котором захоронены кремированные останки мертворожденных или умерших сразу после рождения детей, которых не забрали и не похоронили их родители²³.

Перед похоронами самые близкие к покойнику люди приезжают в морг или домой и присутствуют при закрытии гроба, если на общем прощании он будет закрытым. Все чаще общее прощание происходит при закрытом гробе. Многие молодые респонденты высказываются именно за закрытый гроб – открытый стал восприниматься в последние годы как травмирующий нервы нежелательный фактор²⁴. В прошлом считалось, что нести гроб родственника – дурной знак, поэтому его всегда выносили посторонние люди. Сейчас это чаще всего – сотрудники похоронной службы. Но именно в молодежной среде распространено мнение, что нести гроб покойника – это значит оказать ему уважение. Для подобной демонстрации коллеги, однокурсники, сослуживцы из военной части или полиции и т.п. часто сами выносят гроб²⁵.

Далее кортеж следует до кладбища, где происходит церемония прощания в специальном помещении – капелле. Здесь кортеж встречает священник (в подавляющем большинстве случаев), и происходит небольшая религиозная церемония. Рядом с гробом стоят близкие родственники, в капеллу приходят желающие попрощаться, они кланяются гробу, трогают или целуют его, крестятся, реже – встают на колени ради молитвы, ставят свечи, выражают соболезнования близким покойного, передают организаторам похорон цветы и венки. Самые близкие и важные пришедшие говорят краткие хвалебные речи. Рядом с капеллой устраивается скромное угощение – алкоголь (принято выливать немного на землю «за душу»), сок, вода, конфеты²⁶.

После прощания, которое обычно занимает час, гроб транспортируют к месту похорон. Часто священник здесь совершает небольшую

церемонию, которую молодые люди в подавляющем большинстве считают обязательной, даже если сами не являются практикующими верующими (однако отпевание в храме происходит редко). Потом могилу закапывают. На нее кладут цветы и венки. Представители молодого поколения, особенно, на могилы женщин и детей кладут мягкие игрушки. Если для детей это было принято и прежде, то для женщин – это нововведение последних лет, заимствованное из европейской культуры²⁷. На свежей могиле, согласно традиции, присутствующих угощают специально выпеченными небольшими хлебами из дрожжевого теста – «погачами», которые ломают руками на небольшие куски и раздают присутствующим, «кольивом» или «житом» (это сваренные с сахаром или медом зерна пшеницы). К ним могут быть поданы взбитые сливки.

Церемонию завершает поминальная трапеза в доме умершего или ресторане. Последнее время часть ресторанов, расположенных вблизи белградских кладбищ, делают проведение поминальных трапез своим постоянным бизнесом. Услуги такого рода максимально востребованы на похоронах, устраиваемых при помощи и под руководством молодых людей, хотя пользуются популярностью и среди других возрастных групп²⁸.

Как видим, комплекс похоронной обрядности, который реализует или видит желательным молодежь Белграда, полностью основан на традиционной сербской похоронной обрядности, хотя относительно последней, он значительно сократился. Имеется также ряд нововведений. Причины подобных новаций состоят в изменении менталитета людей, современных условиях жизни в крупном городе, вторжении в данную сферу технических новинок.

¹ Радловић Л. Црквени ритуали животног циклуса: крштење и венчање // Посебна Издања ЕИ САНУ (здесь и далее – ЕИ САНУ Етнографски Институт Српској Академији Наука и Уметности). Београд, 2002. № 48. С. 77–94; Жикић Б. Крштење одраслих и деце у Србији у последњој деценији двадесетог века // Посебна Издања ЕИ САНУ. Београд, 2002. № 48. С. 115–128; ПМА. Сербия. 1994–2013 гг.

² ПМА. Сербия. 1994–2013 гг.

³ Павловић М. Прорицање судбини – знаменја // ГЕИ (здесь и далее – ГЕИ – Гласник Етнографског Института САНУ). Београд, 1993. № 42. С. 153.

⁴ Schneeweis E. Serbokroatische Volkskunde, Erster Teil. В., 1961. С. 83–84; Vlahovic P. Obicaji, verovanja i praznoverice naroda Jugoslavije. Beograd, 1972.

- С. 40–41; *Зечевић С.* Култ мртвих код Срба. Београд, 1982. С. 36 и даље; *Ноковић Бранко.* Предзнаци смрти // ГЕМ. 1991. № 54–55. С. 204–208; Нека веровања из традиције становништва прибалних насеља донег Дунава // ГЕМ (здесь и даље ГЕМ – Гласник Етнографског Музеја у Београду). 1993, № 57. С. 264–265; *Павловић Мирјана.* Указ соч. С. 150–153.
- ⁵ ПМА. Србија. 1994–2013 гг.
- ⁶ *Павићевић А.* Време (без) смрти. Представе о смрти у Србији 19–20 века. Посебна Издања Етнографског института Српској Академији Наука и Уметности. № 73, 2011. С. 17–20.
- ⁷ ПМА. Србија. 1994–2013 гг.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Павићевић А.* Указ. соч. С. 17–20.
- ¹⁶ ПМА. Србија. 1994–2013 гг.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Бајактаровић М.* Још о убијању старих људи /// ГЕИ. 1999. № 58. С. 56.
- ¹⁹ ПМА. Србија. 1994–2013 гг.
- ²⁰ *Бромлеј Ј.В., Кашуба М.С.* Брак и семья у народова Југославији. М., 1982. С. 132–133.
- ²¹ ПМА. Србија. 1994–2013 гг.
- ²² Там же.
- ²³ *Павићевић А.* Указ. соч. С. 31–32.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.

О результатах изучения физического развития учащихся в разных городах России в изданиях «Русского антропологического журнала»

«Русский антропологический журнал» (РАЖ) был первым крупным регулярным изданием по антропологии в России в начале XX века. В нем публиковались статьи, переводы и рецензии на работы, посвященные различным вопросам физической антропологии, а также смежным вопросам археологии, этнографии, истории и философии науки. Основными направлениями исследований, которым была посвящена большая часть статей в «Русском антропологическом журнале», были вопросы расовой изменчивости, этнической антропологии и этнической истории. Поэтому другие направления антропологии представлены в работах «Русского антропологического журнала», скорее, спорадически. Так, вопросы аукологии затрагиваются преимущественно не во внутренних статьях, опубликованных в самом журнале, а в разделе «Критика и библиография», где публиковались рецензии и обзоры на внешние работы. Вопросам исследования физического развития городского населения в ранний период существования журнала, когда его редактором был А.А. Ивановский, были специально посвящены всего одна статья и две рецензии. Однако и на основании такого скромного материала, который будет рассмотрен ниже, можно сделать ряд выводов о том, какие вопросы аукологических исследований в городской среде ставились перед наукой в то время.

При рассмотрении обзоров и статей, касающихся аукологии в «Русском антропологическом журнале», можно заметить, что уже в тот период, помимо выявления общих закономерностей и норм в развитии организма, периодически поднимались также вопросы о специфике физического развития в зависимости от внешних условий. Ярким примером здесь может служить опубликованная Д. Никольским в первом номере журнала за 1900 г. «Программа собирания сведений о зубах и зубоврачебной помощи в школах Российской империи». Данная программа, выработанная комиссией при IV отделении Русского Общества охранения народного здоровья, представляет собой инструкции по сбору данных о здоровье зубов у детей параллельно со сведениями экологического и биологического характера. Программа включает в

себя сбор данных о местности и ее населении, количестве пищи, напитках, занятиях, выдающихся болезнях; классификацию обследованных детей по числу, полу, возрасту и национальности; выяснение влияния на жевательный аппарат наследственности, образа жизни, свойств пищи и конституционных болезней¹.

Помимо данной программы, в том же номере журнала были напечатаны две рецензии Д. Никольского на работы, посвященные изучению физического развития учеников городских школ. Первая из них носит название «Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска» и представляет собой диссертацию М.Л. Залигера на степень доктора медицины 1900 г. Вторая работа – статья В.Д. Ястремского «Физическое развитие и состояние здоровья учеников курских городских училищ», опубликованная в издании «Свод сведений о ходе и распространении заразных болезней в Курской губ.».

В обеих работах поднимается вопрос о влиянии школы на физическое развитие. Так, в рецензии на диссертацию Залигера специально отмечается, что эта проблема представляла большой интерес для антропологической науки на рубеже веков, но не имела общепринятого решения: «Вопрос о влиянии народных школ на здоровье учащихся до сих пор с положительностью не решен; существует два противоположных мнения: одни совершенно отрицают влияние народной школы на физическое развитие, другие полагают, что физическое развитие под влиянием народной школы задерживается. Для решения настоящего вопроса мы располагаем, главным образом, материалом об учащихся в сельских школах и очень мало имеем данных об учащихся в городских начальных школах»². Поэтому исследования М.Л. Залигера и В.Д. Ястремского представляли собой шаг к тому, чтобы заполнить данный пробел в информации.

М.Л. Залигер провел свои исследования в шести школах города Петрозаводска (две министерских, одна земская и три церковно-приходских), за три полугодия было обследовано 303 мальчика и 313 девочек в возрасте от 7 до 14 лет. Материалом для исследований д-ра Ястремского послужили проводившиеся в течение пяти лет исследования по определенному плану на картах. В общей сложности автором были взяты 864 карты в мужских училищах и 978 женских в возрасте от 8 до 13 лет. В обеих работах определялись рост, вес, окружность

груди и жизненная емкость легких, а также их взаимоотношения между собой³.

В рецензиях Д. Никольского можно выделить следующие основные пункты:

1) М.Л. Залигер отмечает половые различия в темпах роста между мальчиками и девочками, но оставляет их причины без пояснений: «Исследования показали, что рост мальчиков вообще больше, чем девочек, но, начиная с 11 лет, девочки перерастают мальчиков. Подобный факт наблюдался, как известно, и другими исследователями, но объяснений еще до сих пор не дано». Из данного заявления автора можно заключить, что возможность генетической детерминации половых различий в темпах роста автором не рассматривалась⁴.

2) М.Л. Залигер отмечает, что ученики городских школ выше ростом, чем ученики сельских школ, и вырастают ежегодно на большую величину, чем последние. В.Д. Ястремский также указывает на то, что ученики курских городских училищ превосходят по росту учеников сельских школ, хотя и уступают в этом отношении ученикам средне-учебных заведений. Из данного факта В.Д. Ястремский делает вывод, что в условиях жизни в городской среде и, особенно, в школе должны существовать факторы, способствующие более интенсивному росту, чем в деревне. Увеличение роста с продолжительностью пребывания в школе М.Л. Залигер пытается объяснить с помощью теории растяжения связок вследствие неправильного положения на скамьях, неприспособленных к росту учащихся⁵.

3) Абсолютная величина грудной клетки увеличивается с возрастом, причем, по Залигеру, эта величина больше у тех одноклассников, которые учатся большее число лет. Данное наблюдение приводит к выводу о том, что пребывание в школе оказывает положительное влияние на развитие груди, однако другими исследователями такая закономерность не была замечена⁶.

4) Относительная окружность груди у школьников уменьшается с возрастом. По Залигеру, разность между окружностью груди и полу-ростом у мальчиков положительная между 7 и 9 годами, после 10 лет – отрицательная; у девочек разница положительная только в семилетнем возрасте⁷.

5) Оба автора подтверждают, что относительная окружность груди у городских детей меньше, чем у деревенских⁸.

6) Согласно В.Д. Ястремскому, по относительному весу городские и деревенские мальчики мало отличаются между собой⁹.

7) В курских городских училищах доля мальчиков со слабым телосложением превосходит долю мальчиков с крепким телосложением (по Ястремскому 19% и 17% соответственно), у девочек наблюдается обратное соотношение (22% и 26%)¹⁰.

Статья В.И. Игнатьева посвящена изучению физического развития слушателей Константиновского Межевого института. Тем самым она способна дополнить работы, посвященные изучению учащихся городских школ, информацией об основных показателях физического развития учащихся городского высшего учебного заведения.

Статья поделена на 6 разделов, из которых только последний представляет собой результаты изучения слушателей Межевого института, а первые 5 включают в себя информацию о различных физических параметрах как показателях индивидуального физического развития, накопленную к тому времени. Поскольку вступительные разделы содержат очень много обзорной и историографической информации, они будут описаны очень кратко с выделением только их основной тематики и тех пунктов, которые имеют непосредственное значение для основного исследования.

Первый раздел включает в себя два основных пункта. Первый – историография вопроса о возрасте наступления физической зрелости, изменение представлений о том, какой возраст считался возрастом физической зрелости в различные эпохи и какое значение он имеет при несении военной службы. Второй – значение роста как фактора оценки здоровья и физического развития. Он также включает в себя историографию вопроса о том, какой рост считался минимально допустимым для несения военной службы в разные эпохи, а кроме этого содержит довольно подробный разбор вопросов о влиянии факторов наследственности и среды на рост.

Второй раздел посвящен анализу особенностей онтогенеза скелета. В нем автор подробно рассматривает онтогенез подбородочного выступа, таза и грудной клетки, сопоставляя их развитие в онтогенезе с развитием в филогенезе.

Третий раздел начинается с того, на чем заканчивается предыдущий, и является его непосредственным продолжением. Он посвящен анализу зависимости относительной величины окружности груди (жизненного указателя) от различных факторов. Кроме того, в разделе со-

держится обзор нормативов различных стран, определяющих минимально допустимую разницу между окружностью груди и полуростом при приеме на службу.

Четвертый раздел посвящен анализу веса как фактора в оценке здоровья и физического развития. В начале раздела приводится обзор нормативов, устанавливающих минимально допустимый вес при приеме на службу в различных странах. После этого следует анализ попыток установить нормы веса в зависимости от роста и окружности груди с помощью различных формул, предложенных рядом исследователей.

Пятый раздел является последним и вместе с тем самым важным из вступительных разделов. Он является продолжением предыдущего, и в нем происходит дальнейшее раскрытие темы взаимосвязи роста и веса. Игнатъев приводит еще ряд формул, устанавливающих нормы взаимоотношения между ростом, весом и другими антропометрическими признаками, снабжая их, по возможности, результатами проверок на фактическом материале. Среди этих формул необходимо отметить две, имеющие особое значение, поскольку в дальнейшем они были использованы в оригинальном исследовании Игнатьева, описанном в шестом разделе. Эти две формулы носят названия индекс Пинье и индекс Ливи.

Индекс Пинье, предложенный в 1902 г., предназначен для оценки крепости телосложения и вычисляется по формуле:

$$\text{index} = \text{рост} - (\text{вес} + \text{периметр груди}).$$

Чем ниже значение индекса, тем более крепкой должна быть организация. Согласно Пинье, если указатель ниже 10, то организация должна быть классифицирована как очень сильная, если от 10 до 15, – как сильная, если от 15 до 20 – как хорошая, от 21 до 25 – как средняя, от 26 до 30 – как слабая, от 31 до 35 – как очень слабая, выше 35 – как плохая¹¹.

Индекс Ливи определяет отношение веса к росту. Однако, поскольку вес зависит от объема тела, то, по мнению Ливи, его предварительно нужно привести к линейной величине. Поэтому для вычисления индекса Ливи требуется взять отношение кубического корня из величины веса, выраженной в килограммах, к величине роста, выраженной в сантиметрах, и умножить данное отношение на 100¹².

Анализ физического развития слушателей Межевого института Игнатьев начинается, как и предполагается, с обзора материала и методов исследования.

Медицинскому освидетельствованию подверглись все поступившие в период с 1899 по 1905 год включительно. Всего за этот период был принят 231 человек. Распределение поступивших за семь лет по возрастному составу отражено в Таблице 1¹³:

Таблица 1

Возраст	Доля в процентах
17	5,1
18	11,1
19	20,5
20	23,5
21	16,6
22	9,8
23	8,5
24	2,1
25	0,85
26	0,85
27	0,43
31	0,43

Распределение поступивших в зависимости от того, какой тип средне-учебного заведения они закончили, отражено в Таблице 2¹⁴:

Таблица 2

Средне-учебное заведение	Доля в процентах
Реальные училища	58,1
Землемерные училища	15,8
Гатчинский сиротский институт	6,8
Коммерческие училища	5,5
Классические гимназии	5,1

Кадетские корпуса	3,8
Земледельческие училища	2,5
Семинария	1,28
Мореходные классы	0,4
Технологический институт	0,4

Ознакомив читателей с материалом, автор переходит к описанию целей и методов исследования. Главной целью исследования является попытка объективно определить степень физической пригодности к несению межевой службы, требующей тяжелой физической нагрузки. Все измерения В.И. Игнатьев производил лично, для измерения веса использовал весы Фербенкс, для измерения роста – стойку с металлической шкалой, для определения периметра груди при выдохе использовалась измерительная тесьма, накладываемая при опущенных руках на уровень сосковой линии¹⁵.

Далее В.И. Игнатьев переходит уже непосредственно к анализу эмпирических данных, полученных в результате измерений. По рубрикации роста обследованные субъекты распределились следующим образом (табл. 3)¹⁶:

Таблица 3

Рост в сантиметрах	Количество человек	Доля в процентах
150–154	2	0,86
155–159	16	6,9
160–164	38	16,4
165–169	46	19,9
170–174	86	37,2
175–179	28	12,1
180–184	13	5,62
185–190	2	0,86

Из этих данных видно, что почти три четверти имели рост от 160 до 175 см, причем больше всего приходится на категорию в 170–174, которая в начале XX века рассматривалась как категория «выше среднего». Суммируя данные, В.И. Игнатьев справедливо делает вывод, что

по росту ученики должны быть причислены не к низкорослым, а к типу лиц со средним ростом или даже превышающим средний рост¹⁷.

Распределение веса учащихся В.И. Игнатьев приводит в зависимости от роста и возраста. Распределение веса в зависимости от роста показано в Таблице 4¹⁸:

Таблица 4

Рост в сантиметрах	Средний вес в граммах
150–154	51000
154–159	54371
160–164	55602
164–169	58149
170–174	61397
174–179	63858
180–184	68469

Сравнивая эти данные с величинами, приводимыми в таблице Куприянова, он отмечает, что при росте в 150–159 см средний вес учащихся выше минимального по Куприянову, при росте же выше 159 см он, напротив, ниже минимального. Таким образом, согласно Куприянову, большинство учеников должны быть причислены к категории слабосильных¹⁹.

Далее В.И. Игнатьев исследует распределение веса учащихся в зависимости от их возраста, отраженное в Таблице 5²⁰:

Таблица 5

Возраст	Вес в граммах		
	Min	Max	Средний
17	51200	61100	51741,7
18	49900	75000	58708,7
19	48300	73000	60938,2
20	46900	75300	59665,4
21	45500	77900	61318,5
22	47600	67400	60250
23	53100	69800	61170

Сравнивая свои данные с таблицами Эрисмана и Кетле, автор отмечает, что в 17 лет вес слушателей института больше веса московских рабочих, но ниже веса населения Бельгии по Кетле, в возрасте же старше 17 лет их вес близок или даже отчасти превышает вес бельгийского населения²¹.

Третьим основным антропометрическим параметром, рассматриваемым В.И. Игнатьевым, является, соответственно, окружность груди. Но поскольку величина периметра груди представляет ценность для анализа не сама по себе, а в соотношении с другими величинами, то автор приводит вариации периметра груди в различных возрастных группах в сравнении с соответствующими вариациями роста. Эти данные отражены в Таблице 6²²:

Таблица 6

Возраст	Рост			Периметр груди		
	Min	Max	Средний	Min	Max	Средний
17	162,5	175,5	168,38	78	89	82,12
18	155,5	178,0	167,2	76	95	84,6
19	156,0	183,0	169,9	79	94	85,7
20	150,5	186,0	169,8	74	98,5	85,1
21	153,5	187,0	170,1	78	107,5	87,5
22	156,0	180,0	168,5	71,5	92,5	85,1
23	157,7	177,5	168,9	79	93	87,2
24	158,0	174,0	166,4	84	89	86,4

При анализе этих показателей можно заметить, что только в возрасте 17 лет периметр груди в среднем меньше полуроста. Начиная с 18 лет, периметр груди во всех возрастах превосходит полурост, и к 24 годам эта разница достигает 3,2 см, что указывает на хорошее развитие груди у учащихся. Однако, при более детальном анализе данных, оказывается, что относительное развитие сильно варьирует в каждой возрастной группе, поэтому в любом возрасте обнаруживается определенная доля лиц, у которых периметр груди меньше полуроста. Соответствующие данные отражены в Таблице 7²³:

Таблица 7

Возраст	Доля лиц, у которых обхват груди меньше полуроста
17	75,0%
18	40,7%
19	40,2%
20	51,9%
21	36,9%
22	40,9%
23	20,0%
24	20,0%

Из этой таблицы становится видно, что при хорошем развитии груди у учащихся, в целом, даже в возрасте 23–24 каждый пятый отличается плохим развитием груди по отношению к росту.

Проведя три основных измерения, необходимых для оценки крепости телосложения, В.И. Игнатьев переходит к самой важной части работы, а именно к вычислению индивидуальных значений индексов Пинье и Ливи, описанных в пятом разделе работы, и сопоставлению их с показателями относительного развития груди для более точной оценки физического здоровья²⁴.

Сопоставление дало интересную картину: начиная с 17 лет, и вплоть до 20–22 лет доля случаев, когда оценки крепости организма, основанные на индексах Пинье и Ливи, расходятся с относительным развитием груди, постепенно возрастает, а в 23 года, напротив, отмечен резкий спад частоты подобных случаев²⁵.

Так, в исследовании В.И. Игнатьева в 17-летнем возрасте из 12 случаев несовпадение индексов Пинье и Ливи с относительным развитием груди обнаружилось только один раз. В 18 лет совпадение констатировано уже только в 85,2% случаев. В 19 лет расхождение продолжает нарастать: формула Пинье не совпала с показателем развития груди в 17,0% случаев, формула Ливи в 19,1%. В 20 лет индексы Пинье и Ливи в сумме дают несовпадение уже в 32,72%, в некоторых случаях индексы не совпадали между собой, но чаще наблюдалось несовпадение с развитием груди. В 21 год показатели расхождения неожиданно падают до уровня даже более низкого, чем в 19 лет (Пинье – 15,79%, Ливи – 18,4%). Зато в 22 года несовпадение индекса

Пинье резко возрастает до 27,2%, в то время как аналогичный показатель для индекса Ливи немного даже понижается до 18,1%. И, наконец, в 23 года индексы Пинье и Ливи дали расхождение с развитием груди всего в 10% случаев²⁶.

Подводя итог своей работы, В.И. Игнатьев делает некоторые выводы, касающиеся основных принципов оценки физического здоровья. По его мнению, хотя периметр груди является одним из важнейших показателей в оценке здоровья, тем не менее, вполне правы те авторы, которые предлагают производить такую оценку не на основании одного признака, а на основании их совокупности. Главный недостаток такого признака, как величина периметра груди по отношению к росту, состоит в том, что он не включает в себя такой важный показатель, как вес. Между тем, индексы Пинье и Ливи позволяют компенсировать этот недостаток и дать выраженное в цифрах представление о крепости организма и качестве питания, что придает такой оценке больше объективности по сравнению с простым внешним осмотром. Поэтому хотя автор утверждает, что не является защитником неподвижных норм, он вместе с тем признает желательность установления тех минимальных норм, ниже которых антропометрические данные не должны опускаться²⁷.

Суммируя результаты исследований физического развития детей и подростков, проведенных в начале XX века, и нашедших свое отражение в изданиях «Русского антропологического журнала», можно сказать, что этот период в развитии ауксологии, как и всей физической антропологии, в целом, был временем экспериментов и новых идей. Характерной чертой этого периода было то, что накопление эмпирических данных и создание частных гипотез для объяснения некоторых фактов опережало создание целостной теоретической базы. Такие идеи, как теория растяжения связок, использовавшаяся для объяснения повсеместно наблюдаемой разницы в росте между городскими и деревенскими жителями, с современных позиций представляются уже неактуальными. Равным образом в настоящее время никто не станет сомневаться в генетической обусловленности различий в темпах роста и развития между мальчиками и девочками.

Сходные недостатки можно отметить и в отношении различных формул и таблиц, предназначенных для определения нормального веса и крепости физического сложения. Многообразие таких схем уже само по себе показывает то, что они не имели под собой общей стройной теоретической базы. Каждый из авторов пытался создать свою

схему, основываясь на ограниченных фактических данных, личных соображениях, что приводило к тому, что оценки, получаемые с помощью этих формул и таблиц, зачастую не совпадали как между собой, так и с фактическими результатами. В этих схемах не учитывался ряд факторов, необходимых для объективной оценки крепости телосложения, таких как, например, удельный вес различных тканей у каждого индивидуума или зависимость пропорций тела от роста.

Но, несмотря на все вышеозначенные недостатки данных работ, их ценность заключается, прежде всего, в сборе эмпирического материала и попытках проверить на нем некоторые теоретические положения. Ведь именно сбор эмпирического материала о различных аспектах изучаемого явления является основой для построения общих теорий в естественных науках, с возможностью последующей проверки их предсказательной способности на практике.

¹ *Никольский Д.* Программа собирания сведений о зубах и зубоврачебной помощи в школах Российской империи // Русский антропологический журнал (РАЖ). 1901. № 1. С. 119.

² *Никольский Д.* Рецензия на дисс. на степень д-ра мед.: Залигер М.Л. Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска. 1900 // РАЖ. 1901. № 1. С. 117–118.

³ *Никольский Д.* Рецензия на дисс. ...; *Он же.* Рецензия на статью: Ястремский В.Д. Физическое развитие и состояние здоровья учеников курских городских училищ / Свод сведений о ходе и распространении заразных болезней в Курской губ. 1900 г., № 9 // РАЖ. 1901. № 1. С. 118–119.

⁴ *Никольский Д.* Рецензия на дисс. ... С. 117.

⁵ *Никольский Д.* Рецензия на дисс. ...; *Никольский Д.* Рецензия на статью ...

⁶ *Никольский Д.* Рецензия на дисс. ... С. 118.

⁷ Там же.

⁸ *Никольский Д.* Рецензия на дисс. ... С. 118; *Никольский Д.* Рецензия на статью ... С. 119.

⁹ *Никольский Д.* Рецензия на статью ... С. 119.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Игнатъев В.Е.* Периметр груди, формула Пинье и index ponderalis Ливи, как показатели физического развития слушателей Константиновского Межевого института // РАЖ. 1907. № 3–4. С. 115.

¹² Там же. С. 118.

¹³ Там же. С. 119–120.

¹⁴ Там же. С. 120.

¹⁵ Там же. С. 121.

¹⁶ Там же. С. 121.

¹⁷ Там же. С. 122.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 123.

²² Там же.

²³ Там же. С. 124.

²⁴ Там же. С. 124–125.

²⁵ Там же. С. 125.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 125–126.

Раздел V

Конфликт идентичностей. Ксенофобия, сепаратизм

В.И. Малышева

Уровень ксенофобии в среде московской молодежи*

Как явление, ксенофобия комплексно изучается специалистами различных гуманитарных наук. Причина этого – сложность и неоднозначность самого феномена, которая заключается в его одновременном биологическом, психологическом и социальном происхождении.

Объектами ксенофобии могут стать абсолютно любые группы людей, но принято дифференцировать несколько видов ксенофобий по типу направленности: расовые и этнические фобии, фобии на почве религиозных взглядов, фобии по отношению к носителям иных культурных, социальных и физических параметров.

Тенденция роста этнической (национальной) и религиозной нетерпимости наблюдается во многих странах мира, о чем свидетельствует повсеместное увеличение числа конфликтов, возникающих на данной почве. Но в условиях многонациональной России допускать проявления агрессивной этнической неприязни очень опасно. Поэтому анализ и проработка проблем, связанных с проявлениями ксенофобии, необходимы для здорового функционирования такой полиэтнической страны, как Россия.

В 2014 г. было проведено исследование уровня ксенофобии среди московской молодежи¹. Ксенофобские настроения могут быть широко распространены во всех слоях общества. Но, для получения более результативных данных потребовалось сужение исследовательского

* Данные, приведенные в статье, были собраны в процессе полевой работы автора среди московской молодежи в 2014 г.

поля. Наиболее интересной для изучения представлялась такая категория, как «молодежь». Ведь именно молодые люди являются носителями культуры и традиций государства. Исследовательский интерес, прежде всего, к столичной молодежи обусловлен тем, что крупные города, такие как Москва, наиболее неоднородны по своему этническому составу, поэтому, вероятность возникновения локальных конфликтов на почве неприязни в городской среде выше, чем в регионах.

Цель исследования предполагала анализ уровня ксенофобии в среде московской молодежи. Задачами было выявление характера, особенностей и вектора направленности такого явления, как молодежная ксенофобия.

В опросе приняли участие 100 молодых людей, в возрасте от 18 до 32 лет: 67 девушек и 33 юноши. Наибольшее число опрошенных находятся в возрасте 22–25 лет (44%). (Среди 100 % опрошенных респондентов 48% имеют неоконченное высшее образование, 38 % – высшее, 8% – среднее, и лишь 6% – среднее специальное).

В первую очередь, респондентам было предложено самим оценить по пятибалльной шкале свой уровень «толерантности». Большинство, а именно 46%, оценили свой уровень толерантности на «4». Для 54% опрошенных этническая принадлежность собеседника не оказывает никакого влияния на отношение к нему, 22% считают, что этническая принадлежность оказывает влияние на отношение к собеседнику, а 24% затруднились ответить на данный вопрос.

При ответе на вопрос: «Вызывают ли у вас чувство неприязни и предвзятое отношение представители какой-либо конкретной национальности» предлагалось указать, к какой именно национальности у респондентов присутствует предвзятое отношение, либо указать, что таких национальностей нет. Опрос выявил следующие результаты: 54% респондентов не имеют предвзятого отношения к представителям отличной от их этнической группы, остальные 46% респондентов представили список национальностей, которые вызывают у них предвзятое отношение.

Из всех перечисленных вариантов ответа были выбраны пять наиболее популярных (табл. 1).

Таблица 1

Список национальностей, указанных респондентами в качестве вызывающих неприязнь и предвзятое отношение

	Вариант ответа	Число респондентов
1	Представители кавказского региона	15
2	Дагестанцы	8
3	Чеченцы	6
4	Азербайджанцы	4
5	Выходцы из средней Азии	4

Один из вопросов позволяет выявить направленность ксенофобии и основные «болевы точки» в межэтнических отношениях. Из приведенной таблицы следует, что основная часть респондентов испытывает предвзятое отношение к целой группе этносов кавказского региона. Большое число респондентов предпочло конкретизировать свою неприязнь, указав название конкретного этноса. Тем не менее, Дагестан и Чечня располагаются на территории Северного Кавказа, а, следовательно, большинство респондентов, так или иначе, указали на неприязнь именно к представителям кавказского региона. Из полученных данных можно сделать вывод, что отношения с представителями северокавказского региона являются наиболее напряженными и требуют более детального исследования.

Вопросы анкеты также позволили выявить степень близости, которую допускают респонденты в отношениях с представителями иной национальности и иной веры. 87% респондентов согласны иметь представителя иной национальности в качестве близкого друга, но вступление в брак с представителем иного этноса допускают только 67% опрошенных. Вступление в брак с представителем иной веры допускают лишь 53% опрошенных. Различия в вероисповедании являются более отталкивающим фактором для брачных отношений, чем различия в этнической принадлежности. Тем не менее, больше половины респондентов проявляют толерантность или нейтралитет по отношению к представителям иных религиозных взглядов, а именно: 55% считают, что любые религиозные воззрения имеют место быть, 40% относятся к иноверцам нейтрально, и лишь 5% относятся с опаской. Таким образом, конфессиональные различия являются препят-

ствием лишь для более близких отношений (брак), но в целом, большинство респондентов стараются придерживаться толерантной позиции относительно приверженцев иных религий.

Один из ключевых вопросов исследования касался причин, усугубляющих межнациональные отношения в условиях современной России. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «как вы считаете, что усугубляет межнациональные отношения в России и приводит к усилению ксенофобии?» и указать наиболее значимые, на их взгляд, причины (табл. 2).

Таблица 2

Ответы	%	Число респондентов
Слабая миграционная политика государства	52	52
Агрессивность, маргинальное поведение мигрантов	82	82
Террористические акты	42	42
Другое	14	14

Основная масса опрошенных считает, что рост уровня межэтнической неприязни происходит по вине мигрантов, которые демонстрируют агрессию и маргинальное поведение (82%); слабую миграционную политику государства считают причиной конфликтов 52% опрошенных; 42% считают террористические акты причиной, усиливающей ксенофобские настроения. В графе «другое» респондентам предлагалось в свободной форме выразить наиболее актуальные, на их взгляд, причины, усугубляющие межнациональные отношения в России. Среди ответов были указаны следующие:

- значительные культурные различия между «местными» и «приезжими»;
- нежелание со стороны мигрантов учить русский язык и относиться с пониманием к русским традициям.

Также ряд респондентов указал, что СМИ и государство своими действиями сами провоцируют националистические настроения.

Реальными участниками межэтнического конфликта называют себя 28% опрошенных, что является довольно высоким показателем. В рамках данного исследования не уточняется характер конфликта и

роль респондента в нем, так как тема межэтнических конфликтов очень объемная и может лечь в основу отдельного исследования. Однако, почти 1/3 респондентов была так или иначе вовлечена в этнический конфликт, следовательно, можно сделать вывод, что такого рода конфликты в современной России распространены.

Мнения молодых москвичей о том, что же необходимо предпринять для устранения ксенофобии и этнической неприязни, также были отражены в ответах на вопросы анкеты. Приемлемыми и необходимыми средствами для снижения уровня ксенофобии респонденты считают следующие (табл. 3):

Таблица 3

Ответы	%	Число респондентов
Воспитывать толерантность через учебные заведения, СМИ	48	48
Ужесточить контроль над миграционными процессами	69	69
Усилить борьбу с проявлениями межнациональной розни	48	48
В этой сфере нет проблем	0	0
Другое	15	15

Здесь можно отметить, что большая часть опрошенных видит разрешение проблемы ксенофобии в ужесточении контроля над миграционными процессами. Таким образом, проблема мигрантов играет ключевую роль в увеличении уровня ксенофобских настроений. Воспитание толерантности через учебные заведения и СМИ разделяют 48%; те же 48% отметили, что необходимо ужесточить борьбу с проявлением межнациональной розни. В графе «другое» респондентам предлагалось указать свои способы борьбы с ксенофобией и этнической неприязнью. Примеры ответов, указанных в поле «другое»:

1. Активно развивать регионы, чтобы у людей не было причин эмигрировать ради выживания в крупные города;
2. Запретить въезд в страну;
3. Нужно, чтобы приезжие относились к местным жителям уважительно;

4. Централизованно создавать условия для адаптации мигрантов; Нерешенная проблема иммиграции, очевидно, является катализатором для ксенофобии, в том числе в молодежной среде.

Проведенное исследование, так или иначе, затрагивает ряд смежных вопросов, и для более полного отражения феномена молодежной ксенофобии требуются дополнительные и более узконаправленные исследования.

Однако, обобщая все результаты, можно сделать несколько выводов о характере молодежной ксенофобии и векторе ее направленности. Московская молодежь проявляет достаточно высокий уровень толерантности и терпимости в целом, тем не менее, испытывает неприязнь к определенным этническим группам.

1. Основная неприязнь московской молодежи основана на этнических различиях, что позволяет судить о наличии в молодежной среде ксенофобии по этническому признаку.
2. Основные ксенофобские настроения сосредоточены вокруг представителей кавказского региона, представители центрально-азиатского региона подвержены ксенофобии в меньшей степени.
3. Вопрос ксенофобии в молодежной среде тесно связан с вопросом миграции. Главным образом, объектом ксенофобии являются мигранты.
4. Большая часть респондентов считает, что уменьшения уровня ксенофобии можно добиться, в первую очередь, ужесточив контроль над миграционными процессами.
5. Абсолютное большинство респондентов считает, что государство не справляется с урегулированием этнических конфликтов, также респонденты указывают на несостоятельность национальной политики в РФ.

Вектор ксенофобии, направленный против мигрантов сам по себе доказывает, что миграционная политика является «болевым точкой» российского общества. Проблема иммиграции, в данном случае, становится одним из катализаторов ксенофобии. Наглядным примером становится увеличивающееся количество конфликтов, основанных на межэтнических отношениях, а также растущее число экстремистских молодежных группировок.

Понятие сепаратизма: генезис и бытование

Явление сепаратизма всегда тесно связано с политическим бытием этнических групп. Появление новых форм и методов этнического сепаратизма изменяет формы реакции на него: то, что ранее находилось под юрисдикцией одной страны, теперь стоит на повестке дня всего мира. Актуальность данной темы трудно переоценить, яркими примерами тому являются неоднократно обсуждавшиеся в ООН ситуации по Косово, Абхазии, Южной Осетии, конфликты в Приднестровской Молдавской Республике, Нагорном Карабахе, военные кампании в Чечне и действия сепаратистских бандформирований на Северном Кавказе, бум сепаратизма на Украине. Такая категория, как сепаратизм, активно используется в современном понятийном тезаурусе социально-гуманитарной науки, однако, содержание, внутренний смысл, который вкладывают в это понятие разные авторы, очень часто не совпадают. Сложившаяся ситуация подводит нас к проблеме определения понятия сепаратизма, анализа эволюции вкладываемых смыслов, рассмотрения современных определений этого понятия, в том числе юридически закрепленных. Методологическим основанием данной работы будет немецкая Begriffsgeschichte – «история понятий», основателем которой можно назвать Райнхарта Коселлека, автора знаменитой работы «Исторический лексикон политико-социального языка в Германии»¹. Данная методология выдвигает тезис о том, что история понятий находится в неразрывной связи с историей общества, где они рождаются и существуют. Поэтому очень важно понимать контекстуальность появления и бытования понятий.

Сам термин *сепаратизм* происходит от латинского 'separatus' – отдельный, он появляется в начале XVII века в Англии (впервые упоминается в 1632 г.)². Под сепаратистами в этот период понимаются члены религиозных групп, которые под руководством Р. Брауна отделились от англиканской церкви. Часть из них погибла в репрессиях, другие эмигрировали и основали свои поселения в Голландии и Плимуте (штат Массачусетс), расширив, таким образом, географию понятия. В дальнейшем они будут стараться отмежеваться от понятия сепаратисты и назовут себя конгрегационалистами³. Не менее интересна история появления понятия «сепаратизм» в России. Мы можем отметить

практически полное отсутствие этого термина в публицистике, официальных документах, словарях до 1860-х годов. Данное слово входит в употребление вместе с лексиконом царской цензуры и событиями польского восстания 1863–1865 гг. Петербургский цензор В. Бекетов в 1860 г. при рассмотрении произведения украинофила П.А. Кулиша под названием «Хмельниччина» дает следующий комментарий: «Цензура вообще не может и не должна препятствовать обнародованию специальных сочинений...; ...если только сочинения эти написаны с чисто ученою целью, без всякой мысли о возможности самостоятельного существования тех областей и без всяких сепаратических учений и настроений»⁴.

Июльский циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева от 18 июля 1863 г. упоминает слово «сепаратизм» в смысле бунтарства и неподчинения властям: «Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии»⁵. А.Ф. Гильфердинг, член-корреспондент Российской академии наук, в своей статье «Литва и Жмудь», датированной декабрем 1863 г., рассуждает о возможности сепаратизма в Литве, и решительно отвергает его, говоря о «несформированности самосознания у туземного населения», и если сепаратизм будет, то это будет «сепаратизм польский». Он говорит о необходимости создания образовательной системы для Литвы, которая позволит России обучить Литву русскому языку и не дать ей попасть под польское, сепаратистское влияние⁶. Окончательное утверждение дефиниции было закреплено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «Сепаратизм – стремление отделяться от большинства и составить свою стачку; скоп, стачка, особщина; раскол, ересь»⁷. Данное определение также показывает, что термин в тот момент все еще был связан с религиозным дискурсом, из которого это понятие вышло в XVII в. Русские политические мыслители, начиная со второй половины XIX века, так или иначе рассматривают явление сепаратизма, как отрицательное. Н.А. Бердяев в своей статье «Россия и Великороссия» ставит сепаратизм в один ряд с понятиями «партикуляризма» и «провинциализма», описывая стремление украинцев национализировать русских мыслителей и поэтов⁸. Критикуя украинофилов, Л.А. Тихомиров в статье «Сочиненная народность» отмечал, что идеи о разделении русской нации на три народа «без сравнения хуже, чем государственный сепаратизм»⁹.

В языке противников власти также используется понятие сепаратизм. Украинofil, публицист М.П. Драгоманов в 1880-х годах в своей автобиографии называет себя украинским сепаратистом: «Смело могу сказать, ни один московский славянофил не распространил в Австрии столько московских книг, как я, “украинский сепаратист”»¹⁰. В.И. Ленин понимал сепаратизм в широком смысле, в рамках «отделения, обособления (от целого)»¹¹, он негативно расценивал дробление левых партий по национальному признаку, выход организации Бунд из партии РСДРП был назван «глубоко вредным для рабочего движения проявлением сепаратизма»¹². В то же время, Ленин приветствует сепаратизм как стремление народа к обособлению и созданию собственного государства. Его тезис «Россия как тюрьма народов» находит выражение в необходимости если не стимулировать, то приветствовать сепаратизм окраин: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии... Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет»¹³.

К началу XX века появляются новые определения сепаратизма, в словаре Брокгауза и Ефрона дается следующее определение: «сепаратизм – политическое движение, направленное к достижению отдельной областью данного государства автономии или политической самостоятельности»¹⁴, в словаре Гранат: «Сепаратизм – стремление подвластного народа, живущего в пределах большого государства, революционным путем вернуть или завоевать себе самостоятельность»¹⁵. Можно констатировать интересную двойственность в понятиях, образующуюся в начале XX века, синонимом сепаратизма становится термин партикуляризм (от лат. *particula* – небольшая часть), в словаре Брокгауза и Ефрона эта дефиниция раскрывается очень подробно, и партикуляризм описывается как исторически обоснованный сепаратизм: «термин партикуляризм применяется обыкновенно к политическим тенденциям в областях, не совершенно лишенных политической самостоятельности; к таким же тенденциям областей, ее лишенных, преимущественно применяется термин “сепаратизм”»¹⁶. Вместе с тем, в словаре утверждается, что партикуляризм в иностранной литературе вытесняет термин сепаратизм, использующийся по большей части российскими монархически-консервативными силами. Это демонстрирует, что для описания процесса отделения части террито-

рии от государства использовались разные, конкурирующие термины, в дальнейшем такая ситуация продолжится уже в Советском Союзе.

Фактически ранняя, ленинская политика РСФСР – СССР изначально была «просепаратистски» настроенной. Дабы исключить возможность распада советского государства по национальному признаку, властью было дано идеологическое обоснование невозможности существования сепаратизма в СССР. В 1929 г. И.В. Сталин в своей программной работе «Национальный вопрос и ленинизм» провозглашает несколько важных позиций касательно национального строительства в СССР. Во-первых, декларируется решение задачи ликвидации национального гнета, во-вторых, как следствие объявляется равноправие наций в стране и ликвидация национализма, в-третьих, утверждается существование социалистических наций, которые прямо противоположны капиталистическим нациям¹⁷. Важным для понимания отношения к сепаратизму является пункт о ликвидации буржуазного национализма, который является идеологическим основанием для сепаратистов. Так как проблема национализма была «решена» и исключена, как тема, из общественно-политического дискурса, проблема сепаратизма как сопутствующего явления также была закрыта.

Советский социально-гуманитарный научный дискурс находился в сильной зависимости от идеологического вектора, что выражалось в следующих аксиоматических утверждениях: во-первых, субъектом сепаратизма всегда является нация; во-вторых, ведущую роль в сепаратистских движениях играет буржуазия; в-третьих, сепаратизм имеет место только в капиталистических странах¹⁸. Исходя из этого, данное явление освещалось с различной степенью полноты на уровне отдельных примеров в капиталистических странах, но не было объектом специального научного исследования. Понятийный тезаурус был крайне идеологизирован, некоторые явления определялись как положительные, другие как отрицательные, несмотря на то, что по сути они являлись двумя ипостасями одного и того же понятия. Интернационализм отождествлялся с положительными коннотациями, то же самое явление, одновременно, называлось буржуазным космополитизмом и уже оценивалось как отрицательное. Понятие национализма, в позитивной трактовке, утвердилось как патриотизм, а в негативной – как буржуазный национализм. Такая же судьба постигла понятие сепаратизма, который в негативной трактовке назывался сепаратизмом, а в

позитивной – национально-освободительной революцией, национально-освободительным движением.

Это нашло отражение в советской литературе и словарях, во втором издании Большой советской энциклопедии сепаратизм определялся, как стремление в многонациональных буржуазных государствах «определенной группы населения, относящейся к национальным меньшинствам, к отделению от данного государства и созданию самостоятельного государства или автономии». В этой же статье и определяются параметры, по которым сепаратизм отличается от национально-освободительных движений: во-первых, сепаратизм не может быть массовым, во-вторых, он отражает интересы местной буржуазии, в-третьих, когда сепаратизм достигает победы, ее плоды используются буржуазией для установления монопольного господства во вновь созданном государстве, в-четвертых, сепаратистам помогают империалистические державы¹⁹.

В последующих изданиях Большой советской энциклопедии статья «сепаратизм» была исключена, как неактуальная для советской действительности и слишком неочевидно и мало отличающаяся от понятия национально-освободительной революции, которая маркировалась как, безусловно, позитивное явление, как «революция, вырастающая из национально-освободительного движения и направленная на уничтожение иностранного господства и завоевание национальной независимости, ликвидацию национально-колониального гнета и эксплуатации, реализацию наций ее права на самоопределение, на создание национального государства»²⁰. Данное понятие было оружием политического языка СССР в период распада колониальных империй и создания биполярной системы международных отношений.

Зависимость научного языка от политического языка СССР отнюдь не способствовала объективному рассмотрению феномена сепаратизма, что привело к замораживанию исследований в данной области до середины 1980-х годов. С началом процесса перестройки началось обострение межнациональных отношений, и центральная власть стала терять контроль над союзными республиками, что породило множество этнополитических конфликтов, некоторые из которых существуют и поныне. В этот период пространство для научного исследования сепаратизма и проблем, связанных с этничностью, расширяется, а идеологические рамки снимаются. С конца 1980-х – начала 1990-х годов начинается рост интереса к таким дисциплинам и темам, как этнополито-

логия, этносоциология, исследования проблем национализма, национальных движений, конфликтология.

Современными авторами выдвигаются определения сепаратизма как политического феномена, как составляющей части территориального конфликта, как идеологии. Рассмотрим некоторые из них. Первое из определений, которое стоит отметить, это определение американского исследователя сепаратизма Д. Горовица: «Сепаратизм – это обособление какой-либо группы населения, главным образом на этнической и религиозной основе, выход этой группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием нового государства»²¹. Л. Снайдер определяет сепаратизм как образ, деятельность, принцип или практику, разработанные для полного выхода из централизованного политического организма. Он отмечает, что экстремистские активисты отрицают автономию или полуавтономию как полумеры и призывают к отделению. Сепаратисты считают себя освободителями, а власти централизованного государства расценивают их деятельность как измену²².

Д.Н. Барышников рассматривает сепаратизм как явление, которое является частью территориального конфликта и стадией процесса дезинтеграции: «Сепаратизм – это высшая стадия процесса дезинтеграции, нередко отличающаяся наибольшим динамизмом и активностью. Низшие стадии этого процесса – регионализм и автономизм, непосредственно не приводят к отделению территории от единого государства»²³. А.Б. Крылов пишет: «Сепаратизм в современных полиэтничных государствах можно определить как политическое движение, целью которого является отделение от государства его части и создание на ней собственного независимого государства. Разновидностью сепаратизма является ирредентизм – движение за отделение с целью последующего присоединения определенной территории к соседнему государству. Идеологией сепаратизма является национализм»²⁴. М.В. Белозерова включает в объем понятия «сепаратизм» стремление, как к отделению части государства, так и к автономизации²⁵. Д.И. Щербинин выделяет «два качественно отличных уровня современного сибирского сепаратизма – автономистский (республиканский) и сецессионистский»²⁶. Сепаратизм может существовать не только в явной, но и в латентной (скрытой) форме. Для обозначения последней А.В. Елисеев использует термин «бархатный сепаратизм» (применительно к сепаратизму в Якутии)²⁷. Таким образом, мы можем сделать

вывод о том, что в современной науке нет единого понимания концепта сепаратизма, что также отражается в правовой сфере, в виде его слабой институционализированности. Один из немногих международных актов, определяющих сепаратизм – Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – определяет сепаратизм как: «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон»²⁸.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, появление понятия «сепаратизм» связано с религиозным расколом в англиканской церкви, и долгое время дискурс о сепаратизме был связан с религиозной тематикой. Во-вторых, понятие сепаратизма в России появляется в политическом языке в 1860-е годы, в основном, в контексте борьбы Третьего Отделения с польскими революционными кружками и польского восстания 1863–1865 гг. Данные события создали необходимость описать существующее положение дел, не романтизируя случившееся и негативно квалифицируя действия повстанцев. В-третьих, данному термину за все время своего существования практически во всех источниках сопутствуют негативные коннотации, и непосредственные акторы сепаратизма (движения, партии, личности) стараются как можно скорее сбросить с себя ярлык сепаратистов. В-четвертых, сепаратизм не является единственным термином, который претендует на описание феномена отделения территории от государства, существовали и существуют альтернативы. Однако, в связи с крахом советской системы и, как следствие, выходом из употребления советского политического языка, альтернативы понятию «сепаратизм» (которой раньше было понятие национально-освободительной революции или движения) нет, и основной вопрос заключается в смысловом содержании данного термина. В-пятых, неоднозначность понимания термина препятствует его институциональному закреплению в международном праве.

- ¹ *Koselleck R.* Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politischsozialen Sprache in Deutschland. (Hrsg.). O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 1. S. XIII–XXVII. Stuttgart, 1972.
- ² Separatism. An American dictionary of English language Merriam Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/separatism> (дата обращения 01.06.14).
- ³ *Каретникова М.С.* Протестантизм НТМ. СПб.: Библия для всех, 2008. С. 53.
- ⁴ Цит. по: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. С. 64.
- ⁵ *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. СПб., 1904. С. 302–304.
- ⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Литва и Жмудь // Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. С. 363–385.
- ⁷ *Даль В.И.* Сепаратизм // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866. Т. 4. С. 58.
- ⁸ *Бердяев Н.А.* Россия и Великороссия. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_duorr_00.html (дата обращения 01.06.14).
- ⁹ *Тухомиров Л.А.* Сочиненная Народность. URL: http://dugward.ru/library/tihomirov/tihomirov_sochinennaya_narodnost.html (дата обращения 01.06.14).
- ¹⁰ *Драгоманов М.П.* Автобиографическая заметка // Документы и материалы. 1841–1895. Львов, 2001. С. 15.
- ¹¹ *Ленин В.И.* Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии // Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1967. С. 123.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Ленин В.И.* (Апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б) // Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1967. С. 443.
- ¹⁴ Сепаратизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). СПб., 1900. Т. 58. С. 574.
- ¹⁵ Энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 38. С. 312.
- ¹⁶ Партикуляризм // ЭСБЕ. СПб., 1905. Т. 22. С. 886–887.
- ¹⁷ *Сталин И.В.* Национальный вопрос и ленинизм // Соч. М., 1949. Т. 11. С. 333–353.
- ¹⁸ *Крылов А.Б.* Сепаратизм в странах Востока. М.: Наука, 1992. С. 6–8.
- ¹⁹ Сепаратизм // Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Изд. 2-е. М., 1955. Т. 38. С. 530.
- ²⁰ Национально-освободительная революция // БСЭ. Изд. 3-е. М., 1969–1978 гг. Т. 18. С. 134.
- ²¹ *Горовиц Д.* Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: Наука, 1993. С. 145–164.

- ²² *Клачков П.В.* Понятие и значение сепаратизма // Теория и практика общественного развития. 2013. Т. 1. № 12. С. 39–41.
- ²³ *Барышников Д.Н.* Конфликты и мировая политика : учеб. пособие. М., 2008. С. 189–191.
- ²⁴ *Крылов А.Б.* Сепаратизм: истоки и тенденции развития: из опыта политического развития некоторых зарубежных стран. М.: Знание, 1990; Он же. Сепаратизм в странах Востока ...
- ²⁵ *Белозерова М.В.* К проблеме проявления сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 69–73.
- ²⁶ *Щербинин Д.И.* Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, Республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2010.
- ²⁷ *Елисеев А.В.* Якутия: бархатный сепаратизм? // Православное информационное агентство «Русская линия». URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=15773> (дата обращения 01.06.14).
- ²⁸ Шанхайская конвенция // Официальный сайт Шанхайской Организации Сотрудничества. URL: <http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=82> (дата обращения 01.06.14).

Научное издание

Антропология города глазами молодых исследователей

По материалам конференции молодых ученых
Москва, 22–24 декабря 2014 г.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка: *Е.Б. Баринова*
Редактор: *О.Л. Милова*
Художник: *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 12.11.2015
Формат 60х84 1/16. Усл.-печ. л. 14,6
Тираж 300 экз. Заказ № 73

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а